

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Евения
Горская

СУДЬБУ СЛУЧАЙНО
НЕ ВСТРЕЧАЮТ

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

*Евгения
Горская*

СУДЬБУ СЛУЧАЙНО
НЕ ВСТРЕЧАЮТ

Annotation

Они с детства были неразлейвода – три подруги: веселая озорница Кира, капризная красавица Аля и добродушная умница Маша. Старший брат Киры Денис не воспринимал девчонок всерьез и не замечал влюбленной в него Маши, а она не смела обратить на себя его внимание. В отличие от самоуверенной Али... Но жизнь сложилась совсем не так, как они представляли в мечтах, – Денис насмерть сбил человека, и его осудили. Это стало концом дружбы трех девушек: Кира замкнулась в себе и своей беде, Маша полюбила другого, Аля успешно вышла замуж и родила сына. Но едва Денис освобожден из заключения, его застрелили! И это преступление вновь свело подруг вместе, ведь убийство Кирино брата навсегда изменило жизнь каждой...

- [Евгения Горская](#)
 -
 -
 -
 - [Эпилог](#)
-

Евгения Горская

Судьбу случайно не встречают

© Горская Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Я люблю хорошие книги про «обычных» людей!

Речь сейчас не идет о по-настоящему сложной, большой литературе, которая поднимает самые серьезные и страшные вопросы – быть или не быть; тварь ли я дрожащая или право имею; что делать и кто виноват? Все это вопросы, поставленные писателями в разное время и в разных книгах, и ответов на них нет до сих пор – и вряд ли появятся.

Вернее, так: в тот день, когда человечество поймет, как на них отвечать, оно, это самое человечество, и кончится. Ибо ему, человечеству, нечем станет заняться – не рассматривать же всерьез в качестве занятия улучшение качества селфи, прием витаминов для омоложения и постановку «Трех сестер» в новом, революционном прочтении!.. Вышеперечисленное не имеет никакого смысла, а вот эти вопросы – имеют!

Беллетристика была, есть и будет всегда – покуда не закончится цивилизация. Несмотря на то что она не поднимает вселенских вопросов и не создает исполинов духа, «литература для чтения» необходима любому человеку, даже самому высокообразованному, – чтобы неожиданно для себя, сидя с книжкой в метро или на даче, вдруг засмеяться или заплакать, задуматься о чем-то, вспомнить хорошее и порадоваться, что все впереди, вспомнить плохое и еще раз порадоваться, что оно миновало, посочувствовать героям, невзлюбить злодеев. Это и есть – человечность.

Кстати сказать, это очень человеческое занятие – описывать себе подобных, разбираться в их судьбах, рассуждать о поступках, рассматривать с разных сторон. Так вот, я не люблю, когда «книги для

чтения» написаны плохо и повествуют невесть о ком – я не знаю таких людей, потому что их, таких, не бывает!..

Мне нравится в книгах Евгении Горской, что ее герои – не только обычные, но и самые настоящие люди! Они живут самой обыкновенной жизнью и словно получают от автора задание – разобраться в темной запутанной истории и получить правильный ответ. И награда за усилия – любовь, новое понимание жизни, уверенность в собственных силах. Это достойная награда, доложу я вам!..

Татьяна Устинова

Дождь лил с утра, и это было кстати. Человек вошел в подъезд, прикрываясь зонтом. Он не знал наверняка, есть ли в подъезде камеры, но, ожидая лифта, делал вид, что складывает зонт, держа его над головой. Ни в одну камеру не должно было попасть его лицо.

Ему повезло, в подъезд никто не вошел. В лифте он опустил зонт, доехал до нужного этажа. Достал из кармана бумажный носовой платок, обернул им палец и нажал кнопку звонка нужной квартиры.

Ему открыли быстро, и он вошел внутрь, стараясь ни к чему не прикоснуться.

Все заняло минуту. В лифте он опять не полностью раскрыл зонт и, прикрывая им лицо, вышел на улицу.

Лило как из ведра, противно завывал ветер, трещало дерево сбоку, и человек еле удерживал зонт.

15 августа, понедельник

Такого ливня, как накануне, не было за всю историю метеонаблюдений. Так, во всяком случае, говорили в новостях. Дождь шел сутки, практически без перерывов, подтопил множество улиц, едва не привел к транспортному коллапсу или даже привел, Кира толком не поняла.

Она ждала брата Дениса, которого не видела почти четыре года. Кира ждала его еще вчера, потому что вчера у нее был день рождения и Дениска обещал обязательно заглянуть.

Ей не хотелось встречаться с братом. Она боялась его увидеть.

Брат недавно освобожден из заключения.

Вчера Денис так и не приехал. Звонить ему Кира не стала, в одиннадцать легла спать. Но утром все-таки позвонила. Сначала на

городской номер старой родительской квартиры, потом, когда ей никто не ответил, на мобильный и слушала длинные гудки, пока ей не объяснили, что абонент не отвечает.

Она старалась не помнить о Денисе все эти годы, и ей это почти удавалось. Кира перестала общаться со старыми знакомыми, устроилась на работу в другом районе города – администратором в маленький салон красоты – и почти не появлялась в родительской квартире, чтобы, не дай бог, не столкнуться с соседями и избежать дурацких вопросов.

День прошел как обычно. Клиентов в салоне было немного, и потому что лето, все в отпусках, и потому что кризис. Кризис ощутимо бил по населению. Даже у парикмахерши Марины, мастера очень высокого класса, было пустое часовое окно.

Кира Маринку любила. За доброту и жизнерадостность и еще за то, что рядом с ней отчего-то становилось легко и спокойно. Марина весь свободный час просидела около Киры, сетовала, что сын-шестиклассник никак не хочет учить математику, поскольку намерен работать исключительно в полиции, как папа.

– Ты ему скажи, – посоветовала Кира, – что математика хорошо мозги тренирует. Математика – это логика, а логика полицейскому точно нужна.

– Да я это и говорю, Кир. – Марина внимательно посмотрела на Киру и вздохнула. – Неприятности?

– Нет, – отрезала Кира. – С чего ты взяла?

– Да так, – улыбнулась подруга. – Ни с чего. Вроде ты грустная. Извини.

Конечно, она грустная. Она уже четыре года грустная.

У нее брат уголовник.

Наконец явилась Маринкина клиентка. Кира заулыбалась, предложила чай-кофе, клиентка, ясное дело, отказалась.

Больше никто на сегодня не записывался. Кира поскучала, читая в Интернете всякую ерунду, когда в дверь салона толкнулся какой-то парень. Охраны в салоне не было, поэтому дверь держали запертой и открывали, когда клиенты звонили в звонок. Кира протянула руку к находившейся под столом кнопке, отпирающей электронный замок.

– Извините, мне бы к стоматологу. – Парень оказался мужчиной лет тридцати пяти в джинсах, футболке и почти незаметных очках.

Очки тянули на половину Кириной зарплаты.

Кира таких мужиков терпеть не могла. Такие остались в прошлой жизни. Сейчас она уютно чувствовала себя с шоферами, охранниками и курьерами, которые привозили в салон шампуни и прочую косметику.

– Стоматология рядом, – буркнула Кира. – Соседняя дверь.

Мужчина вышел, она опять уткнулась в экран компьютера.

Простились и ушли косметолог и маникюрша. Марина наконец-то проводила преображенную клиентку. Кира похвалила стрижку.

Через несколько минут упорхнула и Марина, уборщица Зиля провозилась еще с полчаса, Кира еле дождалась, когда она перестанет водить шваброй по полу.

Со вчерашнего дня заметно похолодало. Запирая дверь, она впервые за несколько недель почувствовала, что мерзнет на холодном ветру. После холодного июня июль и август побаловали, тепло было даже ночью.

Закапал дождь. Кира остановилась на скользких ступенях крыльца, принялась шарить в сумке, наконец нащупала зонт, достала.

Мягко хлопнула соседняя дверь, из стоматологии вышел давешний мужик, скептически покосился на Киру и неожиданно предложил:

– Давайте я вас подвезу, у меня машина.

– Спасибо, – улыбнулась ему Кира. – Сама дойду.

Мужчина пожал плечами, сбежал с крыльца.

Ветер, казалось, дул со всех сторон. Дождь усилился. Прямо на глазах образовались лужи, одну пришлось обходить по краешку газона. Узкий бордюр оказался скользким, и Кира чуть не шлепнулась прямо в грязную воду.

Скромная «Тойота» обогнала ее у поворота к метро.

– Садитесь, – приоткрыл дверь посетитель стоматологии.

Вид у него при этом был такой, как будто он подбирает нищенку с паперти: и доброе дело совершать неохота, и совесть не дает бросить на произвол судьбы несчастное существо.

Наверное, из-за того, что смотрел он на нее хмуро и разговаривал без особой симпатии, Кира и села к незнакомцу в машину. Цену улыбкам она хорошо знала, сама растягивала губы с утра до вечера.

– Куда?

Сзади посигналили, мужчина тронул машину, свернул в сторону центра.

– К метро.

– Да ладно вам, – поморщился он. – Говорите адрес. Может, нам по пути.

Кира планировала ехать домой, чтобы поскорее залечь в горячую ванну, почитать что-нибудь или послушать музыку, но неожиданно назвала адрес родительской квартиры.

Она встретится с братом и опять о нем забудет.

Решение было правильное, ей стало спокойнее. Все-таки странно, что вчера Денис так и не объявился, раньше он был очень пунктуален. Впрочем, раньше он не был уголовником.

Раньше она очень любила брата. Гордилась и хвасталась им, и ужасно ревновала к подруге Але. Алька считалась его девушкой.

Мужчина ехал молча, и Кира неожиданно заговорила сама. Обычно она помалкивала. Привыкла помалкивать за последние четыре года.

– Заболел зуб?

– Заболел, – подтвердил он, даже не посмотрев на Киру.

– И как? Вылечили?

Он свернул на Садовое. Когда-то Кира считала, что всегда будет жить в центре, и долго не могла привыкнуть к бабушкиной квартире в не слишком отдаленном, но все-таки чужом районе.

– Поставили временную пломбу.

Водитель был не намерен поддерживать разговор. Ну и черт с ним. Кира принялась рассматривать дома и редких прохожих и чувствовала себя дальней странницей, случайно занесенной в некогда знакомые места.

– Какой подъезд? – Машина уверенно свернула в арку между домами.

Под этой аркой Кира впервые поцеловалась со своим однокурсником, в которого была влюблена год до этого. И здесь же осталась одна, когда сказала ему, что у нее посадили брата.

Любимый тогда сразу куда-то заторопился, чмокнул ее в лоб, обещал позвонить и больше не звонил.

– Следующий, – показала Кира и замялась, держась за ручку двери.

– Я не подрабатываю извозом, – усмехнулся мужчина – догадался, что она сейчас предложит ему деньги, и от этого Кире впервые за много времени стало весело.

– Спасибо. – Она быстро вышла из машины и добежала до подъезда.

Дом показался чужим, незнакомым, наверное, потому что недавно заменили лифт.

Кира была здесь чуть больше месяца назад, перед приездом Дениса. Брат сообщил, что освободился и приедет, она отправилась в родительскую квартиру, вытерла пыль, купила кое-какие продукты. Запасные ключи от квартиры оставила на гвоздике рядом с дверью, а саму дверь не заперла. Код от подъезда сбросила брату эсэмэской.

Она не заволновалась, когда Денис не открыл. Только разозлилась на себя, и за то, что приехала, и за то, что перед этим не позвонила, и за то, что явилась даже без ключей.

От злости и дернула ручку двери, и даже сразу не поняла, что дверь не заперта.

Дениса она нашла лежащим на полу в коридоре. Уже засохшая кровь образовала небольшую лужу на старом паркете, который давно нужно было заменить.

Отпускное время уходило, а Маша ничего из намеченного сделать не успевала. Вообще-то, в отпуск они с Павлом собирались поехать куда-нибудь на море, но фирме, в которой Павел работал, удалось заключить срочный контракт, и нормальный отдых не состоялся. Муж чувствовал себя виноватым, смотрел на нее с видом нашкодившей собаки, и Маша безуспешно уверяла его, что прекрасно проведет время на даче.

На самом деле, она могла прекрасно провести время и в Москве.

Так и вышло. Ежедневно ездить на работу из Подмосковья Павел не мог, на дорогу уходило слишком много времени. А время муж предпочитал отдавать работе, тем более что работа была срочной и ответственной.

Одной на даче Маше было скучно, и она целыми днями валялась с книжкой в пустой квартире.

– Походи хотя бы в бассейн, – уговаривал Павел.

– Лень, – честно отвечала Маша.

С ним она поехала бы в бассейн с удовольствием. С ним она куда угодно поехала бы, а одной действительно не хотелось.

Так и вышло, что всю жару она провела в городе под кондиционером, а когда собралась хотя бы на пару дней все-таки выбраться за город, похолодало и пошел дождь.

Маша в очередной раз посмотрела за окно и вздохнула. Съездить на дачу было нужно. Собрать немногие созревшие ягоды – год выдался неурожайным, да и просто присмотреть за участком и домом.

Ехать же в выходные было особенно неудобно, потому что в эти дни за город ехала вся Москва и дорога удлинялась в разы.

Дождь не утихал. Маша опять улеглась на диван, жалея, что новый американский детектив скоро кончится. Павел предупредил, что задержится, и она с тоской посмотрела на часы.

Телефон зазвонил, когда главная героиня решала, белую или голубую блузку ей надеть на встречу с молодым человеком.

– Да, Кира. – Маша удивилась ее звонку.

Она только вчера звонила Кире, поздравила с днем рождения и, как обычно, убедилась, что Кире не нужны ни ее поздравления, ни она сама.

Подруга говорила, негромко и четко произнося слова, а Маше показалось, что она слышит не о чужом несчастье и горе, а ее саму из новой уютной квартиры засасывает куда-то в темное, неизведанное и страшное. Думать о себе в такой момент было отвратительно, и она быстро сказала:

– Я сейчас приеду. Кира, я сейчас приеду.

До района, где они с Кирой выросли, ехать было минут двадцать, а казалось, что это разные города. Маша уже привыкла к широким улицам, к сплошному потоку машин и озабоченной, спешащей публике. В центре люди никуда не спешили, они гуляли, смеялись, пили вино и кофе на верандах бесчисленных кафе.

Ее родители жили рядом с Кириными, но Маша всегда приезжала к ним днем, и разница не была так заметна.

В последний раз в квартире Кириных родителей Маша была, когда арестовали Дениса. Они сидели с Кирой в ее комнате и молчали, за стеной рыдала Кирина мама, а Кирин папа ее не утешал.

Кирин папа умер через полгода после ареста сына. Умер скоропостижно, прямо у себя в рабочем кабинете. Маша ходила на

похороны и на поминки, что семья устроила в каком-то ресторане.

Мама у Киры не стало год назад. Маша опять ходила на похороны, но уже чувствовала себя рядом с Кирой совершенно посторонней.

Кода подъезда она не знала, но звонить в домофон не пришлось, из подъезда вышла пожилая пара, и Маша проскользнула внутрь.

В квартиру тоже звонить не пришлось. Оттуда вышел молодой хмурый мужчина, недовольно посмотрел на Машу.

– Я подруга Киры, – решительно сказала Маша. – Она просила меня приехать.

Мужчина не стал ее прогонять, вошел вместе с ней, буркнул:

– Подождите здесь, – и исчез за поворотом коридора.

Она привалилась спиной к косяку двери.

Из глубины квартиры слышались негромкие голоса, появлялись и исчезали люди в полицейской форме и в штатском, без любопытства оглядывая Машу.

В детстве она любила играть у Киры. Машина мама работала дома, заставляла учить уроки, мыть за собой посуду и ужасно мешала, а Кирины родители приходили с работы поздно, и проводить здесь время было сплошным удовольствием.

Подруги прокрадывались к комнате Дениса и смотрели в щелку, чем занят Кирин старший брат. Как правило, Денис сидел за письменным столом. Если замечал девчонок, отгонял их от своей комнаты. Однажды даже дал Маше подзатыльник. Довольно больно, между прочим.

Маша была в Дениса влюблена, пока не встретила Павла.

Наверное, она стояла в коридоре недолго, но ей показалось, что время остановилось.

Потом откуда-то вышел молодой парень в футболке с изображением российского флага на груди, улыбнулся Маше, спросил, кто она такая и где живет.

Маша объяснила, спросила, не показать ли паспорт. Парень отмахнулся.

И тут наконец вышла Кира. Подруга не плакала, только сразу взяла Машу за руку, а Маша ее обняла. Они так и стояли, обнявшись, пока не вынесли тело Дениса и не опустела квартира. Потом квартиру опечатали, и Маша отвезла Киру к ней домой.

Елену Анатолий Михайлович узнал не сразу. Он шел от метро и случайно задержал взгляд на спешащей навстречу женщине. Они уже разминулись, когда он тоскливо подумал – Елена. Она его не заметила, и оборачиваться он не стал.

Елена иногда приезжала к своей сестре, жившей в соседнем с ним доме, и Анатолий Михайлович пару раз ее встречал. Они перекидывались ничего не значащими словами и опять расходились каждый в свою жизнь.

А когда-то ему казалось, что его жизнь – это Елена.

У подъезда Анатолий Михайлович замедлил шаг, даже постоял немного на крыльце, не нажимая кнопки домофона. Идти домой не хотелось. Он подумал, не зайти ли в ближайший ресторан, но тут опять пошел дождь, он неодобрительно посмотрел на свои грязные туфли и наконец вошел в подъезд.

Он уже несколько лет ездил на работу на метро и втайне этим гордился. Своей демократичности он, конечно, не афишировал, и вызвана была демократичность исключительно прагматическими причинами: от дома до метро и от метро до работы было по две минуты небыстрым шагом, и проехать требовалось всего две остановки по прямой, а пробки, несмотря на введенные платные стоянки, московские власти так и не победили.

– Толя! – крикнула из комнаты жена, когда он отпер дверь. – Ты?

– Я! – крикнул в ответ Анатолий Михайлович.

Она не вышла его поцеловать, и он был этому рад. Он понял, что не любит жену давно, когда Але было всего восемь месяцев.

– Аля заходила? – вымыв руки, он заглянул в комнату.

Жена лежала на диване под пледом, листала какую-то книгу.

– Ты не заболела?

– Нет. – Она отложила книгу, ласково улыбнулась. – Аля заходила утром. Мы немного поиграли с Данечкой, потом он закапризничал, и они ушли.

Дочь жила недалеко от них и забегала почти каждый день.

– Ты голоден?

– Нет. – Анатолий Михайлович тоже постарался ласково улыбнуться жене. – Лежи. Захочу есть, сам возьму.

Он понял, что не любит жену, когда осознал, что не верит ни одному ее слову. Не потому что она постоянно его обманывала, наоборот, он был уверен, что ему она как раз говорит правду.

Просто она как будто постоянно играла какие-то роли, а что она при этом чувствует на самом деле, узнать было невозможно.

Анатолий Михайлович заварил себе крепкого чаю, взял конфету из вазочки, повертел в руках. На пробу положил в рот, оказалось вкусно.

Але было восемь месяцев, когда она безучастно проспала сутки, ненадолго открывая глазки. Они не сразу догадались измерить температуру, и, когда вызвали детскую неотложку, температура оказалась под сорок.

Жена плакала, начинала шептать какие-то молитвы, смотрела на него непонимающими глазами, а он носил больного ребенка на руках, боясь положить в кроватку.

Врач выписала какие-то лекарства, он сбегал в аптеку, и вскоре температура упала.

Жена мгновенно успокоилась, заснула, а он сидел возле кроватки дочери, трогая рукой влажный лобик, и боялся отойти. Он так и не заснул в ту ночь, а жена ни разу не проснулась.

На следующее утро она опять плакала и опять шептала молитвы, хотя ребенок уже явно выздоравливал, и жалобно просила, чтобы Анатолий немедленно организовал консилиум или что-нибудь в этом роде, а он ей не верил.

Наверное, он был не прав и она действительно искренне переживала за дочь, но слушать ее ему было противно.

Но скорее всего давняя болезнь дочери и вовсе ни при чем и разлюбил жену Анатолий Михайлович просто потому, что никогда и не любил.

Любил он только одну женщину, Елену.

– Толя! – крикнула из комнаты жена. – В холодильнике мясо.

– Спасибо! – крикнул он в ответ.

Раньше ему казалось, что он заболевает, когда не видит Лену несколько дней.

Странно, но сначала она ему не понравилась.

Дочь училась тогда в десятом классе. Он пришел в школу на родительское собрание, уселся рядом с незнакомой худенькой

женщиной и совершенно не смотрел в ее сторону. На родительские собрания он всегда ходил сам, не по каким-то специальным соображениям, а просто потому, что так складывались обстоятельства. Жена то болела, то именно в этот день и в это время ей нужно было в парикмахерскую, то еще что-то ей мешало встретиться с учителями.

Так исторически сложилось, объяснил он потом Лене, когда она спросила, почему Алина мама никогда не приходит в школу.

В тот день учителя, как обычно, дружно хвалили класс и сетовали на некоторых нерадивых учеников, в число которых его дочь, слава богу, никогда не попадала. Собрание было рядовым, скучным, он еле дождался окончания.

На улице к тому времени совсем стемнело. Сидевшая рядом с ним женщина вышла следом, поскользнулась на скользких от ночных заморозков ступенях, и Анатолий едва успел подхватить ее под локоть. Она весело ему улыбнулась, высвободила руку и быстро прошла вперед.

Второй раз она поскользнулась шагов через десять, и он опять чудом ее поймал. Похоже, у нее была очень скользкая обувь.

В тот день он даже не предполагал, что его жизнь изменится. Они посмеялись над ее неуклюжестью и расстались, чтобы больше никогда не встретиться.

– Ну что же ты ничего не ел! – встревожилась жена, садясь напротив Анатолия Михайловича. – Ты плохо себя чувствуешь?

– Я отлично себя чувствую, – заверил он и заставил себя улыбнуться. – Просто нет аппетита.

Жена обиженно покачала головой: я стараюсь, а ты...

Ее старания давно сводились к указаниям теткам, приходившим готовить и убирать квартиру. Домработниц она искала либо через какие-то фирмы, специализирующиеся на подобных услугах, либо через знакомых. Впрочем, тетки надолго не задерживались. Жена сначала начинала обожать и жалеть новую работницу, поскольку женщины, как правило, были приезжими и неустроенными. Потом обожание и жалость сменялись легким раздражением – господи, Толя, она меня сегодня довела до мигрени, принялась мыть ванную какой-то ядовитой химией, а я сто раз предупреждала, что у меня аллергия! Ну а потом раздражение нарастало, и вместо одной женщины появлялась другая.

Анатолий Михайлович допил чай, сунул чашку в посудомойку, поцеловал жену и покосился на часы. Скоро можно ложиться спать. Еще один день прошел.

16 августа, вторник

Кира работала через день, не пришлось звонить в салон и упрашивать, чтобы ее подменили. То есть звонить все равно придется, сил идти в ближайшее время на работу нет, но звонок хотя бы можно отложить на вечер.

Она не думала, что удастся заснуть, а проспала всю ночь, как младенец. И проснулась поздно, почти в девять.

Вчера Киру долго расспрашивали про брата, а сказать ей было нечего. Четыре года назад Денис сбил насмерть беременную женщину, грубо и нагло нарушив правила дорожного движения.

До этого Кира не поверила бы, что брат на такое способен. И никто бы не поверил.

До этого машину Денис водил аккуратно, а в метро уступал старушкам место. Он исписывал кучу бумаги формулами, брэнчал на гитаре и каждое утро поднимал шестнадцатикилограммовую гирю.

Вчера она не разглядела его лица, Денис лежал на полу лицом вниз, и она видела только коротко стриженный затылок. Раньше брата считали красавцем.

Ей всегда это казалось несправедливым, потому что они с Денисом были очень похожи, но ее красавицей никто не называл. Впрочем, Кира умела это исправить, особенно работая в дорогом салоне. У женщины должна быть хорошая кожа, хорошие волосы и хороший макияж – вот и вся наука.

Встать не хотелось, но она себя заставила. Сварила кофе, выпила, сварила еще.

Кира понятия не имела, кто знал о том, что Денис вернулся.

Кира понятия не имела, чем он теперь собирался заниматься. Едва ли вернулся бы к себе в университет, где работал до ареста. В университет, наверное, с судимостью бы не взяли. Она на месте брата туда даже и не сунулась бы.

Вчера на его столе обнаружили раскрытый ноутбук. Ноутбук скорее всего его старый, и скорее всего он работал, иначе зачем бы брату его включать. Но Кира вчера не подошла не только к брату, к

ноутбуку тоже. Еще на столе лежал старый альбом с фотографиями, раскрытый там, где они с Денисом совсем маленькие. Альбом Кира зачем-то закрыла, пока ждала полицию.

Внезапно ей стало нехорошо, и Кира схватила себя руками за щеки. Она не подошла к брату и не обняла его и больше никогда не сможет этого сделать.

Вообще-то они с братом никогда не обнимались и не целовались, если не считать совсем редких случаев. Она повисла на Денисе, когда он защитил диссертацию, а он чмокнул сестру в лоб, когда Кира принесла домой диплом о высшем образовании.

Сейчас ей казалось самым страшным, что она никогда больше не сможет его обнять. Это было так ужасно, что Кира застонала.

– Прости меня, если сможешь, – проговорила она в пустоту.

Пустота ей не ответила. Тихо включился бабушкин холодильник, из открытого окна слышался детский плач, стих.

– Я его предала, – сказала вчера Кира подруге Маше.

Маша не ответила, погладила ее по плечу – держись.

Вчера у Киры это вырвалось непонятно почему. Вчера она еще не понимала этого так, как поняла сейчас – она предала брата, и ей нет прощения.

Кира страдала и жалела себя и решила никогда и никому не говорить, что ее брат сидит в тюрьме. Хватит того, что любимый парень, узнав об этом, никогда больше ей не звонил.

Кира на него не обижалась, она и сама держалась бы подальше от семьи уголовника.

Поэтому и устроилась в салон красоты. В нормальной фирме не скроешь, что брат в тюрьме, там нужно заполнять полные анкеты.

Кира опять застонала и уткнула лицо в ладони.

Она уже не могла попросить у Дениски прощения, она могла только похоронить его по-человечески и ходить на могилу дважды в год. В день рождения и в день смерти. Нет, еще полагается ходить на Красную горку, это то ли перед Пасхой, то ли после, Кира точно не помнила.

Она заставила себя оторвать ладони от лица и медленно допила остывший кофе.

Брат уже не мог ее простить, и она сама не могла себя простить, но она знала, что будет делать.

За окном светило солнце. Вчерашний дождь опять сменился необычной для августа жарой. Кира быстро сполоснула чашку, натянула на себя первое, что попало под руку, – белые брюки и белую с синим футболку, сунула ноги в босоножки и вышла на улицу.

Уже почти у метро подумала, что надеть следовало что-нибудь темное, но возвращаться не стала, спустилась по эскалатору, втиснулась в набитый вагон. У молодого парнишки рядом с ней из наушников лилась тяжелая музыка, перекрывая даже шум идущего поезда. Кира пожалела беднягу, парень должен скоро либо оглохнуть, либо заработать жестокую мигрень. Она бы от такого грохота точно заработала.

Денис любил музыку. И современную, и старую. Он и работал всегда в наушниках, чему Кира постоянно удивлялась, ей для мозговой деятельности требовалась абсолютная тишина.

В метро было жарко. Уличный прохладный ветерок приятно охладил кожу. Захотелось мороженого, она остановилась у только что открывшегося киоска, постояла и отошла, так ничего и не купив.

Народу в центре было немного, до родительского дома она дошла почти по пустым улицам. Лифта ждать не стала, поднялась на четвертый этаж пешком. Сосед Иван Яковлевич жил двумя этажами выше родителей, и вообще-то Кира плохо его знала. Собственно, она всех соседей знала плохо, хотя почти всю жизнь прожила в этом доме. Здоровалась при встрече да перекидывалась парой фраз при случае.

Сосед открыл сразу, как будто стоял за дверью, и совершенно не удивился, увидев ее на пороге.

– Проходи, – отступил он.

– Разуваться? – Кира с сомнением посмотрела на босоножки.

– Не надо. Проходи так. Завтракать будешь?

Ивану Яковлевичу было лет семьдесят. Несколько лет назад у него умерла жена, родители ходили на похороны, а они с братом – нет. Тогда у нее еще был брат.

– Нет, – отказалась Кира.

Иван Яковлевич повернулся, направился в комнату, тесно заставленную книжными шкафами.

– Не знаю, куда девать библиотеку, – заметив, что она покосилась на книги, вздохнул старик.

Кира не ответила, опустилась в кожаное кресло. Кресло было новым и явно дорогим, она вспомнила, что дети у соседа давно живут за границей. Это ей еще мама рассказывала. Тогда у нее была мама.

– Дениса убили.

– Знаю. – Старик сел в кресло напротив, тяжело на нее посмотрел. – Я тебя видел вчера, только подходить не стал.

Кира его вчера не заметила, вчера она мало что была способна заметить.

– Вы его видели?.. – Она не знала, как закончить: после отсидки? После освобождения?

– Видел, – кивнул сосед. – Он заходил ко мне несколько раз. По вечерам. Мы выпивали по рюмочке.

Кира только теперь заметила на стене большую фотографию жены соседа. Фотография была из последних, старая женщина смотрела с нее на Киру грустно и укоризненно. Кира помнила ее хохотушкой. Соседка отлично рассказывала анекдоты, мама пыталась повторять, но у нее ничего не выходило.

– Денис собирался жить.

Кира поморщилась. Конечно, собирался. Он же не сам себя убил, его убил кто-то другой.

– Устроился программистом.

– Что? – поразились Кира. – Куда?

Она не думала, что брат попытается найти нормальную работу. И тем более, не думала, что найдет. Она видела его в лучшем случае сантехником.

– Куда – не знаю. В какую-то фирму. Он уже неделю работал. А почему тебя это так удивляет?

Иван Яковлевич отличался проницательностью. Кира пожала плечами.

– Денис был правильный мальчик.

Кира хотела заметить, что правильные не попадают в тюрьму, но промолчала.

– Ему многое пришлось пережить, но он выстоял. Мне очень жаль, Кира.

– Мне тоже, – криво усмехнулась она. – Иван Яковлевич, в подъезде должна быть камера...

– Камера есть, но толку от нее нет. Все, кого можно разглядеть, свои были.

– Вы это точно знаете?

– Полицейские говорили.

Больше делать здесь было нечего, но уходить Кире почему-то не хотелось.

– Вы не знаете, как он жил? С кем встречался? – Она должна была это сама знать.

– Нет, – покачал головой старик. – Этого не знаю. Оставь-ка мне телефон.

Кира продиктовала номер. Уходить не хотелось, но она поднялась.

– Обязательно сообщи, когда похороны.

– Конечно.

У двери Кира помедлила. Ей хотелось, чтобы сосед ее задержал, но Иван Яковлевич молчал. Она кивнула на прощанье и захлопнула дверь.

Вчера Маша вернулась домой поздно и даже не заметила, что Павел пришел совсем незадолго до нее. Он переодевался, когда она отперла дверь. По дороге к Кире она ему дозвонилась, сообщила, что у подруги горе.

– Ну как ты? – участливо спросил муж, надевая домашнюю футболку.

Маша махнула рукой – ужас!

– Денис, оказывается, освободился месяц назад. – Она тоже переделалась в домашнее, вымыла руки, подставила ему висок для поцелуя.

– Знаю. Он мне звонил. – Павел пошел на кухню, включил электрический чайник.

– Что? – опешила Маша, входя следом. – И ты мне ничего не сказал?

Когда-то Денис и Павел учились вместе. Маша и познакомилась со своим будущим супругом в доме у подруги.

Муж пожал плечами, достал чашки, свою и Машину, заварил чай прямо в них. Правильно бы достать фарфоровый чайник, но доставать было лень.

– Я боялся, что он будет просить, чтобы я его на работу устроил, но он не попросил. Слава богу.

– Почему боялся? – машинально спросила Маша. Ей казалось, что у них с Павлом давно нет секретов друг от друга, а оказалось, что это не так.

Обижаться, в общем-то, было не на что, но все равно обидно.

– Ну как ты не понимаешь! Я стараюсь наработать репутацию. И приведу судимого?!

– Он сидел не за убийство и не за растление малолетних.

Разговор шел как-то неправильно, нехорошо. Маша обняла руками чашку, чашка была горячей, жгла пальцы.

Когда-то Денис здорово помог Павлу с диссертацией. Маша мало что в этом понимала, просто слышала обрывки разговоров.

– Да какая разница!

Разница была, но говорить этого Маша не стала.

– Ужинать хочешь?

– Нет, – отказался муж. – Пойдем спать, поздно уже.

Только утром, целуя его около двери, Маша вспомнила:

– Паш, а зачем Денис тебе звонил?

– Хотел узнать Алькин адрес.

Павел обнял ее, поцеловал, легко отодвинул.

– Ты ему сказал? – задержала его Маша.

– Как же я мог сказать, – засмеялся Павел, – если я его не знаю?
Пока!

Она заперла дверь, подошла к окну, посмотрела, как машина мужа сворачивает за угол дома. Деревья внизу еще не начали желтеть, только недавно посаженная рябина уже покрылась оранжевыми пятнами созревающих ягод. Бабушка утверждала, что обильная рябина к морозной зиме.

Денис хотел узнать Алькин адрес...

Денис почти не обращал на девчонок внимания. Не вообще на девчонок, этого Маша не знала, а на них, на Кириных подруг.

Маша хорошо помнила, как, каждый раз отправляясь к подруге, мечтала встретить Дениса. С восьмого класса мечтала.

И была счастлива, когда ей удавалось перекинуться с ним парой слов.

Они дружили втроем, Маша, Кира и Аля.

Сначала никто не обращал внимания, когда Аля начала просить Дениса помочь ей с уроками. То есть Кира и Маша это заметили и даже правильно все поняли – у Али в то время уже были репетиторы и помощь студента Дениса, на самом деле, ей не требовалась.

Поначалу выглядело это все ужасно глупо, а в результате глупенькими оказались Маша и Кира – подруга Аля прочно и уверенно заняла место рядом с братом Киры.

Правда, недели за две до того ужасного ДТП Денис и Аля вконец рассорились. «Хоть бы он послал ее куда подальше», – мечтала Кира. Она в то время Алю терпеть не могла и постоянно к ней цеплялась. Ревновала. И Маша ревновала, хотя уже любила Павла.

Аля вышла замуж через месяц после ареста Дениса и даже на суд не пришла. Кира с ней вообще с тех пор не виделась и не разговаривала, а Маша как-то позвонила подруге просто так, поболтать, тогда и узнала, что Аля уже замужем.

– Ты знаешь, – объяснила она, – мы не устраивали свадьбу. Расписались и поехали отдыхать. Ты не обиделась?

Подруга всегда переживала, как бы кто-нибудь на нее не обиделся.

– Не обиделась, – сказала Маша, хотя обомлела от услышанного. Она считала Алю близкой подругой.

Про Дениса Аля тогда не спросила. Впрочем, Маша ничего и не смогла бы ей рассказать, Кира ей совсем не звонила, а когда Маша звонила сама, Кира быстренько сворачивала разговор.

С тех пор они разговаривали с Алей трижды в год: на Машин день рождения, на Алин и на Новый год.

На свою свадьбу Маша подругу пригласила, но та не пришла, потому что вот-вот должна была родить. И Кира не пришла, потому что у нее недавно умер папа, а мама болела. Во всяком случае, подруга так объяснила.

Зазвонил телефон, Маша ответила. Тетя Лена, мамина младшая сестра, доложила, что вчера вечером полила цветы в квартире Машиних родителей. Родители уехали отдыхать, Маша клятвенно обещала следить за цветами, а в результате поливала их Лена. Это было форменным безобразием, Маша почувствовала себя виноватой.

– Больше не ездю, – сказала она тете. – Теперь моя очередь.

– Да ладно, – отмахнулась Лена. – Отдыхай. Мне все равно делать нечего.

Нечего делать было как раз Маше, Лена работала пять дней в неделю, как и все трудовое человечество.

– Лен, ты помнишь Киру?

– Конечно, – немного удивленно ответила тетя.

Родители у Маши часто уезжали в командировки, и Лена жила с подрастающей племянницей иногда подолгу, иногда по нескольку дней.

– У нее был брат, Денис.

– Помню. До склероза еще не дожила.

– Его убили вчера. То есть позавчера.

– Боже мой! – тихо ахнула Лена. – Он ведь...

– Он освободился месяц назад. Представляешь, Кира его даже не видела...

Маша рассказывала и чувствовала, как замерла тетя.

А Павла совсем не тронуло, что его бывшего друга убили.

Считается, что женщинам трудно понять мужчин, а мужчинам женщин. Маша точно чего-то не понимала, потому что смерть Дениса, о котором она, если честно, редко думала в последние годы, начисто лишила ее возможности наслаждаться жизнью, бездельничая с книжкой в руках, как в предыдущие дни.

Хотелось немедленно хоть чем-то помочь Кире, Маша позвонила подруге, но та не ответила.

К вечеру Анатолий Михайлович понял, что устал. С утра он занимался самым противным делом из всех, которые ему приходилось выполнять: распределял деньги и работы последнего годового квартала между отделами. На самом деле по-настоящему работали только два отдела, но они были загружены полностью, а остальных давно следовало разогнать по причине профессиональной непригодности. Но такого удовольствия Анатолий Михайлович позволить себе не мог, фирма была наполовину государственной, и сократить ее до размеров крошечного малого предприятия ему бы просто не дали.

Он в последний раз посмотрел раскладку денег, вздохнул, понимая, что те, кто фактически сделают работу, получают столько же, сколько те, кто делать ее не будет, и наконец оторвался от компьютера. Посидел, глядя в окно на синее небо, по которому быстро плыли

подсвеченные солнцем облака, прикинул, откуда дует ветер. Ветер получался северным или северо-восточным, недаром утром, когда он выходил из дома, было прохладно.

В последние годы он мало обращал внимания на погоду, у него больше не было собаки, с которой приходилось гулять и в дождь, и в холод. Собаку очень просила Аля. Она училась тогда классе во втором-третьем, и Анатолий Михайлович, как обычно, отказать дочери не смог.

– Пап, ты все время на работе, – жаловалась маленькая Аля. – Ты все время занят, а мне одной грустно.

– Ты не одна, – улыбался он. – Не прибедняйся. Ты с мамой.

– У мамы свои дела, ты же знаешь, – вздыхала дочь.

Он знал другое – назвать жену плохой матерью было бы крайне несправедливо. Она провожала ребенка в школу и забирала обратно, следила за отметками, отводила на занятия музыкой, на английский и в бассейн.

Но дочка умела его разжалобить.

– Мама сегодня встречалась с тетей Лизой, – рассказывала Аля, когда он вечером приходил с работы. – Тетя Лиза только час назад ушла.

– Ну и хорошо, – кивал он. – Мама целыми днями с тобой. А ей тоже нужно встречаться с подругами. Ты должна это понимать.

– Я понимаю, – соглашалась Аля. – Но мне было грустно. Купи мне щенка, я очень-очень тебя прошу.

Щенка он, конечно, купил. Колли Ричарда. Жена и дочь тискали пушистый комочек, лужи вытирала девушка-таджичка, которая тогда у них работала, а гулял с собакой Анатолий Михайлович.

Аля тоже пробовала выходить с Ричардом, но водить животное на поводке, останавливаясь совсем не там, где хочется, девочке было скучно.

Ричард был уже совсем взрослым, когда, гуляя с ним утром вдоль дома, Анатолий Михайлович увидел женщину с родительского собрания, которую он дважды удачно подхватил, не дав ей упасть. Женщина вела на поводке пушистую белую болонку, которую сразу взяла на руки, заметив Ричарда.

Кажется, она первая ему улыбнулась и первая поздоровалась. В то утро они ничего больше друг другу не сказали, только Анатолий

Михайлович зачем-то оглянулся, посмотрев на ее обувь. Она была в брюках и черных ботинках на толстой рифленой подошве. Она не смогла бы в них поскользнуться, даже если бы захотела.

Оттого, что он разглядывает чужую обувь, ему тогда стало весело.

Ему часто было весело в тот недолгий период, когда они с Еленой встречались.

Анатолий Михайлович не считал себя несчастным, он любил дочь и внука, тепло относился к жене, он сделал неплохую карьеру, и ему вполне хватало денег. Только по-настоящему весело ему не было никогда с тех пор, как в его жизни не стало Елены.

Он посмотрел на часы – внук уже должен был проснуться после дневного сна. Позвонил дочери.

– Как дела, Алечка? – дежурно спросил он.

– Нормально, пап, нормально, – отозвалась Аля.

– Гулять пойдете?

– Посмотрим, – замялась она.

– Данила не заболел? – забеспокоился Анатолий Михайлович.

– Нет, пап. Слава богу, нет. Мне сейчас звонила Маша...

– Да?

– Убили Дениса.

– Что? – не сразу понял он.

– Ужасно, да?

– Ужасно, – машинально подтвердил Анатолий Михайлович.

– Как думаешь, мне пойти на похороны?

– Не знаю, Аля. Решай сама.

Он не видел Дениса четыре года и никогда о нем не вспоминал. Вспоминать было бы неприятно, Анатолий Михайлович не мог отделаться от самоедского чувства, что в какой-то степени виноват в том ужасном, что случилось с парнем. Не то чтобы он признавался себе в этом чувстве, просто ему не хотелось помнить о бывшем женихе дочери, и он не помнил.

Жене тоже не нравилось, что Аля встречается с братом подруги. Ни в чем плохом мальчик замечен не был, и в школе, и в университете отлично учился и подавал большие надежды как блестящий математик.

Проблема была в другом. Никакой блестящий математик не мог обеспечить дочери спокойную безбедную жизнь. Наверное, Денис получал бы вполне приличную зарплату, но эта зарплата не могла бы

дать того уровня благосостояния, которого Анатолий Михайлович хотел для Али.

Конечно, он не мечтал выдать ее за олигарха, да, наверное, и не хотел этого. У олигархата свой круг, там Аля едва ли станет своей. Просто ему, как и любому нормальному отцу, хотелось, чтобы дочь никогда не знала страха бедности, а этого Денис обеспечить ей не мог. Парень он был ершистый, по молодости, конечно, но по-настоящему серьезные люди и в молодости умеют сдерживать эмоции. Анатолий Михайлович понимал: Денис никогда не сделает настоящей карьеры, потому что не будет к этому стремиться. Не тот характер. Он несколько раз предлагал будущему зятю устроить его после окончания аспирантуры в какую-нибудь хорошую фирму с дальнейшим последующим продвижением, но Денис отказывался. В последний раз даже не в слишком вежливой форме. Впрочем, это Анатолий Михайлович ему прощал.

К тому же вероятность того, что молодые люди не разведутся в первые же несколько лет, Анатолий Михайлович оценивал невысоко. У них были слишком разные взгляды на жизнь, а это основное, что вредит хорошему браку.

Было и еще одно – Денис не считал бы женитьбу на Але большой удачей и не был бы ей благодарен по гроб жизни. Вообще-то цену благодарности Анатолий Михайлович знал – цена была нулевая. И все-таки ему хотелось, чтобы зять понимал, что ему повезло. Денис же считал себя стоящим на той же ступеньке социальной лестницы, что и сам Анатолий Михайлович. Мальчик не знал, что в этой жизни все решают связи и деньги.

Не то чтобы Анатолий Михайлович всерьез подыскивал Але жениха, просто, приглядевшись к Косте, неожиданно понял, что хотел бы видеть его своим зятем.

Костю он выделил из небольшой группы молодых инженеров, когда тот пришел к нему с неожиданным предложением. Предложение касалось не технических усовершенствований – они тогда разрабатывали узко ориентированное программное обеспечение и с техническими предложениями к нему приходили многие. Костино предложение касалось коммерческой стороны дела. Парень явно обладал даром бизнесмена, предложил слегка доработать алгоритмы, чтобы использовать их в целом ряде других отраслей. Конечно,

пробиться в другие отрасли было весьма проблематично, там своих желающих хватало, но ход мыслей молодого человека Анатолию Михайловичу понравился. Костя был настроен делать деньги.

Тогда стояла отвратительная, с постоянными перепадами температуры зима. Шел ледяной дождь, Анатолий Михайлович, спускаясь вечером с крыльца офисного здания, поскользнулся на обледенелых ступенях, как корова на льду. Ему до сих пор было противно это вспоминать.

Переломов, слава богу, удалось избежать, но связки на левой ноге он порвал. Костя тогда отвез его в травмопункт, а потом домой, вызывать «Скорую» Анатолий Михайлович категорически отказался.

Потом Костя еще несколько раз его навещал, потому что ходить на работу Анатолий Михайлович некоторое время не мог и собирал совещания дома. Можно было обойтись и электронной почтой, но ему нравилось видеть людей.

Никаких намеков Косте – боже упаси! – Анатолий Михайлович не делал и до сих пор не понимал, действительно ли его сотрудник влюбился в Алю или просто делал шаг в карьере.

Так или иначе, но брак у Али и Кости получился удачным. Действительно удачным, Анатолий Михайлович хорошо знал свою дочь и видел, что она довольна и счастлива.

Что-то изменилось только в последнее время. В последнее время что-то у Али шло не так.

Голова разболелась по-настоящему. Анатолий Михайлович сказал секретарше, что уходит, запер кабинет, вышел на улицу. Утренний ветер стих, на солнце было не по-августовски жарко. Он уже дошел до метро, как неожиданно повернул назад и открыл дверь в небольшой ресторан, куда иногда заходил пообедать.

– Сто пятьдесят водки, – попросил он официанта. – И мясо какое-нибудь, помягче.

Зал был почти пуст, даже странно, что Костю он заметил не сразу. Впрочем, мог и совсем не заметить, столы были отгорожены друг от друга цветочными стенками. Зять сидел вполборота к Анатолию Михайловичу и тестя не видел. Он смотрел на женщину напротив. Разглядывать женщину Анатолий Михайлович не стал, ему вдруг сделалось нехорошо, стало тяжело дышать. Костя смотрел на

незнакомую женщину так, как смотрят в одном-единственном случае. Анатолий Михайлович смотрел так на Елену и больше ни на кого.

«Мне показалось», – сказал себе Анатолий Михайлович, отворачиваясь. Почти залпом выпил водку, едва тронул мясо и расплатился.

«Я преувеличиваю, – уговаривал он себя, подходя к дому. – У Али и Кости хороший прочный брак».

А если даже у кого-то из них и появится увлечение на стороне, для их брака это не опасно. Они оба любят ребенка и любят друг друга. А увлечения... Увлечения проходят быстро и бесследно.

Поднимаясь в лифте, он совершенно успокоился. Косте по работе приходится встречаться с массой людей, и с мужчинами, и с женщинами. Просто сам Анатолий Михайлович в последние дни слишком часто думал о Елене, вот и мерещится всякая ерунда.

Аля понимала – с няней ей повезло. Леся не только очень любила Данечку, но постепенно взяла на себя все заботы по дому, освободив Алю от надоевшей нудной рутины.

Але уже не приходилось ломать голову над домашним меню, что всегда давалось ей с трудом, поскольку вкусы у них с Костей были разные. Муж любил простую еду и мог каждый день есть мясо с картошкой, Аля же предпочитала легкую полезную пищу. Сама она не готовила, для этого мама находила ей женщин, но выбор еды всегда вызывал головную боль.

С Лесей все пошло по-другому. В холодильнике или на плите всегда были завтрак, обед и ужин, Костины рубашки вовремя сдавались в прачечную, Даньке своевременно покупалась одежда, и Аля могла посвятить все время сыну.

Посвящать все свое время сыну Аля пообещала себе сразу, еще до его рождения. Сама росла, как сорная трава, – папа вечно пропадал на работе, а мама либо у плиты стояла, либо по телефону трепалась. Конечно, на английский она Алю водила, и на музыку водила, но это не заменяло настоящего родительского участия.

Своей обиды Аля маме никогда не высказывала, мама-то как раз считала, что посвятила дочери всю свою жизнь, но себе дала слово, что научится быть Даниле настоящим другом.

Сегодня Леся опоздала, Аля даже забеспокоилась, принялась ей звонить, но номер оказался недоступен.

– У нас троллейбусы стояли, – запыхавшись, объяснила няня, когда наконец отперла дверь. – Жуткая авария! Три «Скорые» проехали, представляешь?

Про аварии Але думать не хотелось, в жизни много тяжелого, не надо на этом концентрироваться. Концентрироваться следует лишь на позитивном.

– Отдохни, – посочувствовала Аля. – Чайку попей. А мы пока с Даней поиграем. Да, Данечка?

Сын не ответил, подбежал, ткнул Лесе в колени, снова убежал к игрушкам. В последнее время Аля заметила, что ревнует сына к няне, и дала себе слово от недостойного чувства избавиться. Вот и сейчас постаралась ничего не заметить.

С няней повезло, и нужно сохранять хорошие отношения.

Сначала Аля сомневалась, брать ли ей Лесю. Во-первых, девушка была с Украины, и Аля опасалась, что она не будет грамотно говорить по-русски. Опасения оказались напрасными, некоторые немосковские обороты проскальзывали, но критичным это не было.

А во-вторых, у Леси несколько лет назад умер полугодовалый ребенок. Аля боялась, что горе наложило на несчастную мать отпечаток и няня не сможет растить Данечку веселым и жизнерадостным. Опасения и в этом случае не оправдались, Леся ласково улыбалась мальчику, пела ему песенки и терпеливо уговаривала, когда ребенок капризничал.

Леся занялась Даней, Аля легла на диван с книгой. Мама посоветовала новый переводной детектив, и детектив оказался интересным.

Потом позвонила Маша, потом, почти сразу, папа.

Аля отложила книгу, детектив перестал казаться интересным.

Идти или не идти на похороны?

Костя никогда не упоминал о ее бывшем женихе, но это не значит, что он ее не ревновал.

Теперь Аля понимала, что ничего стоящего из ее дружбы с Денисом получиться не могло. Он был слишком наивным и поэтому слабым, такие в жизни не пробиваются.

А она привыкла с детства гордиться своим отцом и неудачников откровенно презирала.

Они и поссорились в последний раз именно из-за того, что Дениска всерьез решил бороться с собственным начальством. Что-то там у них на кафедре вышло некрасивое, кто-то воспользовался чужими наработками, и Денис решил сыграть в Дон Кихота. Аля тогда только окончила институт – совсем ребенок, но уже понимала, что и когда можно делать.

– Не дури, – сказала ему тогда Аля. – Играть нужно по тем правилам, которые существуют. Понимаешь? Станешь завкафедрой, будешь устанавливать свои правила. А пока нужно помалкивать.

Про то, что играть нужно по установленным правилам, любил повторять папа, а Аля отцу верила.

– Ты хочешь, чтобы я кланялся подлецу? – изумился тогда Денис.

– Ты будешь кланяться подлецу, если хочешь, чтобы я была с тобой, – твердо заявила Аля.

Потом они еще много чего друг другу наговорили. Денис уехал, а Аля весь вечер проплакала. Если для него чужие проблемы важнее их любви, значит, и любви никакой нет.

Вообще-то в то время ей уже очень нравился Костя, но то, что Денис, выбирая между Алей и еще чем-то, выбрал не ее, ранило очень сильно.

Через неделю Костя сделал ей предложение.

Зашуршал замок. Аля вскочила, бросилась в прихожую.

– Костенька! – Ее объятия мешали ему переодеться, он ласково отодвинул жену. – Очень устал?

– Голова болит немного. Сделай чайку, – попросил Костя.

– А ужинать? – расстроилась Аля. – Поешь хоть немножко, все такое вкусное.

Лесину стряпню Аля сегодня не попробовала, но няня никогда не подводила.

– Не хочется. Ты ужинай, а я чаю попью. Как вы тут?

– Нормально, Костенька, нормально. – Про Дениса Аля решила не говорить. Зачем? Костя его практически и не знал, так, встречались пару раз.

Муж пошел в детскую, Аля включила чайник. Леся всегда давала им возможность спокойно поужинать в отличие от предыдущей

няньки, которая требовала дополнительные деньги за каждый лишний час, проведенный с ребенком.

Мысли о Денисе беспокоили, но она давно научилась собой владеть.

17 августа, среда

Тело брата можно было забирать и хоронить. Хорошо, что агент из ритуальной службы взял все заботы на себя, потому что голова была какой-то ватной, чужой, Кира даже плохо понимала, что агент ей говорит. Впрочем, одно она понимала точно – нужно немедленно раздобыть денег. Она уже собиралась отправиться в банк за кредитом, но тут позвонила Маша, предложила помощь и деньги, и Кира согласилась. Просто потому что не было сил куда-то идти.

Маша же и начала обзванивать бывших друзей Дениса. Собственно, Кира просто не смогла бы этого сделать, поскольку телефонов знакомых брата не знала, а Машин муж Павел знал.

Маша приехала утром, сделала Кире яичницу и заставила съесть, уселась за телефон, сообщая печальную новость, потом стала прикидывать, сколько народу будет на похоронах. «Позвони Светке, – посоветовал Павел и продиктовал ей номер. – Она всех обзвонит и все организует».

Маша так и сделала. Незнакомая Света заохала, заохала и очень Маше помогла, через час назвала примерное число желающих прийти на похороны.

Кира понимала, что подруга очень ее выручает, и была ей благодарна, но все-таки вздохнула с облегчением, когда Маша ушла.

Хотелось заснуть и спать долго, много дней. Но тут позвонила заведующая салоном и стала слезно умолять, чтобы Кира отработала сегодняшний вечер.

– Я все понимаю, Кирочка, – упрашивала она. – Но положение безвыходное. У Алины ребенок заболел, из сада позвонили, чтобы забирала. Я сама сейчас ее подменяю, а мне вечером на вокзал ехать, родственников встречать. Выйди, пожалуйста. Заодно отвлечешься. Что тебе одной дома сидеть?

У сменщицы Алины без конца болел ребенок. Кира вяло посопротивлялась и согласилась. Заведующая была женщина добрая и

участливая, и, хотя вполне могла бы и не встретить своих родственников – сами доберутся, Кира сдалась.

– Ладно, приеду, – устало сказала она.

На самом деле получилось к лучшему. Дома бы она лежала и смотрела в потолок, а на работе действительно отвлеклась и иногда даже забывала, что теперь точно никому на свете не нужна.

Все ей сочувствовали, предлагали помощь, только маникюрша Ольга не удержалась:

– Ты никогда не говорила, что у тебя брат есть. Вы с ним не ладили?

– Мы с ним ладили, – усмехнулась Кира. – Только он человека сбил и отсидел в тюрьме.

– Господи, ужас какой! – ахнула маникюрша. Как будто бывает ужас страшнее смерти. – Пьяный был?

– Он не пил! – отрезала Кира и попросила: – Оль, отстань.

Салон потихоньку пустел, только у Марины еще сидела клиентка. Кира достала пачку сигарет, вышла на крыльцо, затянулась и впервые подумала, что та давняя авария была не только неожиданной, она была странной. Денис всегда аккуратно водил машину, он же не сумасшедший. И не пьяный урод. Нормальные трезвые люди не сбивают пешеходов.

Резко открылась дверь соседней стоматологии, едва не ударив Киру по лбу.

– Простите, – хмуро извинился парень в очках. Кира его сразу узнала.

– Ничего, – милостиво кивнула она. И отвернулась, облокотившись о перила.

– Я вас отвезу, – услышала она за спиной.

– Спасибо, – не глядя на мужчину, покачала головой Кира. – Не надо. Сегодня нет дождя.

– Я отвезу! – Он сбежал по ступенькам, не оборачиваясь, сделал несколько шагов и открыл дверь частично припаркованной на тротуаре «Тойоты».

Кира пожала плечами, вернулась в помещение. Марина попрощалась с клиенткой, переоделась и убежала. Кира обошла салон, проверяя, везде ли потушен свет и отключены электроприборы, и наконец заперла входную дверь.

Мужчина в «Тойоте» терпеливо сидел с наушниками в ушах.

Пройти мимо было глупо, садиться в машину – еще глупее. Кира открыла дверцу и уселась рядом с водителем.

– Мои соболезнования, – вынимая наушники и не глядя на нее, сказал он.

– Что? – поразилась Кира. – Откуда?..

– Я вчера к вам заходил. – Мужчина повертел головой, тронул машину. – Мне сказали, что вас сегодня не будет и что у вас умер брат.

– Зачем вы заходили? – Она отчего-то здорово разозлилась.

Такому мужчине не пара администратор из салона красоты. Рядом с ним может быть только красавица на дорогой машине. Художница или журналистка. А у Киры нет денег, даже чтобы похоронить брата.

– Хотел отвезти вас домой, – пожал он плечами. И на этот раз на какое-то мгновение все-таки скопил на нее глаза.

– Зачем?!

– Отвезти вас домой, – терпеливо повторил он.

«Тойота» остановилась у поворота в сторону центра. Несколько пешеходов дисциплинированно тронулись на зеленый свет, Кира проводила глазами девушку в длинной юбке. Девушка смеялась и говорила по телефону, а волосы у нее крупными кольцами опускались до середины спины. Волосы были свои, не химия, это Кира умела определять сразу. Такая была бы под стать ее спутнику.

– Зачем вам отвозить меня домой? – так же терпеливо повторила Кира.

– Мне по пути.

– Вам не по пути, – вздохнула она. – Высадите меня! Я живу в другом месте.

– Я отвезу вас в другое место.

– Не надо! Не хочу! Высадите меня.

– Как скажете. – Он прижался к тротуару, а когда она взялась за ручку двери, опять предложил: – Давайте отвезу.

Вечер был теплый, как в июле. В такой вечер пройтись одно удовольствие. Жаль только, что сил прогуливаться у Киры не было, а «Тойота» остановилась как раз посередине между станциями метро.

– Что вам от меня надо? – Кира опять откинулась на сиденье. Лезть в метро не хотелось до смерти.

– Не знаю, – признался он. – Просто мне захотелось вас подвезти.

– Вы подвозите всех подряд?

– Нет, – вздохнул он. – Я никогда никого не вожу. Вы первая.

– Ну везите, – разрешила Кира и назвала адрес. А когда «Тойота» развернулась в сторону бывшей бабушкиной, а теперь ее собственной квартиры, вежливо поинтересовалась: – Как зуб?

– Спасибо, отлично. – Она думала, что мужчина улыбнется, но он не улыбнулся. – Поставили постоянную пломбу.

Он больше не появится, ему поставили постоянную пломбу.

Заметных пробок в сторону области не было, но поток машин шел плотный.

– Моего брата убили, – неожиданно сказала Кира. – Я найду убийцу.

– У вас есть предположения? – серьезно спросил он.

– Нет, – призналась Кира. – Но я найду убийцу.

– Это трудно. С этим профессионалы не всегда справляются.

– Я справлюсь.

Он промолчал.

Впереди все-таки образовалась пробка. На метро она доехала бы быстрее.

– Мой брат сидел в тюрьме. Недавно освобожден, я его даже не видела. Живым.

Он опять промолчал.

– Почему вы не спрашиваете, за что он сидел?

– А это имеет значение? – Их ряд наконец тронулся, «Тойота» проехала метров десять.

– Имеет, – твердо сказала Кира. – Мой брат виновник ДТП. Он сбил человека насмерть. А еще я знаю, что он умный и честный. Был. Он был лучше всех на свете. А его убили.

Она не плакала ни вчера, ни позавчера. Она думала, что разучилась плакать, но сейчас слезы потекли сразу и обильно. Кира достала из сумки бумажный платок, промокнула глаза.

Оказалось, что пробка вызвана небольшим ДТП. Две столкнувшиеся машины были слегка помяты, но, кажется, никто не пострадал. Кира проводила аварию глазами, а водитель – нет.

– Меня зовут Николай, – сворачивая к бабушкиному дому, сообщил он.

– Кира.

– Я знаю.

Ничего удивительного, он вчера заходил в салон, ему рассказали про Киру.

Больше Николай ничего не произнес, и Кира больше ничего не сказала, только кивнула на прощанье – до свидания.

«Тойота» тронулась, едва она захлопнула дверь. Николай не предложил встретиться и не спросил ее номера телефона. Впрочем, Кира этого и не ждала. Он спешил к совсем другим девушкам, которые ходят в салоны красоты, только чтобы постричься или сделать маникюр.

Анатолий Михайлович не мог отключиться от мыслей о бывшем женихе дочери. Он не переживал и не расстраивался, просто почему-то постоянно думал о том парне.

«Позвоню Елене, – неожиданно решил он. – Никакого возврата к прошлому быть не может, просто позвоню и узнаю про Дениса».

Когда-то Елена была очень дружна с племянницей и хорошо знала ее друзей, не может сейчас не знать о несчастье.

Позвонить можно было и самой Кире, но это выглядело бы глупо, Кире должна звонить Аля. Аля подруга, а к чему Кире разговаривать с ее отцом?

Но насколько Анатолий Михайлович понимал, в последние годы Аля от Киры и Маши отошла, почти не общалась с ними. Это и понятно, у дочери ребенок, суетная семейная жизнь. Но было и другое, что отдаляло Алю от ее бывших подружек. Девочки работали, наверняка еле-еле сводили концы с концами, и их проблемы Але были просто неинтересны.

При этом Анатолий Михайлович почему-то был уверен, что Маша и Кира дружбу сохранили.

Позвоню Елене, окончательно решил он. Хотелось позвонить немедленно, но Анатолий Михайлович дождался завершения рабочего дня. Если требует от подчиненных на работе полноценно работать, самому тоже следует соблюдать правила.

День выдался не из легких, два проекта были на грани срыва, и Анатолий Михайлович срочно перекраивал составы рабочих групп. Наконец кабинет опустел. Анатолий Михайлович недолго посидел, опустив веки в раскрытые ладони. Этому его научила жена,

утверждала, что упражнение хорошо снимает усталость. Его усталость ничто не могло снять, но закрывать глаза ладонями вошло в привычку.

Нужно было звонить, но он почему-то не мог решиться. Сидел и смотрел на лежащий перед ним телефон.

Он удивился, когда узнал, что Елена – тетья одной из ближайших Алиных подруг. Почему-то ему казалось, что женщина, с которой он постоянно сталкивался по утрам, гуляя с собакой, не имеет к его семье никакого отношения.

В тот день резко потеплело. Под ногами образовалось месиво из воды и снега, улицы тогда убирали не так чисто, как теперь. Женщина опускала свою болонку на тротуар, собачка недовольно поджимала лапы. Она уже перестала бояться Ричарда.

– Меня зовут Анатолий, – зачем-то представился Анатолий Михайлович, останавливаясь рядом.

– Елена. – Лена опять подхватила болонку на руки и улыбнулась.

– У вас ребенок учится в нашем классе? – Ни до, ни после ему не приходило в голову заговаривать на улице с почти незнакомой женщиной.

– Племянница, – опять улыбнулась Лена. – Маша Смирнова.

– Кто?! – опешил он, засмеялся и растерянно покачал головой.

Маша в отличие от Киры ему нравилась. Девочка была тихая, спокойная. От хохотушки Киры можно было ждать любых выходок, он помнил, как однажды она увела подруг в зоопарк, и родители сходили с ума, потеряв девочек.

– Маша Смирнова, – подтвердила она. – А что вас так удивило?

– Не ожидал, – искренне признался он. – Маша подруга моей дочери.

– Я знаю. Аля часто к нам приходит, а на собрании к вам обращались как к ее отцу.

Они тогда еще о чем-то поговорили, сделали вместо одного круга вокруг дома два. Елена легко и почти незаметно улыбалась и словно излучала спокойную радость, и ему очень не хотелось от нее уходить. Ему и потом никогда не хотелось от нее уходить.

Анатолий Михайлович сунул телефон в карман, надел висевший на спинке кресла пиджак и вышел на улицу. В пиджаке было жарко, несмотря на вечернее время. Неплохой август стоит в этом году.

Рядом остановилась желтая машина такси. Анатолий Михайлович подождал, когда из такси выберется пожилая пара, наклонился к водителю:

– Свободен?

Мужчина-азиат кивнул. Анатолий Михайлович уселся на переднее сиденье. Елену он встретил позавчера у дома Машиных родителей. Едва ли она там живет, наверное, приходила в гости. Он подумал и назвал адрес Елены. Дома у нее он ни разу не был, но адрес помнил.

Он отлично помнил тот двор и тот тягостный разговор, который у них случился.

Как ни странно, таксист ехал без навигатора и отлично ориентировался. Даже вовремя сворачивал в переулки, объезжая пробки.

Номера квартиры Анатолий Михайлович не знал, а подъезд помнил.

– Подождите, – попросил он водителя, когда такси остановилось рядом с подъездом. – Я заплачу.

«Мы не можем быть вместе, – сказала Елена прямо на этом месте. – Это невозможно».

Тогда была поздняя осень, ветер поднимал в воздух упавшие листья.

Сейчас дом окружала густая темно-зеленая листва.

Анатолий Михайлович вздохнул и достал телефон. Он так и не смог удалить из электронной памяти ее номер.

– Лен, спустись, пожалуйста, – не здороваясь, попросил он.

– Сейчас, – после легкой заминки согласилась она.

Анатолий Михайлович вышел из машины, прошел по тротуару метров двадцать, повернул назад и сразу ее увидел. Она покрутила головой, увидела его и не спеша пошла навстречу. Раньше он побежал бы к ней, схватил в охапку, вдохнул родной запах.

Сейчас подошел, едва ускорив шаг. Она посмотрела на него спокойно и печально.

– Что случилось?

– Ты знаешь, что произошло с Денисом? – Она совсем не изменилась за эти несколько лет, но уже не была родной. Она была чужой женщиной, которую приятно и грустно вспоминать.

– Кира нашла его мертвого. Его застрелили.

– Бедная девочка! – посочувствовал он. Дочь говорила, что у Кире умерли родители. – У полиции есть какие-то предположения?

– Не знаю. Маша приехала сразу и потом весь вечер была с Кирой. Но девочки ничего не знают. Денис должен был приехать к Кире накануне, но не приехал, вот она и забеспокоилась. Он мог бы пролежать там бог знает сколько времени.

Елена была в легких брюках и блузке из жатой ткани. Поднявшийся легкий ветер колыхал рукав блузки, и ему захотелось его поправить.

– Если нужны деньги, я могу помочь.

– Деньги нужны наверняка, – нахмурилась Лена. – Но едва ли она их от тебя примет.

– Почему?

– Ты прекрасно понимаешь почему, Толя.

«Ты прекрасно понимаешь, что мы не можем быть вместе...» Он не понимал, почему они не могут быть вместе.

Но он прекрасно понимал, почему Кира не возьмет у него денег.

– Передай деньги через Машу, анонимно.

– Нет, Толя. Милостыню подают, только когда ее просят.

Больше говорить было не о чем. Она еще постояла, глядя мимо него, повернулась и быстро пошла к подъезду.

Волосы у нее были до плеч. А тогда стрижка была очень короткая, и волосы приятно кололи ему щеку.

Дверь захлопнулась. Наверное, дома ее ждет муж.

Муж был непризнанный художник, периодически впадал в запой, жил на Ленины деньги, и она возилась с ним, как с малым дитятей.

Анатолий Михайлович вернулся в машину и назвал домашний адрес.

Тогда он был на все согласен. «Не хочешь разводиться, – уговаривал он, – будем встречаться как сейчас. Ну почему мы не должны встречаться, Лен?»

«Потому что это подлость. Я не могу. И ты не можешь».

Она была права, он мог. Ему очень хотелось развестись и жить с ней, но и видаться хотя бы пару раз в неделю тоже был вариант. Лучше, чем ничего.

Такси остановилось. Анатолий Михайлович расплатился и почувствовал, как стучит в висках.

– Толенька! – Жена улыбалась, встречая его у дверей. – Устал?
– Устал, – улыбнулся он в ответ, снимая пиджак. – Голова болит.
– Давай я измерю тебе давление, – заволновалась она. – Нужно обязательно, обязательно измерить давление. Возраст, сам понимаешь.
Он не казался себе старым. Он всегда удивлялся, вспоминая, что ему идет шестой десяток.
– Потом. Сделай чаю, Катенька.
– А ужинать?
– Не хочется.

Вечер прошел как обычно. Только ложась в постель, Анатолий Михайлович ясно понял, что Лена не стала ему чужой. Ему опять хотелось к ней вернуться. Хотелось запустить пальцы в отросшие волосы и прижаться к ним щекой.

Он уже засыпал, когда внезапно поднялся и подошел к письменному столу. В столе лежал пистолет, купленный еще сто лет назад, в девяностые. Разрешения на оружие у Анатолия Михайловича, конечно же, не было, и пистолет следовало выбросить давным-давно. Сейчас не те бандитские времена.

Он облокотился о стол, выдвинул ящик, нашарил ключ, отпер запертый ящик с пистолетом, развернул тряпку, в которую оружие было завернуто.

«Завтра же выброшу», – пообещал он себе, вернулся в постель и на этот раз сразу заснул.

18 августа, четверг

Киру разбудил телефон, потом звонки пошли почти непрерывно. Она не думала, что желающих пойти на похороны брата будет так много. Маша, когда всех обзванивала, оставляла Киру номер, и теперь звонили ей. Кого-то она помнила по прежним временам, кто-то был ей совсем незнаком. Кира объясняла, что точное время похорон еще неизвестно, и обещала сообщить, когда все выяснится.

Нужно было звонить ритуальному агенту, нужно было заказывать ресторан, а она тупо смотрела в окно и продолжала сидеть за столом, в тесной бабушкиной кухне.

Бабушка была строгой, не любила беспорядка, не любила шума. Не разрешала разбрасывать игрушки, перед уходом они с Денисом аккуратно складывали игрушки в большой ящик. Ящик с игрушками

стоял у бабушки до самой ее смерти, Кира выбросила его, только когда сюда переехала.

Дениска любил слушать бабушку. Бабушка рассказывала историю московских улиц и переулков, а брат подливал себе чай и с интересом слушал. Это когда они уже были школьниками. Кира интереса брата не понимала, уходила в другую комнату, доставала коробку с пазлами и ложилась на ковер собирать картинки. Пазлы она тоже выбросила, а потом об этом жалела.

Раздался очередной звонок. Кира ответила и обрадовалась, что это Маша. Помощь ей была нужна, но просить подругу она не стала бы, привыкла надеяться только на себя.

«Надейтесь только на себя, – учила бабушка. – Родители должны дать вам образование, а больше никто ничем вам не обязан».

Кира с ней спорила, она ждала тогда большой любви и знала точно, что гипотетический любимый оградит ее от всех мыслимых проблем. Дурочка была.

Маша пообещала приехать. Сразу стало спокойно, Кира бегло просмотрела список тех, кто обещал прийти на похороны.

Опять раздался звонок, на этот раз городского телефона.

– Алло, – сказала Кира. В трубке молчали, и она раздраженно повторила: – Алло! Говорите!

– Извините, – тихий и робкий женский голос. – Вы Кира?

– Да, – мрачно подтвердила Кира. – А вы кто?

– Я Наташа.

– Какая Наташа?

Трубка не то вздохнула, не то всхлипнула:

– Извините, а Денис не у вас?

– Наташа. – Кира неожиданно заволновалась. – Откуда у вас мой телефон?

– Денис дал. Он собирался к вам поехать, а у него зарядка потерялась...

– Наташа, вы... – голос был совсем молодой, и Кира с трудом подобрала слово, – дружили с Денисом?

Она была уверена, что не ошибается. Девчонка не была брату посторонней.

– Где он? – после паузы неожиданно твердо спросила девушка, и Кира испугалась, что она сейчас отключится.

– Приезжайте ко мне, – быстро попросила Кира и назвала адрес. – Приезжайте, пожалуйста.

– Где Денис? – не сдавалась девушка.

– Его нет больше.

– Что?

– Его больше нет. Его убили...

Больше Кира ничего не успела произнести. Девушка резко вздохнула, и в трубке послышались короткие гудки. Это было ужасно. Кира давно собиралась подключить определитель номера, но так и не собралась. Теперь эту Наташу не найти.

Почти сразу послышался звонок домофона, Кира открыла дверь подруге.

– Я подобрала ресторан, – с порога начала Маша. – Недалеко от кладбища и не очень дорого.

– Сейчас звонила девочка, Наташа, – перебила Кира. – По-моему, это девушка Дениса.

– Он же недавно вернулся, – с удивлением посмотрела на нее Маша.

– Ну и что? – возразила Кира. – Чтобы познакомиться, много времени не надо.

При этом она почему-то подумала про Николая. Не надо о нем думать, рядом с ним место совсем другим девушкам.

– Она позвонила на городской, а потом трубку бросила. Теперь не знаю, как с ней связаться.

– Жалко.

– Жалко, – согласилась Кира.

– Может, позвонит еще. На похороны, наверное, захочет прийти.

– Может быть.

Маша принялась прикидывать, сколько и чего нужно заказать в ресторане. Кира в этом почти не участвовала.

Позвонил агент, предложил время похорон, Кира равнодушно согласилась. Маша уехала смотреть зал в ресторане и внести предоплату.

Кира должна была все это делать сама, ей никто ничем не обязан. Бабушка сейчас ее не одобрила бы.

Без подруги стало совсем тошно. Кира послонялась по квартире, вернулась на кухню, положила в рот конфету, запила водой из чайника.

Зазвонил домофон, Кира, не спросив, кто к ней просится, нажала кнопку открытия дверей. Рекламщики, равнодушно решила Кира. Положат теперь в почтовый ящик гору всякого мусора.

Через минуту зазвонили в дверь квартиры. Девушка за дверью еще не успела ничего произнести, но Кира сразу поняла, кто перед ней.

– Наташа?

Девушка кивнула. Она была молоденькой, лет двадцати. Очень худенькая, испуганная. Короткая стрижка. Сейчас мало кто коротко стрижется, разве что совсем пожилые дамы. Стрижка была сделана хорошим мастером, профессионально отметила Кира.

– Проходи. – Кира посторонилась, провела девчонку на кухню, где перед этим сидела Маша.

Наташа не плакала, только смотрела на Киру с тоской и удивлением, как будто ждала, что ей сейчас все объяснят и успокоят и в ее жизни опять все будет отлично.

– Дениса убили. – Кира включила электрический чайник. Ей все время хотелось пить.

– Как? – тихо спросила Наташа. Губы у нее были бледные, почти белые. – Когда?

Она не спросила кто. Обычно спрашивают именно это.

Впрочем, в последнем Кира не была уверена, она не работала в полиции и такого опыта не имела.

– Его убили в воскресенье. Застрелили. Дома. Ты когда его видела в последний раз?

Кира достала чашки. Не спрашивая, бросила в обе по пакетикку черного чая, залила кипятком.

– В воскресенье. – Наташа сидела, крепко сжав пальцы, как будто у нее замерзли руки. – Вечером он собирался к вам, а утром мы виделись.

Кира вытаскивала из нее слова и не сразу заметила, что девочка все-таки плачет. Слезы катились из ненакрашенных глаз, Наташа их не вытирала. Скорее всего она их даже не замечала.

Они с Денисом встретились рано утром. Сначала погуляли, потом пошел дождь, и они просто сидели у него дома. А потом он на такси отвез Наташу домой.

Денис должен был с кем-то встретиться, а потом поехать к Кире.

Денис познакомился с Наташей в поезде. Они вместе ехали в Москву, в одном купе. Наташа гостила у родственников, родственники навязали ей кучу всяких домашних деликатесов, и Денис помог ей добраться до дома с тяжелой сумкой. Потом они много раз встречались, почти каждый день.

Она знала, что Денис сидел. Он ей это сразу сказал. Ну и что? Она его любила. А теперь его нет, и ей тоже незачем жить.

– Это пройдет, – успокоила Кира. – У тебя все впереди, и любовь, и семья. Все у тебя будет.

– Нет. – Девушка вытерла слезы ладонью, достала из кармана джинсов носовой платок, высморкалась. – Мне никто не нужен, кроме него.

– Пройдет, – повторила Кира. – Человек все может пережить.

Неужели брату нужна была эта дурочка? Впрочем, Аля тоже большим интеллектом не отличалась.

Кира продолжала спрашивать, но ничего стоящего Наташа не рассказала. Она никогда не встречалась с Денискиными друзьями, он даже никогда ей о них не рассказывал. Она знала только, что раньше он преподавал в университете. Он обещал помочь с математикой, если потребуется. Она учится в техническом вузе.

Скоро Кира от гостыи устала и вежливо ее выпроводила.

За окном ветер покачивал ветви деревьев. Лето кончалось, как будто его и не было, а она ни разу не съездила за город.

Нужно обязательно поехать на дачу. Прибраться в доме, собрать сливы и яблоки, если они выросли, аккуратно сложить Денискины книги. Кира никогда их не выбросит.

Она обязательно съездит на дачу, но сначала поймет, кто и почему убил брата.

Особых пробок в городе не было, но поездка в ресторан вышла долгой, домой Маша пришла даже позже Павла.

– Ты где пропадаешь? – обнимая ее, спросил муж. – Я уж волноваться начал, собрался тебе звонить.

– Ресторан заказывала для поминок. – Маша прижалась к нему, поцеловала в шею. – Лучше бы, конечно, вместе с Кирой. Я все время боялась ошибиться.

– Ты ездила одна? – Павел с удивлением заглянул ей в лицо.

– От Киры сейчас никакого толка, – пожала плечами Маша. – Она очень переживает. На нее смотреть больно.

– Но... Заказывать поминки ее дело. – Павел прошел вслед за Машей в комнату, остановился, глядя, как она переодевается. – Это и отвлекает, кстати. А у тебя отпуск, между прочим. Тебе хоть немного отдохнуть надо.

– Паш, но никто же не виноват, что Дениса убили в мой отпуск. Ты ужинал?

– Нет, конечно. Тебя ждал. Послушай, ну нельзя же позволять садиться себе на шею.

– Мне никто не садится на шею, – улыбнулась Маша, отправляясь на кухню. Заглянула в холодильник, подумала и поставила в микроволновку готовую упаковку замороженного мяса с гарниром.

В планах было хотя бы в отпуске готовить Павлу нормальную еду, Маша почувствовала себя виноватой.

– Оказывается, у Дениса была девушка. – Достав из холодильника овощи, Маша быстро нарезала салат.

– Да? – равнодушно прокомментировал муж. – Что же тут странного?

– Ну... он ведь только что освободился.

– Ну и что? Найти девушку не проблема даже после отсидки. – Павел взял в руки валявшийся на столе планшет, принялся водить пальцем по экрану.

Планшет у них был один на двоих. Маша все собиралась купить второй, но постоянно забывала.

– А где Денис работал, Кира не знает. И непонятно, как узнать. Денисин телефон полиция забрала.

Микроволновка запищала, сообщила, что еда готова. Маша достала горячую упаковку, разложила ужин по тарелкам.

– Когда работал? – не понял Павел, положил планшет на стол и с недоумением посмотрел на Машу.

– Он успел устроиться на работу.

– Куда? – насторожился муж.

– Я же говорю, Кира не знает.

Павел отвернулся, уставился в окно, забарабанил пальцами по столу. Маша тоже посмотрела в окно, ничего интересного там не было.

Небо, макушки растущих рядом с домом деревьев и проглядывающий сквозь них дом напротив.

– Кире сосед сказал, что он устроился программистом.

Муж скептически хмыкнул.

– Тебя это удивляет? – не поняла Маша.

– Программирование – работа для студентов, – усмехнулся Павел и задумался. – И все-таки интересно, кто его взял на работу.

И опять, как вчера, Маше показалось, что разговор выходит какой-то нехороший, неправильный. Павла как будто забавляло то, что случилось с другом.

– Мне очень жаль Дениса, – призналась она. – И Киру очень жаль.

– Мне тоже, – кивнул Павел, но Маша ему не поверила. Не поверила, наверное, первый раз в жизни.

Поужинали. Он опять уткнулся в планшет, Маша убрала со стола. С крыши соседнего дома поднялась стайка птиц, пролетела петлей, скрылась за домами. Около их дачного поселка было заросшее травой поле. В августе на поле собирались стаи птиц, кружили над поселком и лесом, а потом исчезали. Улетали на юг.

Птиц Маша различала плохо, знала только воробьев и синиц. Ну и ворон, конечно. Как-то она пыталась найти в определителе, как называются серые птички, собиравшиеся на дачном поле, но так и не сумела – серых птиц на картинках было много.

– И все-таки, хотелось бы знать, где Денис успел поработать, – неожиданно сказал Павел, откладывая планшет.

– Зачем? – Маша действительно не понимала. – Какая разница?

– Он слишком долго не работал, за это время техника успела смениться. И технологии тоже.

– Денис умный парень, он бы наверстал.

Павел помолчал и попросил:

– Если узнаешь, где он работал, скажи.

– Конечно.

– Отдать тебе планшет?

– Да, – кивнула Маша.

Муж сел за ноутбук, она устроилась в кресле.

Быстро темнело. Через месяц день осеннего равноденствия, а потом изнуряющая зима.

В детстве Маша любила зиму. Ездила с Кирой на каток в Сокольники. Однажды они пошли гулять по тропинкам парка и заблудились, еле-еле вышли к центральному входу. Маша тогда очень замерзла, простудилась и на Новый год сидела дома с температурой.

Читать не хотелось, она закрыла глаза, кажется, задремала. Разбудил голос мужа:

– Нужно попросить у Киры комп Дениса.

– Зачем? – Маша посмотрела на часы. Пора ложиться.

– Мне интересно, над чем он работал.

– Он же не работал в последние годы.

– Неважно. Кира все равно в его записях не разберется, а мне любопытно.

– Ладно, – пообещала Маша. – Я спрошу у Киры.

Она отправилась в ванную, легла в горячую воду. От соли, которую она бросила в воду, шел слабый запах каких-то трав. Что-то не давало покоя, мучило, Маша не сразу поняла, что почему-то очень боится за Киру.

19 августа, пятница

Разбудил ее вновь телефонный звонок. Кира протянула руку, схватила трубку.

– Спишь еще? – угадал Иван Яковлевич.

– Сплю, – покаялась Кира.

За окном всюду светило солнце. Она покосилась на часы – почти десять.

– Тут к Денису приходили...

– Кто?

– Парень какой-то. Говорит, с работы. Я в лифте спускался, а он на вашем этаже подсел. Спросил, не знаю ли я, почему ваша квартира опечатана. Я и рассказал без подробностей. Парень на вид приличный, я ему твой телефон дал.

– Правильно, – похвалила Кира.

– Но ты поаккуратнее, в дом его не пускай, – предостерег сосед.

– Ладно. Спасибо. – Кира положила трубку, поплелась на кухню.

Встретиться с кем-то из новых коллег Дениса хотелось. Хотя, зная своего брата, она понимала, что едва ли узнает от них что-то полезное. Денис, несмотря на общее впечатление весельчака, с людьми сходил

трудно. И она тоже. Впрочем, она давно не производила впечатления хохотушки.

Закипел чайник, Кира заварила себе пакетик. Возиться с листовой заваркой было лень. Денис ни за что не стал бы это пить.

Время шло, а она еще ничего про брата не узнала.

«Взгляни на ситуацию со стороны, – советовал Дениска, когда ей казалось, что она в безвыходном положении. – Представь, что на твоём месте кто-то посторонний, чужие проблемы всегда кажутся легкими».

Правда, в той, прежней жизни у Киры почти не было неразрешимых проблем. Разве что когда она потеряла бабушкину сережку. Ей очень хотелось надеть серьги с бриллиантами на свидание с любимым. С тем самым, который бросил ее, когда Дениса посадили.

Кира собиралась долго упрашивать бабушку, но бабушка сразу же полезла в шкатулку, едва Кира заикнулась про серьги. Бабушка и потом ее удивила, когда вместо двух серег Кира принесла одну. Кира рыдала и боялась посмотреть на бабушку, а та только задумчиво кусала губы, зажав оставшуюся сережку в руке.

– Не к добру, – твердо и обреченно сказала бабушка и убрала сережку назад в шкатулку.

Серьги принадлежали еще Кириной прапрабабке. Единственное, что оставалось в семье от тех давних времен.

Оказалось, что действительно не к добру. Дениса посадили, бабушки нет, родителей нет. И Дениса теперь нет.

Почему-то Кире казалось, что мужчина, которого встретил Иван Яковлевич, ей не позвонит, но он позвонил.

– Меня зовут Сергей Тополев, – представился он.

Имя показалось смутно знакомым, что-то об этом Сереже Кира от брата слышала.

– По-моему, он мне о вас говорил, – сказала она. – Давно, тогда еще.

Скорее всего это что-то Денис говорил не ей, а родителям. С сестрой он своих знакомых не обсуждал, считал Киру маленькой и глупой. С родителями тоже не обсуждал, просто рассказывал, когда происходило что-то забавное.

Собеседник помедлил, и Кира неожиданно предложила:

– Знаете что... Может быть, вы приедете ко мне?

Почему ее не устраивает разговор по телефону, Кира объяснить не смогла бы, только надеялась, что все, что скажет этот Тополев, будет очень для нее важно.

Парень согласился, даже, кажется, охотно. Кира продиктовала адрес и прилипла к окну. Припарковаться около дома было трудно, недавно соседка жаловалась, что к ней не могла подъехать «Скорая». Соседка любила пожаловаться на здоровье.

Бабушка на здоровье никогда не жаловалась, а ее нет. Правда, у бабушки посадили любимого внука, а с соседкиными детьми все в порядке.

Красивая молочная иномарка место нашла, втиснулась рядом с грузовичком, с которого рабочие только что выгрузили длинные коробки. Наверное, кто-то из соседей купил мебель.

Из иномарки вылез мужчина, огляделся, пошел к Кириному подъезду, и почти сразу затренькал домофон.

Парень оказался молодым, не старше Киры. Кира зачем-то посмотрела ему на руку – обручального кольца не было.

– Проходите, – посторонилась Кира и пожалела, что не успела подкрасить глаза.

Парень был невысокий, чуть выше Киры, в джинсах и рубашке в мелкую полоску и выглядел не хуже Николая, который из жалости два раза ее бесплатно подвозил.

Гость уселся в кресло, Кира на диван напротив. Раньше Кире очень нравилось кожаное бабушкино кресло. Она забиралась в него с ногами и читала, библиотека у бабушки была огромная, больше, чем у родителей.

Кира молчала, Сергей понимающе на нее смотрел.

– Как это... случилось? – наконец вздохнул он.

– Я тоже хочу знать как, – зло ответила Кира. – Я приехала, а Денис...

Парень резко поднялся, подошел к окну, постоял и опять повернулся к ней.

– Денис был моим руководителем, – объяснил он. – Фактическим научным руководителем. Я учился в аспирантуре и подрабатывал на кафедре. Формально руководитель у меня был другой, но старик только радовался, что я к Денису пристаю, а не к нему.

– Понятно, – кивнула Кира.

– Мы с Денисом тогда одну работу начали. Доложили на заседании кафедры. А потом на эту работу нашлись другие желающие.

– То есть работу у вас сперли, – сделала вывод Кира.

– Сперли, – подтвердил Сергей. – Можно было побороться, но я не стал. Уволился сразу к чертовой матери и аспирантуру бросил. А Денис пытался. Как его... убили?

В окно светило солнце, и Сергея против света видно было плохо.

– Из пистолета, – объяснила Кира.

– Из квартиры что-нибудь пропало?

– Да откуда я знаю! – разозлилась она и постаралась говорить спокойнее: – Вы сказали соседу, что Денис с вами работал...

– Да, – подтвердил он и наконец опять сел в кресло. – У меня теперь своя фирма, и Денис согласился в ней работать.

– Рядовым программистом? – усмехнулась Кира.

– Почему рядовым? Заместителем директора.

– А директор ты?

– Я, – согласился Сергей. – Кира, подумай, не пропало ли что-нибудь из вашей квартиры?

– Подумаю, – мрачно кивнула Кира. – А что именно?

– У полиции есть предположения?

– Понятия не имею. Они мне не докладывают. Что могло быть у Дениса?

Сергей наклонился к ней, опустив локти на колени. Глаза у него были печальные.

– Если ты читаешь новости...

– Не читаю, – перебила Кира.

– Перед тем как...

– Как Дениса посадили, – подсказала она.

– В универе прошли обыски. Наш завкафедры уволился. Ректор, правда, только испугом отделался. Выяснилось, что деньги, выделяемые на научные разработки, уходили частным лицам, а вместо работ сдавалась халтура.

– Подумаешь! – протянула Кира. – Нашел чем удивить!

– На самом деле все было не так. На самом деле, руководство пыталось поддерживать тех, кого надо было поддерживать.

О, господи! Какое ей дело до того, что было сто лет назад.

Или все-таки есть дело?

– Ты думаешь, Дениса могли убить из-за этого?

– Едва ли, – поморщился Сергей. – Та история давно забыта. Да никто особо и не пострадал.

Кира посмотрела в окно, потом на фотографию на стене. На фото они с Денисом совсем маленькие, еще дошколята. Фотография висела у бабушки, сколько Кира себя помнила.

– Можно я приеду к тебе в фирму? – наконец попросила Кира.

Ей обязательно нужно узнать, с кем Денис общался в последние дни.

– Конечно, – поднялся Сергей, достал бумажник, протянул визитку. – Когда похороны?

– В воскресенье.

Визитка была скромная, но солидная. Как раз для директора фирмы.

– Я узнаю, сколько людей будет от фирмы, и позвоню. Ладно?

– Ладно, – кивнула Кира и заперла за ним дверь.

Грузовичка внизу уже не было. Молочная иномарка отъехала, на ее место втиснулся темный джип.

Ей все это время хотелось, чтобы Сергей ее пожалел, посочувствовал, предложил помощь. А он не предложил.

Она должна рассчитывать только на себя. Ей никто ничем не обязан.

Солнце слепило. Кира задернула занавеску, и в комнате сразу сделалось почти темно.

Кира взяла телефон, покрутила в руках, позвонила подруге.

– Маш, ты знаешь, кто такой Сергей Тополев?

Павел в то время тоже работал с Денисом, должен знать этого Тополева.

– Нет, – задумалась Маша. – Не помню.

Все правильно, Тополев уволился еще до того, как Маша вышла замуж. Вряд ли Павел встречается с бывшими сослуживцами, если это, конечно, не закадычные друзья.

– Расспроси Пашу про него, – попросила Кира. – Тополев работал с Денисом на одной кафедре. Сейчас у него фирма, и это он устроил Дениса на работу.

Маша пообещала, не задавая лишних вопросов.

После разговора с Сергеем хотя бы появилась первая версия. Версия была так себе, слабенькая, но все лучше, чем ничего. На кафедре четыре года назад что-то происходило, и Денис имел к этому отношение.

Была и еще одна версия – месть Денису за убитую когда-то женщину на дороге. Но об этой версии Кире думать было противно и страшно.

Леся ушла с Данькой гулять, и Аля задремала. Утром малыш проснулся рано, она тихонько занималась с ним, стараясь не разбудить Костю раньше времени, как и положено хорошей жене. Аля старалась быть хорошей женой, и у нее это получалось.

Она проспала всего минут двадцать, разбудило тарахтение за окном. Наверное, где-нибудь опять перекалывают асфальт. Ей приснилось что-то нехорошее, тревожное. Она с Денисом среди каких-то развалин, Денис идет впереди, Аля за ним не поспевает и очень боится, что он сейчас бросит ее и исчезнет. Глупый сон. Денис никогда бы ее не бросил. В отличие от Кости.

Ужас в жизнь Али вошел три месяца назад. Май выдался холодный, москвичи радовались каждому теплему дню. И она радовалась. Папа уговаривал уехать на лето за границу, пожить где-нибудь на море, и Аля готова была согласиться. Даже продумывала варианты.

В тот день наконец выглянуло солнце. И хотя ветер дул холодный, хотелось пройтись по весеннему городу. Она тогда еще пожалела, что не стало подруг, с которыми можно походить по магазинам или посидеть в каком-нибудь кафе. Решила позвонить Маше, но в последний момент передумала – Маша работает, погулять наверняка не сможет, и Аля будет глупо выглядеть со своим предложением.

Она доехала до центра, побродила по немногочисленным улицам, заходя во все попадающиеся магазины. Ей тогда еще бросилось в глаза, что среди туристов, группы которых попадались навстречу, преобладают азиаты, китайцы или японцы.

Она нагулялась, устала, выпила кофе в небольшом ресторане и тут сообразила, что находится почти рядом с Костиной работой. И время отличное, Костя как раз должен отправиться обедать.

Подумала, не позвонить ли ему, чтобы ждал ее у входа, но не стала, пусть это будет сюрприз. Она быстро расплатилась, заспешила и заметила мужа на мраморных ступенях здания, не дойдя до него метров десяти. Костя ее не видел. Он смотрел на женщину, стоявшую рядом с ним, а потом взял эту женщину за руку, как Данилку. Правда, руку женщина быстро выдернула, повернулась, начала спускаться по ступеням, ведя за собой Алиного мужа, как собаку на невидимом поводке.

Костя шел, наклоняясь к женщине, и Аля не сразу поняла, что ей напоминает эта сцена. Папу. Она училась в десятом, когда, возвращаясь из бассейна, увидела папу, заходившего в ресторан недалеко от метро. Она хотела ему крикнуть, но была слишком далеко, и просто побежала к темной дубовой двери. Она не знала, что папа ходит в рестораны один, тем более вечером, когда его дома ждет ужин, и ей было любопытно, зачем он туда отправился.

Аля увидела его, не заходя в ресторан, через окно. Папа подходил к столику у окна, за которым сидела Машкина тетя – Лена. Папа наклонился к ней, обнял, поцеловал в волосы. Потом сел напротив и смотрел на Машкину тетку, наклонив голову. На маму он никогда так не смотрел, и на Алю не смотрел.

Але хотелось зайти в ресторан, но она побоялась дядьку, курившего около входа, дядька мог ее не пустить.

Аля тогда побрела домой, ей отчего-то было страшно.

– Мам, – сказала она, поднявшись в квартиру. – Папа сидит в ресторане с Машкиной тетей. Напротив метро.

Мама смотрела телевизор, шел какой-то бесконечный сериал. Аля тоже любила смотреть сериалы, но не всегда получалось.

– Ну и что? – безмятежно спросила мама. – Папа встречается с разными людьми. Он работает.

– Но он не работает с Машкиной тетей.

– Значит, они обсуждают какие-то школьные вопросы. Аленька, каждый человек встречается с массой разных людей. Было бы странно, если бы не встречался.

Мама не отрывалась от экрана, и Аля ушла к себе в комнату.

Оттуда и слышала, как мама выбежала в прихожую, когда хлопнула входная дверь, родители заговорили как обычно, ушли на кухню.

– Пап, ты почему так поздно? – спросила Аля, когда отец заглянул к ней в комнату.

– Много работы, – улыбнулся папа, наклонился и чмокнул ее в лоб.

Совсем не так, как тетю Лену.

– Устал?

– Немного.

Она еще поговорила с папой и велела себе забыть сцену в ресторане.

И действительно, никогда о ней не вспоминала, пока не увидела Костю с незнакомой бабой.

«Не может быть!» – сказала себе Аля, замерев у стены здания и не понимая толком, что она имеет в виду под этим «не может быть». Пара спускалась в противоположной стороне огромной широченной лестницы, а потом медленно двинулась, отдаляясь от Али.

Нужно было поступить как мама. Нужно было не придумывать себе гипотетических опасностей, а просто оставаться хорошей женой и стараться, чтобы мужчине было комфортно дома. Тогда в семье будет все хорошо.

Костя обнял женщину за плечи, засмеялся, отпустил. Аля медленно двинулась следом, не в силах оторвать взгляда от спины мужа. Парочка достигла небольшого сквера, села на ближайшую лавку. Аля стояла у ограды и смотрела на них. Потом все-таки заставила себя повернуться, подняла руку и, сев в какую-то немислимую развалюху с кавказцем за рулем, доехала до дома.

– Костенька! – обрадовалась она, встречая мужа вечером в прихожей. – Я так соскучилась! Как день прошел?

– Нормально. – Костя подхватил подбежавшего Данилку, поднял к потолку, засмеялся.

«Все хорошо, – сказала себе Аля. – Все всегда будет хорошо».

У них сын, и Костя очень любит ребенка.

Тогда она еще не знала, что не сможет, как мама, не думать о неприятном. Не думать о неприятном не каждому под силу, Аля не сумела. Правда, маме было легче, у мамы не было Алиной сосущей тайны.

Вернулись Леся и Данечка. Аля переодела сына, принялась читать ему сказку.

Она хорошая жена и хорошая мать, а все неприятности рано или поздно проходят.

Пистолет нужно было выбросить немедленно, но Анатолий Михайлович понимал, что в городе это сделать трудно. Безлюдный участок реки найти практически невозможно, а все остальное ненадежно. Не в мусорный же ящик кидать, чтобы какой-нибудь бомж нашел? Стереть с оружия полностью все следы проблематично.

Он, как обычно, поехал на работу, погрузился в обычную суету, а к вечеру неожиданно понял, что очень хочет видеть Елену. Хочет настолько, что готов стоять у ее дома, только чтобы посмотреть на нее издалека.

Ни на что не надеясь, он достал телефон и набрал ее номер.

– Лен, – попросил он. – Давай увидимся. Пожалуйста.

– Давай, – после некоторой заминки согласилась она и все-таки поинтересовалась: – А зачем?

– Потом скажу, – отмахнулся он и предложил ресторан, в котором они несколько раз бывали в прежние времена.

– Ладно, – сказала Лена, и ему неожиданно и не к месту сделалось весело, как раньше, он даже пошутил с секретаршей, запирая кабинет.

Секретарша трепалась с кем-то по телефону.

– Да ты что-о?! – тарасила она глаза. – Ничего-о себе!

При виде его бедная девочка испуганно замерла, быстро положила трубку.

– Хорошие новости? – улыбнулся Анатолий Михайлович. – Или средненькие?

Секретаршу он взял на работу, потому что попросил бывший сослуживец. Девушка приходилась ему то ли внучкой, то ли племянницей. Сослуживец давно был на пенсии, но Анатолий Михайлович старался никому не отказывать, если это, конечно, не вредило делу.

Девочка работала старательно, бумаг не путала, и, если бы глупо и необъяснимо его не боялась, Анатолий Михайлович помощницей был бы вполне доволен.

– Хорошие, – улыбнулась девушка и наконец-то посмотрела на него без ужаса. – Моя подруга выходит замуж.

– Совет да любовь, – пожелал он.

В ресторан он пришел минут за десять до появления Лены. Меню листать не стал, неотрывно смотрел на дверь. Кажется, даже не моргал. И только когда Лена появилась, почувствовал, что ужасно нервничал.

– Извини. – Она положила сумку на стоявшую рядом подставку, села напротив.

– Ты не опоздала, – успокоил он и подвинул ей меню.

– Что случилось, Толя? – В меню она даже не посмотрела.

– Мне плохо без тебя, – глядя на нее, сказал правду Анатолий Михайлович. – Мне без тебя плохо, Лен. Я не живу, а так...

Она опустила глаза, потом посмотрела куда-то в сторону.

– Ты вспоминала обо мне?

– Я о тебе все время помню.

Елена наконец посмотрела на него, и он увидел в ее глазах тоску и усталость.

– Лена, мы совершили тогда ошибку.

Подошел официант, Анатолий Михайлович сделал заказ.

– У тебя семья, Толя.

У него нет семьи, потому что пребывание дома он давно рассматривает как вторую работу.

– Почему у меня? У тебя тоже.

– Я развелась.

– Что? – не поверил он.

Они расстались, потому что она считала невозможным изменять своему придурку-мужу и считала невозможным бросить этого придурка.

– Я развелась пять лет назад.

Ему сделалось тоскливо. Они потеряли пять лет. Пять очень долгих лет.

Анатолий Михайлович протянул руку и запустил пальцы в черные волосы. В волосах было немного седины, совсем немного. Жена регулярно красила волосы. Вызывала такси и ехала в салон, водить машину она не умела и не хотела учиться.

– Не надо, Толя. – Лена дернула головой, освободилась.

– Ты все-таки его бросила?

– Он меня бросил.

– Что?! – поразился Анатолий Михайлович, как недавно девочка-секретарша.

«Он без меня пропадет, – утверждала Лена. – Он без меня не сможет. Я не могу с ним так поступить».

Она не могла с ним так поступить, а он с ней смог.

– Лен, поедem к тебе, – сказал Анатолий Михайлович. – Прямо сейчас.

Она не ответила, но он уже знал, отныне все в его жизни будет хорошо.

Официант принес заказ, и Анатолий Михайлович пожалел, что кусок мяса оказался огромным и есть его придется долго.

Домой он приехал поздно, жена уже спала. Неотвеченных вызовов в его мобильном не было. Она уважала его и его работу и старалась не беспокоить своими звонками.

Маша вспомнила, что Кира просила ее узнать про какого-то Тополева, только ложась спать.

– Паш, – спросила она, прижимаясь к плечу мужа. – Кто такой Сергей Тополев?

– Какой Тополев? – не понял Павел, обнимая жену одной рукой. Другую руку он протянул, чтобы выключить бра.

– Ты с ним работал. В университете.

– Тополев? – Лица мужа не было видно, но Маша поняла, что он нахмурился. Вопрос ему не понравился. – Был такой парень. Он недолго проработал. А что?

– Кира просила у тебя узнать. Она сегодня с ним разговаривала. – Маша поерзала и устроилась на мужнем плече поудобнее.

– Зачем?

– Зачем узнать или зачем Кира разговаривала?

– И то, и другое, – усмехнулся Павел.

Ему явно не нравились разговоры обо всем, что связано с Кирой. Маша почувствовала себя виноватой.

– Наверное, Кира со многими разговаривает, кто знал Дениса. Кстати, Денис, оказывается, устроился на работу к этому Тополеву. Ты еще хотел узнать, где Денис работал.

– Любопытно, – помолчав, протянул Павел.

– Паш, – не выдержала Маша, – тебе почему-то неприятно об этом говорить?

– Что за чушь? – возмутился он. – Не придумывай глупостей! Мне нет никакого дела до Сереги Тополева. Мне на него абсолютно наплевать.

– Ну так расскажи!

– Да нечего рассказывать! Обычный аспирант, подрабатывал на кафедре. Потом уволился, и больше я о нем не слышал. Я и сам вскоре уволился.

– Он диссертацию защитил? – зачем-то спросила Маша.

Зря спросила, видела же, что Паша не хочет об этом говорить.

– Нет, – сразу сказал Павел и взмолился: – Слушай, ну хватит об этом! Я действительно ничего не знаю. Знал бы – рассказал.

Он повернулся и прижал Машу к себе. Дальше расспрашивать она не рискнула.

Заснула Маша сразу, но неожиданно проснулась в полной темноте. Осторожно, стараясь не разбудить Павла, взяла будильник, оказалось, что только половина второго. Она повернулась на другой бок, закрыла глаза и вдруг вспомнила, как на их свадьбе коллеги Павла по университету обсуждали что-то неприятное, случившееся на кафедре.

Собственную свадьбу Маша вспоминала без особого восторга. Самые близкие подруги, Кира и Аля, не пришли, были только девочки из института, где она училась, и родственники. Родственников тоже было мало, только родители и Лена. Бабушка очень хотела пойти, но она болела.

Институтские девочки вышли покурить, и Маша с ними. У входа в ресторан стояли трое парней, улыбнулись, отошли в сторону, чтобы не мешать девушкам. Парни, как поняла Маша, были из университета. Они негромко говорили про полицию, про «серые» схемы, про то, что ректор наверняка слетит с должности и нужно ждать перемен. Маша не прислушивалась, она смеялась о чем-то с девочками, а теперь об этом пожалела.

К тому времени Павел уже работал на новом месте, и про университетские дела, которые обсуждали его приятели, Маша его ни разу не спросила. Впрочем, о том разговоре она и не вспомнила ни разу.

Непонятно, почему она сейчас о нем вспомнила.

С тех пор парней из университета она не видела. Наверное, Павел с ними как-то общался, но Маше не рассказывал. Он вообще редко рассказывал ей про работу, и Маша не стремилась к тому, чтобы рассказывал чаще. Пару раз она ходила к нему на корпоративы, но ей там было просто скучно.

Они вообще редко встречались с друзьями, им вполне хватало общества друг друга. Наверное, это было как-то неправильно, но Машу устраивало.

Только сейчас, ворочаясь с боку на бок, она подумала, что что-то неправильное в этом все-таки есть.

Она ворочалась еще долго и заснула только под утро.

20 августа, суббота

Обычно люди в горе теряют способность спать, а Кира, наоборот, никак не могла проснуться. Телефон звонил и звонил, и она с трудом разлепила глаза.

– Я тебя разбудила? – расстроилась Маша. – Извини.

– Ничего, – успокоила Кира. – Давно вставать пора.

– Павел про Тополева почти ничего не знает. Он недолго проработал и уволился. Я даже не выяснила, закончил аспирантуру или нет.

Отчего-то Кира не сомневалась, что мало что узнает от Машиного мужа. Павла она помнила плохо, и он ей не нравился.

Приходил долговязый парень к Денису, на Киру поглядывал весело и равнодушно, а маме целовал руку, что выглядело предельно глупо. Машей Павел заинтересовался сразу. Кира с подругой болтали в Кириной комнате под тихую музыку, смеялись о чем-то, когда неожиданно брат пригласил их на совместное чаепитие. Они тогда долго сидели вчетвером, помимо чая выпили бутылку вина, Павел рассказывал смешные истории, а Денис помалкивал. Потом Павел и Маша простились и ушли, и после этого подруга с Павлом почти не расставались.

Павел был веселый и умный, а Кире не нравился. Впрочем, главное, чтобы он нравился Маше.

– Тебе какая-нибудь помощь нужна? – спросила подруга. – Ты скажи, Павел сегодня работает, и мне совсем делать нечего.

– Маш, – неожиданно попросила Кира, – давай за город съездим.

– Давай, – немного удивленно отозвалась Маша.

Кира вскочила с постели, бросилась в ванную. Подруга приехала меньше чем через час, но Кира уже была готова, даже заставила себя позавтракать яичницей из одного яйца. Бабушка утверждала, что выходить из дома на голодный желудок – последнее дело.

– Куда поедем? – спросила Маша, когда Кира выскочила из подъезда и уселась рядом.

Кира назвала подмосковный городок. Она там никогда не бывала, но нужный адрес помнила. В этом городе случилось то, что сломало им всем жизнь.

Когда погибла та женщина.

Женщину звали Надежда Федосеева. Ей было двадцать три года, и она была беременна.

Женщину Кира не представляла, видела только ее брата. На суде. Брат был маленький, щупленький, плакал и сморкался, и на первый взгляд казался то ли полупьяным, то ли слабоумным. Слабоумным он точно не был – выгоды не упускал. Родители собрали огромную по их зарплатам сумму и передали брату убитой, чтобы смягчить вину Дениса. Деньги парень, поломавшись, взял, но это не помогло, на суде он рыдал, проклинал убийцу и требовал максимального наказания.

– Нужно заправиться, – решила Маша.

– Давай.

Подруга ничего не спрашивала, и Кира молчала. В то, что Надеждин брат отомстил Денису, верилось слабо, но в жизни случается даже то, во что не веришь.

К тому же у Надежды могли оставаться другие родственники, а самое главное, отец будущего ребенка. Или какой-нибудь тайный воздыхатель. Тайных воздыхателей в жизни Кира не встречала, но в книжках про такое писали.

Конечно, Кира не надеялась испугать до смерти брата Надежды и вырвать у него признание, но узнать хотя бы, не поменял ли он адрес, хотелось. А скорее всего, хотелось просто для себя самой создать видимость, что она не сидит сложа руки, а действует.

Маша остановилась у заправки, вышла, через несколько минут снова вернулась за руль.

– Как Лена?

– Нормально.

Когда-то Кира очень любила Машину тетку. В отличие от родителей, ее и Машиных, тетя Лена была почти подружкой. Кира однажды даже призналась ей, что очень ревнует мальчика-одноклассника к другой девочке и не знает, как привлечь его, мальчика, внимание.

Она тогда зачем-то зашла к Маше домой, а подруги не было. Они с Леной ждали ее, посматривали на часы и разговаривали.

– Любовь – это чувство двоих, – непонятно объяснила тогда Машина тетка. – Если любит один – это не любовь. Твое время еще не пришло, Кирочка. Оно придет, потерпи.

С тех пор прошло много лет, Кира попробовала сосчитать, сколько именно, но запуталась. Прошло столько лет, а любви Кира так и не дождалась.

– Почему тебя заинтересовал Тополев? – неожиданно спросила Маша.

– Он взял Дениса на работу.

– Ты говорила.

Маша не сразу тронула машину на загоревшийся зеленый, кто-то нетерпеливый сзади им посигналил.

– Я хочу понять, почему он взял Дениса.

– Потому что Денис редкий специалист, – удивилась Маша. – Ты думаешь, талантливые специалисты косяками бродят?

– Ничего я не думаю, – буркнула Кира.

Опять помолчали. Показался щит с названием города. Маша свернула к обочине, остановилась у придорожной канавы, заросшей кустами. Трава у канавы была густой, с пятнышками каких-то цветочков, как будто шел не конец лета, а начало.

– Мы куда едем? – повернулась к Кире подруга.

Кира подняла глаза кверху, на светлую обивку машины, назвала адрес.

– Кира, мы зачем сюда едем? – не отставала Маша.

Кира вздохнула. Характер у подруги был покладистый, но безвольной ее назвать было трудно. Если захотела что-то узнать, не отцепится.

– Хочу взглянуть на брата потерпевшей, – сдалась Кира. – Которую Денис...

Маша отвернулась, сверилась с навигатором, пропустила чей-то джип и влилась в поток машин. Нужная улица располагалась близко, ехать через центр города не пришлось. Маша остановила машину напротив магазина, так и называвшегося – «Магазин», и кивнула Кире: вылезай.

Дома в городке были невысокие – три-четыре этажа, и казалось, что они попали в прошлое, совсем в другую жизнь. Кира не удивилась бы, если бы увидела статую Ленина с цветами у подножия, но статуи Ленина на небольшой площади не было.

Странно, что сюда не добрались застройщики, городок расположен близко от Москвы. Впрочем, возможно, они и добрались, и где-нибудь в паре километров отсюда уже возводятся огромные кварталы, которые еще долго будут стоять полупустыми. Квартиры в условиях бесконечного кризиса продаются плохо, Кира слышала это по радио. В салоне постоянно работает радио, и текущую политическую и экономическую ситуацию Кира знала отлично.

Подруга посмотрела на номера домов, зашагала по асфальтовой дорожке с полынью по краю. Кира оторвала кончик веточки полыни, растерла пальцами, понюхала ладонь. Пахло детством.

– Полиция не может пропустить эту версию, – заметила Маша.

– Наверное, – согласилась Кира.

Двухэтажный трехподъездный дом, выкрашенный отвратительной бежевой краской, утопал в зелени. Около одного из подъездов в земле возилась женщина лет пятидесяти, полола клумбу с цветами, названия которых Кира не знала.

– Простите, – остановилась Маша. – Где Федосеевы живут, не знаете?

Женщина оторвалась от клумбы, с веселым любопытством на них посмотрела. На голове у нее была соломенная шляпа с большими полями, шляпа женщине шла.

– В этом подъезде, – показала рукой женщина. – Только их нет, они летом на даче живут.

Женщина внимательно оглядела девушек, улыбнулась.

Нужно было спросить, где дача, но Кира сказала другое:

– Мой брат сбил сестру Федосеева четыре года назад. А в прошлые выходные убили моего брата. Он только что вернулся из заключения, – не стала ничего придумывать Кира.

– Царствие небесное! – Женщина еще раз их оглядела, теперь уже без улыбки, показала на стоявшую рядом с подъездом лавочку, стянула резиновые перчатки. – Давайте посидим.

Вздыхнула, села на лавку, дождалась, когда девушки тоже усядутся.

– Ну а здесь-то вы чего ищите, девочки?

– Он вернулся из заключения, и его сразу убили, – хмуро повторила Кира.

Пальцы под перчатками были ухоженные, покрытые бледным розовым лаком.

– Вы думаете, кто-то отомстил за Надю? – с удивлением догадалась женщина и озадаченно посмотрела на подруг. – Да кому же? Вася? Сомневаюсь, он с детства был трусоват. Я математику преподаю и его учила. И жили в одном доме. У него ни духу не хватит, ни мозгов. Плохо учился, бестолковый.

Чтобы убить человека, особых мозгов не нужно, но возражать Кира не стала.

– А где у них дача, вы не знаете? – зачем-то спросила Маша.

Понимала, что подруга затеяла ерунду и глупость, а тоже подключилась.

– Где-то недалеко. А где точно, не знаю. Я у них на даче ни разу не была. Мы с Васиной матерью особо дружны не были, хоть и жили всю жизнь рядом. Она умерла два года назад.

Подлетела оса, закружилась, женщина отогнала ее рукой.

– Вася иногда здесь появляется, а отец его с мая по октябрь там. – Дама вздохнула и пристально посмотрела на Киру. – Как убили вашего брата?

– Застрелили. Застрелили прямо в квартире.

– Вряд ли это Вася, – с сомнением покачала головой женщина. – Он и на кладбище-то не ходит. Я, когда могилу мужа убираю, на их могилах тоже прибираюсь, все-таки соседи. И пистолет Ваське взять неоткуда. Он же все-таки не бандит. Бездельник он. В Москву ездить лень, пристроился в «Пятерочку» охранником. У нас тут «Пятерочка» недалеко.

Из подъезда выбежала девочка лет пятнадцати, поздоровалась с женщиной, Киру и Машу с любопытством оглядела, побежала куда-то по своим девичьим делам.

– Надя была неплохая девочка. Училась неважно, но это от семьи зависит. Если семья читающая, дети растут смышленными, а если у родителей никаких интересов, и дети такими же растут. Федосеевым неоткуда было ума набраться. И отец, и мать сроду книжки в руках не держали.

– А парень у нее кто был? – спросила Маша. – Она же ребенка ждала.

– Про парня ничего не знаю. Такого, чтобы кто-то ее постоянно встречал и провожал, не видела. Правда, я за соседями не очень-то слежу. Это сейчас у меня отпуск, вот и вожусь во дворе.

Женщина грустно вздохнула, помолчала.

– Вот ведь как интересно... У Ольги, Васиной матери, родная сестра была, умерла незадолго до Нади. Так она совсем другая была, не как Федосеевы. Институт окончила, высшее образование получила, устроилась в Москве, зарабатывала хорошо. Семейная жизнь у нее, правда, не задалась, одна дочь воспитывала, но девочка выросла хорошая. Викой зовут. Вежливая, поздоровается всегда. Они к Федосеевым в гости часто приезжали. Девчонки, Надя и Вика, одного возраста и внешне похожи были. Двоюродные сестры часто бывают похожи...

Больше ничего интересного женщина не рассказала. Подруги поднялись, попрощались, двинулись в сторону оставленной машины, но неожиданно Кира вернулась и попросила вновь согнувшуюся над клумбой женщину:

– Вы никому не говорите, пожалуйста, что мы интересовались Федосеевым.

– Конечно, не скажу, – почти обиделась дама. – Что же я, совсем не соображаю?

Кира улыбнулась на прощанье, но учительница ее задержала:

– Вы напрасно тратите время, девочки. Что Васька за сестру мстить принялся – ерунда полная. Поверьте мне, я много лет на свете живу. Пусть полиция убийц ищет. Бог даст, найдут.

Кира кивнула – бог даст, найдут, и догнала Машу.

Анатолий Михайлович проснулся поздно, но жена еще спала. Он осторожно поднялся, сварил кофе, снова заглянул в спальню.

– Проснулась? – улыбнулся жене.

Катя улыбнулась в ответ, сладко потянулась. Обычно она выглядела значительно моложе своих лет, тратила на эту видимость массу времени и денег, а сейчас казалась настоящей старушкой, и у него сердце защемило от жалости.

«Ты не сможешь быть счастливым, если бросишь семью», – утверждала Елена. Раньше утверждала, вчера они об этом не говорили.

«Я не смогу ее бросить, – с тоской подумал Анатолий Михайлович, улыбаясь жене. – Не смогу».

– Аля с Костей придут сегодня?

Катя поднялась, накинула халат, Анатолий Михайлович прислонился боком к косяку двери.

– Аля вчера не говорила, но зайдут, наверное. Или сегодня, или завтра.

Дочь с мужем и сыном приходили к ним каждые выходные, это счастье, что они живут рядом. Иногда оставляли внука на несколько часов, шли по каким-то своим делам. Анатолий Михайлович любил выходные, в Даниле он души не чаял и встреч с внуком всегда ждал.

Очень хотелось увидеть Лену, но он постарался об этом не думать.

Дочь и зять привели Данилку после дневного сна.

Анатолий Михайлович поинтересовался у Кости служебными делами, зять пожаловался, что урезали госфинансирование, но они, как недавно советовал населению премьер-министр, держатся.

Разговаривать с Костей Анатолию Михайловичу было легко, редко кто понимал его с полуслова так, как Костя. Женившись на Але, Костя немедленно перешел на другую работу, Анатолию Михайловичу даже не пришлось намекать, что работать под руководством тестя не слишком этично. Более того, зять категорически отказался, чтобы Анатолий Михайлович помогал ему в трудоустройстве. Анатолий

Михайлович самостоятельность уважал, и тогда в который раз подумал, что устроил судьбу дочери правильно.

Из соседней комнаты слышались женские голоса, жена и дочь возились с Данилкой. Костя нахмурился, посмотрел на часы.

– Мне нужно отъехать часа на два, – объяснил тестю.

Анатолий Михайлович кивнул – уезжай, если нужно. У Кости напряженная работа, дела могут быть и в выходные, но Анатолий Михайлович с грустью подумал о женщине, с которой видел Костю в ресторане. Он тоже раньше иногда ходил с Леной в рестораны, и их тоже кто-то мог случайно увидеть, но до сих пор это не казалось ему чем-то отвратительным. А сейчас показалось.

«Я не смогу бросить Катю, – опять тоскливо подумал он. – Хорошо, что Лена все поймет правильно».

Костя вышел из комнаты, заговорил с женщинами, хлопнула входная дверь.

– Толя, обедать! – крикнула из кухни жена и засомневалась. – Или это у нас ужин?

Анатолий Михайлович подхватил внука, посадил на детский стульчик.

– Аля, перестань! – поморщился он, видя, как дочь принялась кормить мальчика с ложечки.

Дочь дернулась, но смолчала.

– Сам он ничего не съест, – объяснила жена.

– Проголодается – съест, – отрезал Анатолий Михайлович.

В его время дети ходили в ясли и в сад, и ничего, выросли. Никто их там с ложки не кормил.

– Лючи мутик! – потребовал Данилка.

– Мультик будешь смотреть, когда пообедаешь! – почему-то сегодня его потянуло на строгость в воспитании.

Внук скривился, но тут же передумал орать, видно, почувствовал, что у деда сегодня особое настроение.

– Аленька, ты пойдешь на похороны? – неожиданно спросила жена.

Катя удивила. Он, конечно, сказал ей, что Дениса убили, но она только легко посочувствовала и, казалось, тут же об этом забыла.

Дочь замерла и как будто даже не сразу поняла, о каких похоронах идет речь.

– Не знаю, – покачала она головой, посмотрела на Анатолия Михайловича. – Мне пойти, папа?

– Аля! – опешил он. – Ты давно большая девочка. Это тебе решать, а не мне.

Аля медленно подняла на него обиженные глаза. В глазах стояли слезы, а губы дрожали.

– Я просто спросила, папа. Что в этом плохого? Я просто хотела посоветоваться. Извини, если тебя это раздражает.

– Ничего плохого, – согласился он, чувствуя себя виноватым. Он часто чувствовал себя виноватым дома, особенно в те времена, когда встречался с Еленой.

– Так мне пойти, как думаешь?

– Не знаю, – честно ответил Анатолий Михайлович.

– Нужно пойти, Аленька, – посоветовала жена. – Кира твоя подруга. Нужно пойти.

– А Косте я что скажу? – Вид у дочери сделался обиженный.

– Правду, – отрезал Анатолий Михайлович. – У твоей подруги убили брата. Твое место рядом с Кирой.

Не дождавшись чая, Анатолий Михайлович поднялся из-за стола. Подхватил внука, пошел посмотреть с ним обещанный мультфильм.

Он не сомневался, дочь пойдет на похороны. То ли она так и не научилась сама принимать решения, то ли продолжает играть в маленькую послушную девочку. Быть маленькой и послушной ей удобно и комфортно, и всегда есть возможность обвинить в собственных ошибках кого-то другого.

Мультфильм закончился, Данила принялся катать по полу новую, только что подаренную машинку. Анатолий Михайлович понимал, что чрезмерно баловать ребенка ни к чему, но удержаться не мог, постоянно заходил в магазины игрушек и без покупок оттуда не уходил.

Аля засобиравшись домой, он вышел проводить их с Данилой. На обратном пути воровато достал телефон, позвонил Лене и, как когда-то давно, услышав ее голос, почувствовал, как отступают тревоги и волнения, и усталость, и недовольство дочерью, и чувство вины перед женой.

– Чем занимаешься? – спросил он, просто чтобы что-нибудь спросить.

– Ничем. – Он почувствовал, что Елена улыбается. – Бездельничаю.

– Это хорошо, – похвалил он и попросил: – Скажи что-нибудь.

– Я тебя люблю, Толя, – она правильно все поняла. – И всегда любила.

Вечер выдался теплым, даже не верилось, что уже конец лета. Анатолий Михайлович убрал телефон в карман брюк и замедлил шаг, сворачивая к дому.

Он понял, что без Машиной тети, с которой привык встречаться почти каждый день, ему непривычно и пусто, когда в одно прекрасное утро она не появилась на улице со своей болонкой на руках. Он не встретил ее и на второй день, и на третий. Потом спросил у Маши, когда та зачем-то зашла к дочери, куда пропала ее тетя. И выяснил, что вернулись из командировки Машины родители и Елена уехала домой. Еще выяснил, что собачка не Машина, а тетина, и Маша по собачке очень скучает.

Он тогда не слишком расстроился. Быстро забыл о Елене и даже не понял, встретив ее вновь через пару месяцев, почему так сильно обрадовался.

Уходить с улицы не хотелось, он постоял около подъезда, выкурил сигарету и вспомнил, что собирался выбросить пистолет. Думать об этом было тошно, и, поднимаясь в квартиру, он решил отложить вопрос с пистолетом на потом.

Полынь вдоль дороги перемежалась какой-то знакомой травой, Маша с трудом вспомнила ее название – донник. Одно время Лена увлекалась сбором лекарственных растений, собирала траву, сушила, раскладывала по баночкам. Осенью бросала в чай листья малины, смородины, еще что-то. К Новому году то ли сушеные листья кончались, то ли тете просто надоедало этим заниматься, и чай она заваривала обычный, как все.

Донник Лена собирала, чтобы умываться отваром. Умывалась или нет, Маша не знала, но выглядела тетя отлично. В детстве Маша хотела быть на нее похожей. Лена любила модную одежду, любила украшения, не пропускала ювелирных выставок и давала Маше примерять свои кольца.

При этом работала Лена не меньше мамы, у которой вечно на все не хватало времени, какие уж там выставки. Впрочем, у Лены не было детей, а у мамы была Маша.

Кира наконец перестала разговаривать с соседкой Василия, торопливо подошла, и Маша только теперь заметила, какая она бледная.

– Давай зайдем куда-нибудь, посидим, – предложила Маша. – Кофе поьем.

– Да куда здесь заходить? – отмахнулась подруга. – Пойдем «Пятерку» искать.

«Пятерочка» действительно оказалась рядом, прямо за углом. Покупателей почти не было, за кассой скучала совсем молоденькая девушка и сладко зевала, прикрывая ладошкой рот. Рядом на стуле сидел дородный хмурый охранник, читал потрепанную книжку.

Кира медленно прошла вдоль рядов с консервными банками, посмотрела на стоявший рядом ящик с бананами. Бананы были хорошие, без темных пятен. Она выбрала два одиноких, оторвавшихся от своих гроздей, сунула в целлофановый пакет.

Маша показала глазами на охранника – он? Нет – покачала головой Кира и прихватила литровую бутылку воды.

Кассирша приветливо им улыбнулась, Маша полезла в кошелек за деньгами.

– Василий Федосеев сегодня работает? – спросила у девушки Кира.

– Нет, – покачала головой кассирша. – А зачем он вам?

– Учились вместе, – соврала подруга. – Когда он будет, не знаете?

– Ой, не знаю. – Девушка протянула чек и сдачу.

– В понедельник, – неожиданно сказал охранник. – Послезавтра.

Странно, Маше казалось, что дядька не замечает, что происходит в зале.

– Вы сутки через трое работаете? – повернулась к нему Кира.

– По-разному, – буркнул он и опять уткнулся в книжку.

Кира хотела еще что-то спросить, но Маша незаметно пихнула ее в бок – хватит. Охранник смотрел на них неодобрительно, ясно, что ничего они из него не вытянут.

Для таких целей нужно нанимать частного детектива.

Бананы они съели, сидя на лавочке около магазина.

Дверь открылась, пожилая женщина, недовольно посмотрев по сторонам, выкатила сумку-тележку с покупками, свернула за угол. Почти сразу дверь снова отворилась, показалась давешняя улыбчивая кассирша, огляделась, достала сигарету, закурила.

Маша вскочила, быстро подошла к девушке.

– Нам очень нужно узнать, работал Федосеев в воскресенье или нет. – Никогда раньше Маша ни о чем чужих людей не просила и чувствовала себя, мягко говоря, неудобно. – Помогите нам, пожалуйста.

Подскочившая Кира тоже жалобно глядела на кассиршу.

Маша быстро полезла в сумку, достала из кошелька тысячу, протянула девушке.

– Ой, что вы, не надо! – перепугалась девушка, помедлила, но купюру взяла, сунула в карман. – Сейчас, подождите.

Она торопливо загасила окурок, бросила в урну и исчезла за дверью. Вновь появилась минут через десять, сунула Маше тетрадный листок в клеточку. На листочке карандашом были выписаны числа, из которых следовало, что Василий Федосеев работал в прошлое воскресенье, потом в четверг и теперь должен работать в понедельник, послезавтра. Парень явно не перетруждался. Впрочем, возможно, раньше он кого-то замещал и теперь отгуливает за прошлые переработки.

«Слава богу, – подумала Маша. – Теперь Кире не придется снова сюда ехать».

И разговор с учительницей, и сам городок почему-то вызывали смутное чувство тревоги.

Подруге еще предстояло сюда вернуться, но Маша этого не знала.

Она многого не знала. Она не знала, что их жизни уже никогда не будут прежними.

– Ну вот и все, – подытожила Кира, разорвала бумажку и выбросила обрывки в урну.

Брат погибшей никак не мог убить Дениса, поскольку был в момент убийства на работе. Любой работающий понимает, что уйти с работы на пару часов ни для кого не проблема, но думать об этом не хотелось.

На обратном пути Маша предложила остановиться у придорожного ресторана, и они вполне прилично пообедали. Приехала она, когда Павел был уже дома.

– Я боялся тебе позвонить, – обнял он жену. – Машины твоей нет, не хотел отвлекать за рулем.

Маша вполне прилично водила машину, но Павел все время за нее боялся.

– Я соскучилась, – благодарно призналась Маша, прижимаясь к нему.

– Я тоже. Ты где была?

– Ездили с Кирой проверить, живет ли по старому адресу брат женщины, которую Денис тогда сбил.

– Вы что? – Павел отодвинул ее и заглянул в лицо. – Спятели?

– Не злись. – Маша снова к нему прижалась, отпустила и наконец расстегнула босоножки.

– Вот дура-то!

«Это он о Кире», – догадалась Маша.

– Не злись, – повторила она. – Брат той потерпевшей в момент убийства работал.

– Послушай!..

– Паш, я устала, – перебила Маша. – Глупость ужасная, я понимаю. Но мы все выяснили, и больше туда ехать не придется. Не беспокойся.

– Она еще во что-нибудь тебя втянет!

– Не втянет.

Маша быстро переоделась, прошла на кухню. На плите стоял заботливо разогретый ужин, и она, как часто бывало, почувствовала прилив острой благодарности к мужу. Она вытащила счастливый билет. Редко кому так везет.

21 августа, воскресенье

На похоронах Маша боялась отойти от подруги. Кира все время держала ее за руку и смотрела непонимающими глазами. Павла это раздражало, он не любил неадекватного поведения, и Маша переживала одновременно и за подругу, и за мужа.

Народу собралось много, и на поминки поехали многие, Маша даже забеспокоилась, что всем не хватит места в ресторане. Слава богу, хватило.

Несколько лиц были смутно знакомы, Маша видела этих парней, когда приходила к Кире. Имен она не помнила, Денис не считал

необходимым знакомить своих гостей с подругой сестры. Впрочем, Маша к этому и не стремилась.

А вот Сергея Тополева узнала. Странно, что Кира его не помнила.

Сережа был моложе их с Кирой на пару лет, на Дениса смотрел восхищенными глазами, а на подруг не смотрел никак. Здравовался и сразу отворачивался.

Аля появилась одной из последних, Маша уже решила, что она совсем не придет.

Аля оглядела толпу, увидела Машу и Киру, медленно подошла. Букет у нее был роскошный, очень темные розы едва помещались в руках.

Кира равнодушно посмотрела на подругу, кивнула, отвернулась.

– Постой здесь, – шепнула Маша Але.

Ей было страшно отходить от Киры, но ритуальный агент поманил ее глазами. Вернулась она быстро, через минуту. Аля послушно стояла возле Киры, но вид у нее был обиженный. В детстве Аля часто на них обижалась, но сейчас момент был настолько неподходящий, что Маше стало противно.

– Он меня любил, – тихо произнесла Аля в пространство.

Маша промолчала. Денис любил Алю, но сейчас у подруги была счастливая семейная жизнь, и едва ли она переживала смерть бывшего парня сильнее, чем его сестра.

Але хотелось, чтобы ей сочувствовали больше, чем Кире, или, по крайней мере, так же, но от Маши она этого сочувствия ждала напрасно.

Снова вышел агент, открылись двери морга, и все потянулись внутрь. На прощании Аля стояла далеко от них, потом Маша совсем ее потеряла и только у ресторана заметила, что Али нет.

На поминках, как и положено по русским обычаям, долго не сидели. Тополев тоже подошел к Кире, наклонился, прощаясь, что-то сказал. Маша быстро выбралась из-за стола, догнала его уже у выхода из ресторана.

– Извините, – задержала его Маша, отчего-то сильно робея. – Вы меня не помните?

– Помню, – спокойно повернулся он к ней. – Вы Маша. Подруга Киры.

– Пожалуйста, расскажите мне про Дениса, – зачем-то попросила она. – Вы единственный, кто видел его недавно.

– Что вас интересует? – Он хмуро на нее посмотрел. – Его психологическое состояние?

Если бы она знала, что ее интересует.

– Он был не на курорте.

– Я понимаю.

– Он был хорошим человеком. Таким и остался.

– Это я тоже знаю. – Парень начал здорово раздражать. – Он с вами работал, расскажите хоть что-нибудь. Его же убили!

– Что рассказать? – вздохнул Тополев. – Если бы я хоть что-то знал, что может помочь следствию, давно рассказал бы. Только не вам, а полиции.

– Денис не пытался снова устроиться в университет?

– В этот гадюшник? Конечно, нет. Денис и тогда планировал оттуда уходить.

Тополев отвернулся, собираясь наконец уйти, но Маша снова его задержала:

– Почему гадюшник?

– Маша! – крикнул Павел, спускаясь к ним по лестнице. Спускался он не быстро и не медленно, а бывшего сослуживца словно и не видел.

Маша посмотрела на мужа снизу вверх, отодвинулась от Тополева.

– Ты куда пропала?

Тополев с удивлением взглянул на Павла, потом на Машу и догадался:

– Твоя жена?

– Да. – Павел приобнял Машу за плечи.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Я сейчас, Паш, – заметив дамскую комнату, сказала она. – Ты иди, я сейчас.

Странно, Павел тоже не раз называл кафедру гадюшником, но у Маши это ни любопытства, ни простого интереса не вызывало.

Из зеркала на нее посмотрело усталое лицо. Маша приблизила лицо к зеркалу – глаза красные, губы бесцветные.

«Как будто не в отпуске была, а в больнице», – равнодушно подумала Маша.

Вышла она через минуту. Мужчины, оба, продолжали стоять у лестницы. Маша кивнула Тополеву, повернулась к мужу, начала подниматься по лестнице и неожиданно почувствовала в правой ладони что-то твердое. Это что-то она зажала в кулаке и рассмотрела, только когда Павел остановился проститься с двумя совсем незнакомыми Маше мужчинами. Что-то оказалось визиткой господина Сергея Тополева с двумя городскими и одним мобильным номерами телефонов.

22 августа, понедельник

О том, что он сделал, убийца почти не думал. Денис сам определил свою судьбу, и в том, что случилось, только его вина, вина Дениса. Убийца всего лишь защищался. Убийца был прав, и даже Бог помогал ему в его правом деле.

Своей вины убийца не видел, но, как и положено, просил у Бога прощения и помощи и верил, что прощение и помощь обязательно получит.

От вчерашних похорон остался противный осадок. Кира Алю почти не заметила, как будто Аля на похоронах Дениса совсем чужая, Маша смотрела на Киру с испугом, все время около нее суетилась и тоже отнеслась к Але как к чужой.

А ведь она переживала гибель бывшего жениха тяжело и искренне, и, если подруги этого не видят, бог им судья. С Денисом было связано много хорошего, даже счастливого, и на самом деле, она за это счастливое время Денису благодарна. Она умеет быть благодарной в отличие от той же Киры.

Подруги даже не спросили, как ей живется. Впрочем, она едва ли сказала бы им правду.

Данилка с самого утра капризничал. Аля носила его на руках, уговаривала и не могла дождаться, когда наконец явится Леся.

Няня опоздала на двадцать минут.

– Извини, Алечка, – запричитала Леся с порога. – Маршрутки больше не ходят, а автобусы опаздывают. Больше получаса ждала.

– Ничего, – отмахнулась Аля. Дождалась, когда няня переоденется и вымоет руки, передала ей мальчика и наконец смогла отдохнуть.

Лето в этом году задержалось, а теперь не хотело уходить. Для конца августа погода стояла изумительная, теплая и солнечная, как в июле. В такую погоду хорошо за городом, но Аля под разными предложениями оставаться на даче отказывалась. В июле у Кости был отпуск, они прекрасно провели время в загородном доме, а когда муж опять начал работать, Аля переехала в Москву вместе с ним.

Папе она объясняла, что одной за городом ей тоскливо и скучно, и напоминала, что в центре, где они живут, сейчас транспорта мало и воздух вполне приемлемый. А на самом деле, она просто не могла оставить Костю одного и мучиться от ревности, не зная, один он ночует или с той девкой. Ездить на дачу каждый день Костя не мог, слишком много времени уходило на дорогу.

Аля ни разу не упрекнула родителей, но хорошо понимала, что несчастна по их вине. Она в свои двадцать три года была абсолютным ребенком, когда сказала папе:

– Костя сделал мне предложение.

Костя сделал ей предложение на следующий день после того, как Денис бросил ее всю в слезах. Все-таки иногда он бывал очень жестоким, не тем будь помянут.

Вообще-то предложения от Кости она ждала. Она очень этого хотела, уже тогда понимала, что испытывает к Косте совсем другие чувства. Денис ей нравился, а Костю она любила.

– Поздравляю! – сказал тогда папа. – И что ты решила?

– Хочу с тобой посоветоваться.

– Аля, это твой выбор.

Ей было всего двадцать три года, а он оставил ее наедине с таким серьезным решением.

Мама тоже ничем не помогла. Даже не поинтересовалась, почему Денис так давно у них не появляется.

– Костя хороший мальчик, но решать тебе...

Фактически родители тогда отмахнулись от ее проблем, бог им судья. Она никогда не поступит так с Данилой.

Любовь любовью, но родительский совет нужен даже в таких сложных вопросах.

А теперь вся ее надежда только на то, что Костя не бросит ее ради Данилки. Ужас! Иногда Аля отказывалась верить, что этот кошмар происходит с ней.

Иногда она начинала ненавидеть Костю. Но это быстро проходило, она себя знала и понимала, что не хочет никакого другого мужа. Во-первых, она умрет от ревности, зная, что он наслаждается жизнью с другой женщиной. Во-вторых, ребенку нужен нормальный отец, а не приходящий. А в-третьих, Аля просто любила своего мужа. Любила, несмотря на то что он так подло с ней поступал.

Остаться без него для нее было страшнее всего. Она поняла это, когда Костя потерял телефон. Она тогда жила на даче с крохотным Данилой, Костя задерживался, Аля звонила ему и слушала, что абонент недоступен. Он приехал только в одиннадцатом часу, когда она совершенно измучилась.

– Костенька! – бросилась ему на шею Аля. – Я думала, что сейчас умру.

Только сказав это, она поняла, что говорит правду. Ей действительно казалось тогда, что она умрет, если он немедленно ей не ответит.

Теперь она понимала, что не умрет, если Костя ее бросит. Она просто никогда не сможет быть счастливой.

– Аля! – шепотом позвала Леся, заглянув в дверь.

– Что? – Аля терпеть не могла, когда ее комнату отворяли без стука, но выговаривать няне не стала. Леся была плохо воспитанной девушкой, но с этим приходилось мириться.

– Данилка заснул.

– Ну и что? – не поняла Аля.

– Еще двенадцати нет. Аля, мне кажется, у него жар.

Аля испугалась сразу и сильно. Она всегда пугалась до смерти, когда ребенок заболел.

Отодвинув Леся, Аля бросилась в детскую. Данила спал в кроватке, накрытый легким одеяльцем. Под одеяльцем виднелась футболка, в которой малыш играл утром. Няня даже не догадалась его раздеть.

– Он заснул у меня на руках, – угадав вопрос, объяснила Леся. – Я уж не стала его переодевать.

Аля потрогала лобик, есть ли температура, не поняла. Достала градусник, осторожно сунула ребенку под мышку. Температура была, тридцать восемь и пять.

Аля метнулась к шкафу, на одной из полок которого стояла большая коробка с визитками, нашла телефон докторши, которая однажды лечила Данилку от простуды. Докторшу нашла мама, кто-то из ее подруг порекомендовал. Тетка Але не понравилась, но других вариантов не было. Не вызывать же незнакомого врача.

Врач приехала быстро, но малыш к этому времени уже проснулся. Аля читала ему книжку, Данилка тихо слушал.

– Ничего страшного, – успокоила доктор, осмотрев и послушав ребенка. – В легких чисто. Небольшая простуда.

– Небольшая простуда с температурой под тридцать девять?! – поразила Аля.

Врач начала объяснять, что температура у детей поднимается легко, и паниковать из-за этого не нужно. Аля ее не перебивала, понимая, что больше эту дуру никогда не позовет.

В прошлый раз докторша тоже успокаивала Алю и тоже говорила, что не нужно паниковать. Але тогда показалось, что у Данечки скарлатина, она страшно переживала, а тетка даже не назначила никаких анализов. Правда, в тот раз Данилка поправился быстро, за пару дней.

Тогда ее никто не хотел понимать, папа тоже злился, говорил, что скарлатина – глупая выдумка, хотя Аля изучила в Интернете симптомы, и они очень походили на то, что она видела у сына. Просто родители сами никогда по-настоящему не беспокоились, если Аля болела, вот и не могут понять полноценных родительских чувств.

Проводив доктора, Аля позвонила мужу на мобильный.

– Костя, ты занят? – как обычно, спросила она, если приходилось звонить в рабочее время.

– Не очень, – неохотно сказал он. – Что случилось?

– Данилка заболел. У него почти тридцать девять.

Когда врач уходила, температура была уже меньше тридцати восьми, но ведь Аля не обманывала мужа, высокая температура действительно была.

Костя испугался, занервничал. Он всегда пугался, когда сын заболел, не то что ее родители. Аля рассказала о визите врача. Рассказала, что тетка в легких ничего не нашла, но это ничего не значит. Дуре давно пора на пенсию, могла просто не услышать хрипы.

Конечно, Костя сразу примчался. К вечеру температура у Данилки нормализовалась, но Костя все равно носил его на руках, тихо рассказывая что-то сыну.

У Али отличная семья. У нее все хорошо. Девки приходят и уходят, а семья остается.

Маша принялась звонить Сергею Тополеву, едва за Павлом захлопнулась дверь. Звонила по всем трем номерам, указанным на визитной карточке, и все три номера не отвечали. Она уже потеряла надежду, когда наконец услышала в трубке недовольный мужской голос.

Тополев ее сразу узнал и сразу же заявил:

– Слушай, я вчера перебрал лишнего, – это, по-видимому, было объяснением того, что он сунул ей в руку визитку. – Ничего нового про Дениса я тебе не расскажу. Понятия не имею, кто мог его убить. Вот про...

Он замолчал, и Маша поторопила:

– Что?

– Ничего, – вздохнула трубка.

– Послушай, – точно так же вздохнула Маша. – Я не отниму у тебя много времени. Ты же мне что-то хотел сказать. Вот и скажи. Пожалуйста. Что за гадюшник был у вас на кафедре?

– Ничего особенного, – засмеялся он. – Нормальный гадюшник, как и везде. Ты лучше мужа своего порасспрашивай. Он в курсе.

– Тебе не нравится Павел. – Маша не была психологом, но, чтобы это заметить, особых психологических навыков не требовалось.

– Не нравится, – подтвердил Тополев. – Но главное, чтобы он тебе нравился. Хотя, знаешь...

– Что?

– Ты его лучше брось! Подлец он!

Ей стало противно слышать издевающийся голос. Маша отодвинула телефон от уха, посмотрела на него и нажала «отбой».

«Тополев просто нам завидует», – сказала себе Маша.

С чего бы бизнесмен средней руки принялся завидовать ее мужу, она не знала, но объяснение показалось убедительным.

Как-то года два назад они с Павлом гуляли по центру и случайно встретили его сослуживца с женой. Пара была примерно их лет.

Мужчины недолго поговорили, познакомили жен.

– Он мне завидует, – сказал потом Павел о коллеге.

– Почему? – удивилась Маша. Разговор ей показался вполне обычным и пара показалась вполне обычной.

– Я уже начальник отдела, – объяснил муж. – А он сидит на прежней должности.

– У тебя ученая степень, – напомнила Маша.

– Вот именно, у меня ученая степень, а у него нет. И жена у меня красавица, а у него курица какая-то.

Жена у коллеги красавицей действительно не была, но зато весело и искренне смеялась и от этого казалась привлекательной своей собственной особой привлекательностью.

В тот вечер они долго гуляли, до самой ночи. Кажется, была суббота, потому что, придя домой, они пили вино, купленное по дороге, и Маша не переживала, что завтра рано вставать.

«Тополев нам завидует», – повторила себе Маша. Чтобы успокоиться, заварила чай, но пить его не хотелось, и она позвонила Лене. Она часто звонила тете, когда хотелось снять беспокойство, Лена умела успокаивать несколькими словами.

Вообще-то получалось как-то неправильно, Маша была вполне счастливой и успешной женщиной, у Маши чудесный муж и неплохой достаток, а Лена одинокая и небогатая, но при этом утешать, как правило, приходится Машу. Наверное, потому что тетя старше на пятнадцать лет и Маша продолжает оставаться для нее ребенком.

– Аля вчера на поминки не осталась, – вспоминала Маша. – Отвратительно, они с Денисом дружили много лет.

– Не остаться на поминки не означает забыть о Денисе, – возразила тетя.

– Я уверена, что она о нем не вспоминает, – отчего-то продолжала злиться на подругу Маша. Наверное, оттого, что Аля вчера жалела больше себя, чем Киру. И от Маши того же хотела.

– У нее теперь своя семья. Машенька, редко кто вспоминает первую любовь...

Они говорили ни о чем, но гадкое чувство отступало, и Маше больше не было дела до Тополева и его мнения о Павле.

Положив трубку, она снова заварила чай и на этот раз выпила его с удовольствием.

Бывшего тетиного мужа дядю Гену она видела редко. Дядя говорил громко, постоянно шутил, смешил Машиных родителей и саму Машу. Рядом с ним Лена казалась молчаливой и неприметной, но тем не менее оба они производили впечатление вполне гармоничной пары.

То, что дядя любит выпить лишнего, Лена не то чтобы скрывала, просто не афишировала, но Маша знала. Иногда об этом говорили родители, иногда дядя действительно показывался не в лучшем виде. Но когда Лена подала на развод, в семье был шок. Мама даже делала попытки примирить супругов, только попытки оказались тщетными.

То ли у тети лопнуло терпение, то ли еще что-то послужило толчком для развода, Маша так и не узнала. Впрочем, она не слишком и пыталась это узнать.

Вторую половину дня она опять пробездельничала, а когда наконец Павел пришел с работы, она повисла у него на шее и прошептала:

– Я тебя очень люблю, Паш. И пускай нам все завидуют.

– Кто нам завидует? – улыбнулся он, легонько ее отстранив – она мешала ему переодеться.

– Не знаю, – пожала плечами Маша и засмеялась. – Пусть все завидуют.

– Пусть, – поцеловал ее муж. – Я тебя тоже очень люблю.

Только проваливаясь в сон, Маша опять вспомнила Тополева, но теперь это ей настроения не испортило. На свете полно дураков, не обращать же на каждого внимание.

Похороны прошли как будто мимо Киры. Утром приехали Маша с Павлом, подождали, пока она оденется, повезли в морг. День выдался безоблачный, и Кира жмурилась, потому что солнце светило прямо в окно машины, а темные очки она взять не догадалась. Не положила в сумку.

Людей у морга было много, к ней подходили, соболезновали, она кивала и удивлялась тому, что чувствует здесь себя посторонней.

Маша отходила, с кем-то разговаривала, Кира начинала искать ее глазами, и Маша подбегала снова. Кира ждала, когда наконец увидит брата и попросит, чтобы он ее простил, но вместо брата среди цветов лежал кто-то другой, похожий на Дениса, но все-таки не он.

И оттого, что ей не у кого было попросить прощения, Кира наконец заплакала и плакала, не переставая, до самого вечера. Она и ночью плакала, вставала, доставала из комода очередной носовой платок, засыпала ненадолго и просыпалась снова.

Утром позвонила заведующая, сказала, что Кире выделили материальную помощь, спросила, когда Кира начнет работать.

– Хоть сейчас, – сказала Кира. Опомнилась, поблагодарила за помощь.

Сидеть одной дома было тошно.

– Ой, как хорошо, Кирочка! – обрадовалась заведующая. – А то девочки совсем замучились, у всех семьи, дети, сама понимаешь.

Кира пообещала приехать как можно быстрее, подкрасила опухшую физиономию и до вечера терпеливо улыбалась клиенткам.

Уходила она, как всегда, последней. Заперла дверь, проверила сигнализацию и, спускаясь с крыльца, не обратила внимания на короткий автомобильный гудок.

– Привет, – выбравшись из машины, преградил ей дорогу Николай.

– Привет, – вздохнула Кира.

– Домой? – Он поправил очки на носу.

– Послушай, – снова вздохнула Кира. – Какая тебе...

– Садись! – Он открыл ей дверь машины.

– Послушай!

– Садись!

Кира подумала и засмеялась, покачав головой.

– Сяду, – пообещала она. – Только сначала скажи мне, какого черта ты...

– Не знаю. – Он взял ее за плечо, легко подтолкнул к машине. – Правда не знаю. Знал бы – сказал.

– Любовь с первого взгляда? – хмыкнула Кира.

– Мне просто захотелось тебя увидеть.

Стоять около машины было глупо, и Кира села в салон.

– Почему тебе захотелось меня увидеть?

Николай покрутил головой, подал машину назад, потом вперед и свернул на улицу.

– Мне тебя жалко.

Это он сказал, когда Кира уже думала, что отвечать он не станет. Впрочем, более идиотские вопросы придумать было трудно. Он сочтет ее умственно отсталой и будет прав.

Конечно, ему ее жалко. Кира бедная, одинокая и несчастная, а бедным и одиноким хорошие люди подают милостыню. Николай очень хороший человек, не иначе. Денег он ей не сует, зато бесплатно возит.

– Похоронила брата?

– Да.

Он свернул в сторону бабушкиного дома, а потом зачем-то прижался к тротуару и остановил машину.

– Может, сходим куда-нибудь? – повернулся он к Кире и опять поправил очки на носу.

– Моя бабушка объясняла брату, что ухаживать за девушками без намерения жениться непорядочно, – вспомнила Кира.

Бабушка формулировала это так – никогда не пудри девчонкам мозги.

– Она была права, – подумав, решил Николай. – А ты хочешь замуж?

– Я хочу найти убийцу Дениски.

Он помолчал и снова предложил:

– Давай поужинаем.

– Не хочу. Давай просто погуляем.

Ей действительно совсем не хотелось есть, хотя за весь день она съела только одну конфету, которую сунула ей Марина.

– Давай, – кивнул Николай.

Снова покрутил головой, тронул машину, свернул налево, потом еще несколько раз куда-то свернул и подъехал к огороженному забором лесному массиву.

– Лосиный Остров, – узнала Кира, оглядываясь.

Рядом с заповедным местом высились новые кирпичные дома. Раньше этих домов здесь не было. Раньше родители привозили их с Денисом сюда на трамвае, они гуляли по лесу, бегали между заросшими камышом прудами. Потом Кира узнала, что то, что она считала камышом, вовсе не камыш, а какая-то другая трава.

Николай уверенно тронулся по дорожке, свернул в лес, подождал, пока она его догонит.

В лесу было тихо и безлюдно, только какая-то женщина попалась им навстречу. Рядом с женщиной семенила огромная собака неизвестной Кире породы.

Лес выглядел ухоженным, даже поваленных деревьев не было, чисто. В свое время родители перестали сюда ездить, потому что место это превратилось в прибежище бомжей, тогда всюду валялись бутылки и мусор.

– Мой брат сбил насмерть беременную женщину, – зачем-то сказала Кира. – Ее брат – мерзкий парень, но я проверила: он работал, когда Дениса убили.

– Менты это тоже наверняка проверят. Или уже проверили. – Николай наклонился, поднял какой-то камушек, рассмотрел, забросил в кусты.

– Почему так происходит?.. – Кира прислушалась, невдалеке зачирикала какая-то птичка, затихла. – Денис был хорошим человеком, я это говорю не потому, что он мой брат. Он был очень хороший, а его нет. А посмотришь по сторонам, есть такие – не поймешь, как земля носит, и с ними все в порядке.

– Ты не на философском факультете училась? – усмехнулся он, но Кира не обиделась. Он над ней не смеялся, она чувствовала.

– Нет. У меня техническое образование, если тебе интересно.

– Мне интересно, – кивнул он. – Мне все про тебя интересно.

– Почему?

– Не знаю. Объяснял же уже.

– Тебе меня жалко, потому что я сирота?

– А ты сирота?

– Да, – улыбнулась Кира.

– Мне тебя жалко просто так. – Он неожиданно остановился, и Кира едва на него не налетела на узкой дорожке. – Потому что ты дурочка.

И снова она не обиделась. Она думала, что Николай ее обнимет, но он зашагал дальше. Жаль. Ей хотелось, чтобы он ее обнял.

– Пойдем назад, – вздохнула Кира. – Скоро стемнеет.

Он послушно повернулся. Теперь Кира шла впереди.

– Я пять лет работал в Калифорнии, – неожиданно сказал Николай. – Знаешь, там другие люди.

– Какие?

– Не такие, как мы. Какие-то ненастоящие. Внешне, во всяком случае. Близко я ни с кем не сходилась.

Кира поняла. В благословенной Америке не бывает несчастных, как Кира.

Там все довольны и счастливы, и это с непривычки утомляет.

– А вернулся почему?

– Чужая страна, – объяснил он.

До машины они дошли молча и потом ехали молча. Кира ждала, что он спросит, когда они снова увидятся, но он не спросил.

Еще ей опять хотелось, чтобы он ее обнял, но он и этого не сделал. Впрочем, этого она не слишком и ждала.

Анатолий Михайлович с самого утра ждал вечера, встречи с Леной. Он занимался своими делами, проводил совещания, но давно забытое чувство радости переполняло. От этого чувства ему хотелось улыбаться, он шутил с подчиненными и радовался неизвестно чему. Это забытое и вновь обретенное чувство означало, что он не один. Он все время с Леной, даже когда ее нет рядом.

Без нее он был один, хотя не догадывался об этом. Он был один, несмотря на жену и дочь. Несмотря на них, он жил в пустоте.

Тогда, несколько лет назад, он тоже жил в пустоте и даже не догадывался об этом. Пустота отступила, когда он вновь встретил Лену после двухмесячного перерыва. Тогда ему тоже сразу захотелось шутить и улыбаться.

– Знаете что, – сказал он, погладив болонку у нее на руках. – Скажите мне свой телефон.

Елена не спросила, зачем ему это нужно, просто продиктовала цифры, и он их запомнил. Он их до сих пор помнил, хотя сразу внес ее номер в электронную память.

– Машины родители опять в командировке? – спросил он тогда.

– Да, – кивнула Лена.

– Они не боятся оставлять дочь так надолго? – Сам он интересовался делами дочери постоянно и считал это нормой.

– Они бы взяли Машу с собой, но это невозможно, – пожалала она плечами. – Ей нужно нормально учиться.

– Но... – не отставал он. – Хотя бы мама могла остаться дома. Поменять работу...

– Им виднее, – опять пожала Елена плечами. Недовольно пожала, хотя он совсем не хотел ее обидеть. – По-моему, я их успешно заменяю. Мы с Машей дружим.

– Не сомневаюсь, – засмеялся он. – Простите, я лезу не в свое дело.

Он уже не помнил, как разговор съехал тогда на вопрос родительской ответственности, помнил только, как Лена сказала:

– Вопрос, иметь или не иметь детей, – самый важный в жизни человека. Самый важный и самый ответственный. Все остальное в жизни можно исправить, все, кроме этого. И это решение нужно принимать взвешенно и осознанно. Ребенка нужно растить и учить четверть века, и к этому нужно быть готовым. Рожать можно ровно столько детей, сколько можешь вырастить. Нормально вырастить, с полноценным образованием. Все-таки мы в двадцать первом веке живем.

Это было удивительно, она выразила его мысли. Как раз тем утром жена, сидя на кухне, рассказывала о какой-то своей знакомой, у которой ужасная, ужасная ситуация. Она не работает, сидит с детьми, а муж получает совсем мало, и им катастрофически не хватает денег. Анатолий Михайлович знал, что у этой знакомой два сына и оба уже школьники, и удивился, почему бы в таком случае матери не пойти работать.

– Ну что ты, Толя, – укоризненно покачала головой жена. – Дети без присмотра – это ужасно.

– Кать, ну а мы-то как росли? – напомнил он.

– Мы росли плохо. Родителям нужно всегда быть рядом с детьми.

– Еще детей нужно накормить, – не сдержался он. – А если не можешь прокормить детей, не рожай.

– Ну почему ты такой жестокий, Толя? – расстроилась жена. Она едва не заплакала, и Анатолий Михайлович пожалел, что ввязался в дурацкий спор.

Лена опустила болонку на асфальт, остановилась.

– Знаете, – признался он тогда Лене, – мне не хочется от вас уходить. Давайте поужинаем как-нибудь. Пофилософствуем, – закончил он шуткой.

Кажется, тогда шел май. Или конец апреля. Стояли первые по-настоящему теплые дни, Лена расстегнула плащик, и ветер трепал

легкий платок у нее на шее. Очень короткие волосы не прикрывали шею, и он видел на ней отрастающие волоски, когда Лена поворачивала голову. Ему захотелось тогда потрогать губами эти волоски, но мысль показалась дикой и даже непристойной.

Анатолий Михайлович посмотрел на часы и решительно поднялся. Рабочий день еще не кончился, но ждать дольше у него не было сил.

Жена позвонила, когда он запирает кабинет.

– Ты можешь разговаривать? – быстро спросила она.

– Могу. – Он положил ключи в карман и кивнул секретарше: я ухожу.

– Данечка заболел.

– Что с ним? – замер Анатолий Михайлович. В груди противно засосало.

– Врач говорит, обычная простуда, а Аля боится, что пропустят воспаление легких.

– Она всегда чего-нибудь боится, – проворчал он и двинулся по коридору к лестнице.

– Это нормально, она мать, – обиделась за дочь жена. – Она волнуется, как всякая нормальная мать.

– Катя, если любому человеку внушать, что он больной, человек заболит. Тем более ребенок. В конце концов добьется своего, вырастит придурка, который будет бояться собственного чиха. Скажи ей, чтобы прекратила паниковать.

– Ты к ним не заедешь? – удивилась жена.

– Не смогу, – твердо сказал он. – Я занят весь вечер. Приду поздно, не жди меня.

Конечно, он понимал, что дочь, как обычно, паникует на ровном месте, и даже догадывался, что в глубине души она сама не верит в тяжелейшие Данилкины болезни, но то, что он сейчас едет к любовнице, а не к больному внуку, здорово подпортило настроение.

– Что-нибудь случилось? – Лена почувствовала, что с ним что-то не так, едва он вошел.

Она смотрела на него с робкой радостью, как будто не могла до конца поверить, что только она одна ему нужна. Она и раньше на него так смотрела, до того как решила, что их долг перед семьями выше всего остального.

– Данилка заболел, – он зарылся лицом ей в волосы.
– Что с ним?
– Ничего. Простудился.
– Толя. – Она отодвинулась, упершись ладонями ему в грудь. – Тебе нужно уехать.
– Мне нужно быть с тобой, – покачал он головой.
Она промолчала и снова его обняла. Больше он о внуке не говорил, но все время о нем думал, и чувствовать себя счастливым у него не получалось.
Через час Лена, бодро улыбаясь, сказала:
– Ты езжай, Толя. Езжай. Данила поправится, и приедешь.
Он не стал сопротивляться. К Лене он сможет приехать, когда захочет, а сейчас нужно успокоить жену и дочь.

23 августа, вторник

Телефонный звонок Кира услышала, выходя из ванной, и успела ответить в последний момент.

Звонили из полиции. Дядька представился, спросил, не сможет ли она приехать в квартиру Дениса.

– Смогу, – пообещала Кира.

Ехать туда, где сутки лежало мертвое тело брата, было страшно, но ведь все равно когда-нибудь придется. А сегодня получалось удачно, сегодня она не работала.

К двери старой родительской квартиры она подошла, когда менты там ее уже ждали. На паркете хорошо виднелись следы крови, Кира старалась туда не смотреть. Она листала альбом с фотографиями, которые зачем-то рассматривал до этого Денис, и односложно отвечала, когда ее о чем-то спрашивали.

Они и в прошлый раз спрашивали о том же самом, но она не возмущалась.

Кира понятия не имела, пропало ли что-нибудь из квартиры. На первый взгляд все было на месте...

Нет, у нее никто не пытался узнать, когда Денис вернулся и где он живет... Кому пытаться-то, если в ее теперешнем окружении никто даже не подозревал о существовании брата?

Нет, никто из знакомых и незнакомых ничего про само убийство не расспрашивал и действиями полиции не интересовался... Рядом с

ней вообще никого из незнакомых не появилось.

Разве что Николай.

Неожиданно Кире стало нехорошо, даже затошнило немного. Наверное, от этого она и сказала:

– Я сама все время думаю, кто убил Дениса. Придумала только, что это мог сделать брат той женщины, которую Денис сбил. Но он этого не делал, он в тот день работал...

«Надя была неплохая девочка», – не вовремя и некстати вспомнились слова учительницы в нелепой шляпе. Кира зло закусила губу, Денис тоже был хорошим мальчиком, просто им обоим не повезло.

Конечно, менты из нее вытащили, как она установила, где находился в момент убийства брат давней жертвы ДТП. Ну и наплевать, Кире скрывать нечего, она абсолютно законопослушна и ничем предосудительным не занимается. Мужчины нудно объясняли, что все ее догадки нужно немедленно сообщать им, и Кира, чтобы прекратить дурацкий разговор, попросила:

– Можно, я возьму альбом?

– Можно, – кивнул мужчина в штатском, он разговаривал меньше всех, и от этого больше всех Кире нравился. Наверное, он был у них главный, потому что остальные не возразили.

Еще они показали ей видео с камеры наблюдения, висевшей над дверью подъезда. На видео скрытая зонтом женщина входила в подъезд, а потом выходила. Женщину за зонтом было почти не видно, Кира не смогла бы узнать даже саму себя.

Снова домой она попала только через несколько часов. И снова вернулось ощущение, что время уходит, а она даже не пытается отомстить за Дениса.

Версию с братом Федосеевым проверят, в этом она не сомневалась. В городок ей соваться больше незачем. Неожиданно она пожалела, что не оставила старой учительнице своего телефона. Женщина могла вспомнить или узнать что-то нужное, а обратной связи нет. Что такое нужное могла вспомнить дама в шляпе, Кира не представляла, просто ее с детства приучали делать любое дело добросовестно.

«Делать нужно либо хорошо, либо никак, – учила бабушка. – Нет ничего противнее халтуры».

Голова сделалась тяжелой, потянуло в сон, но Кира себя пересилила. Поднялась с дивана, надела джинсы и хлопковую блузку, застегнула босоножки и поехала на вокзал.

Она сто лет не ездила на электричках. Нет, не сто лет, ровно четыре года. С тех пор как брат попал в когорту уголовников, она ни разу не была за городом. Она и раньше предпочитала ездить на дачу с родителями на машине, но иногда приходилось добираться и на электричке. Кстати, сидеть в вагоне у окошка Кире нравилось больше, чем маяться в пробках.

Они с Денисом оба любили дачу, знали всех соседей, и отвечать на их расспросы о брате у Киры не было никакого желания.

Ей повезло, она вошла в вагон одной из первых, села у окна, понимая, что тратит время зря.

Как Кира и предполагала, ничего путного из ее внезапной поездки не вышло. Она долго плутала, пытаясь найти дом, к которому Маша недавно так быстро ее вывела. Наконец нашла, но теперь не знала, как найти учительницу, и долго болталась вдоль дома по тенистой дорожке. Она уже собиралась тронуться в обратный путь, когда дама вышла из подъезда. Сегодня на женщине шляпы не было, и она быстро пошла в противоположную от Киры сторону.

– Здравствуйте, – догнала ее Кира, благодаря Господа за то, что не упустила учительницу. – Мы с вами разговаривали в субботу...

– Помню, – остановилась она, ласково улыбнулась Кире, и Кира сразу перестала жалеть потраченного времени.

– Можно я оставлю вам свой телефон? – попросила Кира. – Меня Кира зовут.

Женщина глупой и неожиданной просьбе не удивилась, только внимательно посмотрела на Киру.

– Вы приезжали с подругой? – Дама отчего-то вздохнула и тронулась дальше. Кира пошла рядом.

– Да.

– Я почему-то все эти дни о вас думала, – призналась женщина. – О вас с подругой. Мне кажется, что вы очень близки, я даже решила, что вы сестры.

Кира и Маша давно не были близки, но уточнять этого Кира не стала.

– Это счастье, когда у человека есть друзья, только понимать это начинаешь не сразу. – Женщина вздохнула. – Вот Нади не стало, и никто о ней даже не вспоминает. Повздыхали, и все.

Если никто не вспоминает при учительнице, не значит, что не вспоминает вовсе, но Кира опять промолчала.

– Я вчера встретила одну свою ученицу. Постояли, поговорили. У нее уже трое детей, время быстро бежит. Она с Надей дружила. Хочешь, дам тебе ее телефон? Ее Лиза зовут.

– Спасибо, – кивнула Кира, жалея, что притащилась в этот городок. Глупая затея, недаром Маша не хотела сюда ехать, хоть этого и не говорила.

Плохой из Киры следователь. О чем она станет беседовать с Лизой, у которой уже трое детей? О том, какая Надя была хорошая и какой Дениска плохой?

Учительница продиктовала номер мобильного и пояснила:

– Стараюсь запоминать цифры. Память нужно и молодым тренировать, а старым тем более.

Кира на собственную память не надеялась и вписала номер в электронную память сотового телефона.

Женщина задумалась и напоследок сказала:

– Я в воскресенье к мужу на могилу ходила, ну и к Федосеевым зашла. На их могиле цветы лежали, засохшие. Розы. Кроме меня, им никто цветов никогда не носил...

– А перед этим когда вы были на кладбище?

– Сразу после Пасхи.

Денис?

Не успев выйти из тюрьмы, понес цветы на могилу погибшей Нади?

На обратном пути Кира опять сидела у окна, смотрела на мелькающие платформы и заставляла себя верить, что найдет убийцу. Это будет трудно, но она найдет.

Она не догадывалась, что убийца совсем рядом.

Конечно, Аля подняла панику зря, и уже вчера к вечеру у Данилки температуры не было. Особенность дочери немедленно ставить тяжелейшие диагнозы Анатолия Михайловича выводила из себя, и вчера он в очередной раз попытался вправить ей мозги. Разговаривали они тихо, стоя около входной двери, Анатолий Михайлович уже

собирался уходить от дочери. Костя в это время укладывал ребенка, читал ему книжку.

– Послушай, – шипел Анатолий Михайлович, – чтобы поставить сложный диагноз, нужно иметь такой же уровень профессионализма, как... Ну не знаю... Реактивный самолет сконструировать. Ты же понимаешь, что самолета не сделаешь! Почему ты ставишь диагнозы? Да еще ребенку! Для этого нужно десять лет учиться и потом всю жизнь работать!

– А что я должна думать? – чуть не плакала Аля. – Ребенок хрипит! Что я должна думать?!

Он только махнул рукой и тихо прикрыл за собой дверь. Убеждать было бесполезно. Дочь повторяла свою мать. Жена тоже впадала в панику при малейшем недомогании кого-то из семьи. Правда, он знал цену этой панике, потому что помнил, как она спала, когда он сидел у детской кровати.

Решив не ждать лифта, Анатолий Михайлович спускался по лестнице от квартиры дочери, вспоминал несчастные Ленины глаза, когда она, через силу улыбаясь, провожала его в прихожей, и злился на дочь, и на себя, и даже на жену, которая уж вовсе была ни в чем не виновата. Он подумал, не поехать ли к Лене снова, но делать этого не стал. Он был виноват перед женой, и ему хотелось хоть как-то загладить вину.

Ночь он проспал, как младенец, проснулся свежим и бодрым за минуту до будильника.

Жена спала. Он, стараясь ее не разбудить, принял душ, сварил яйца, с удовольствием их съел.

День опять обещал быть жарким. Жару Анатолий Михайлович и любил, и не любил. За городом с удовольствием ходил голый по пояс, а в Москве предпочитал прохладу. На работе под кондиционером хорошо в любую погоду, а потеть на улице или в метро ему никакого удовольствия не доставляло.

«Поеду на машине», – решил Анатолий Михайлович.

На улице было хорошо. На начинающей краснеть рябине он заметил неизвестную птичку. Птичка была размером с воробья, но с синей грудкой, забавно скакала с ветки на ветку. Наверное, экология в городе действительно стала лучше, если здесь начали появляться новые птицы.

– Привет, Михалыч! – услышал Анатолий Михайлович за своей спиной.

– Привет! – заулыбался он, поворачиваясь к соседу.

Сосед ему нравился. Вообще-то он с людьми сходилась плохо и неохотно, но с Виктором Семеновичем почти дружил.

Сосед переехал в их дом лет двадцать назад. Он, бывший инженер, организовал тогда свою фирму, собирал какие-то детали для авиационной промышленности. Собирал, конечно, не у себя на коленке, создал нечто вроде крохотного заводика. В то время дела у Виктора шли отлично, он покупал то ли в Китае, то ли в Корее комплектующие и, используя имеющиеся связи, успешно поставлял продукцию на отечественный рынок. Связи у него были, в авиационной промышленности он проработал всю жизнь.

Бизнес у соседа процветал, но Анатолий Михайлович еще тогда советовал ему переключиться на что-нибудь другое, поскольку государство, набирая силу после разрухи девяностых, обязательно должно было авиационную отрасль прибрать к рукам. Кстати, Анатолий Михайлович считал это абсолютно правильным. Частники должны кофточки шить, а не самолеты делать. Он не ошибся, несколько лет назад фирма Виктора лопнула, потому что подобная продукция начала производиться на восстановленных заводах, и конкурировать с ними было совершенно невозможно.

Нового бизнеса сосед не создал, сдавал приобретенную в сытные годы запасную квартиру, таксовал, чинил соседям электронику, поскольку инженером был отличным. Жена часто использовала его в качестве таксиста. Брал Виктор недорого и работу эту делал охотно, скорее чтобы чем-нибудь себя занять, чем ради заработка.

– Как жалко парня! – посокрушался Виктор, здороваясь за руку с Анатолием Михайловичем.

– Какого парня? – не понял Анатолий Михайлович.

– Да Дениску вашего. Я Алю в воскресенье на похороны возил. Ты не знаешь, что ли?

Это неприятно удивило. Анатолию Михайловичу и в голову не пришло, что дочь поедет с соседом, а не возьмет такси. Аля с каждым годом все больше напоминала мать, та тоже предпочитала использовать соседа без крайней необходимости, заставляя его часами ждать возле какой-нибудь парикмахерской.

– Несчастный парень! Я ведь его недавно видел, когда он к вам приходил...

– К нам? – поразился Анатолий Михайлович.

– Ну да! Я с машиной возился, а он как раз к вашему подъезду шел. Я его сразу узнал, и он меня узнал. Поговорили. Я ведь их с Алей раньше много раз с вечеринок увозил. Как внучок-то?

– Нормально, – кивнул Анатолий Михайлович и спохватился: – Вернуться надо, забыл кое-что.

Возвращаться ему было некогда, он всегда приходил на работу строго к девяти, подавая пример подчиненным, но сейчас было не до работы.

– Катя! – отпирая дверь, крикнул он. – Катя!

– Что, Толенька?

Жена уже встала, выглянула из ванной.

– Забыл что-нибудь?

– Почему ты мне не сказала, что Денис к нам приходил?

– Но... – Она растерялась, замялась. – Разве это так важно?

– Мальчика убили, – напомнил Анатолий Михайлович.

Он не понял, почему у него вырвалось про мальчика. Когда Денис был потенциальным зятем, он его мальчиком не считал. Он считал его вполне взрослым и не хотел видеть мужем дочери. Кстати, жене Денис тоже не нравился, ей гораздо больше, чем Анатолию Михайловичу, хотелось видеть Алю обеспеченной дамой.

«Уж не под Катиным ли влиянием я всеми силами расстраивал их женитьбу?» – неожиданно подумал он. Мысль была неприятной, отвратительной, он давно считал себя человеком, не поддающимся никакому влиянию.

Неожиданно вспомнилось, как совсем давно он возил маленькую Алю с подругами в бассейн. Девочки учились тогда классе в третьем. Родители по очереди возили всю компанию, и однажды ехать с детьми пришлось ему. То ли маленький Денис только в тот раз ехал вместе с сестрой, то ли так было все время, Анатолий Михайлович не помнил. Мальчик ему тогда понравился, он все время читал, уткнувшись в книжку, а усадить за книгу Алю было большой проблемой.

– Господи, ну при чем тут это!

– Зачем он приходил?

– Узнать Алин адрес, – удивленным тоном ответила жена.

– Ты сказала?

– Конечно, нет. Толенька, он был у меня всего пять минут. Я сказала, что у Али давно своя жизнь, и попросила его оставить ее в покое. Вот и все! Почему тебя это так разволновало?

Анатолий Михайлович и сам не понимал, почему его это так разволновало. Наверное, потому что Дениса вскоре убили.

– Ну ладно, Кать, я пошел.

Он поцеловал жену в лоб и заставил себя переключиться на рабочие дела.

Ночь Данечка проспал спокойно, утром проснулся веселый, и Аля понемногу тоже начала успокаиваться. Кроме Кости, ее никто не понимал. Она мать, естественно, что она волнуется, когда ребенок болеет.

– Если что, звони немедленно, – предупредил Костя.

Под «если что» понималось, если поднимется температура или просто ребенок опять захандрит.

– Обязательно, – пообещала Аля, обнимая мужа.

Леся опять опаздывала. Аля приказала себе не раздражаться, но раздражение подступало. Сегодня раздражало все, даже малыш. Аля поиграла с ним в кубики, потом усадила смотреть мультфильм, чтобы хоть немного побыть наедине со своими мыслями.

Наконец явилась няня, и Аля смогла сделать то, что собиралась сделать еще вчера, – поговорить с Юлькой.

С Юлей Але по-настоящему повезло. Год назад бывшая однокурсница попросила Алю трудоустроить ее через папу. Разговаривала с подругой Аля при Косте, та позвонила вечером. Вообще-то могла и днем позвонить, знает же, что у Али маленький ребенок.

Костя, услышав разговор, подругой заинтересовался. Он в то время подыскивал себе секретаря, и Юлька хорошо подходила на эту роль. Во-первых, Костя никогда не брал людей со стороны, предпочитал хотя бы косвенно знакомых. Во-вторых, подруга была не замужем, у нее не было даже постоянного парня, это Аля мужу сразу рассказала, и вероятность, что Юля в ближайшее время уйдет в декрет, была небольшой. Конечно, тут никто гарантий дать не может, но все-таки. А в-третьих, сама Юля искала работу именно секретаря и не

собиралась прыгать из секретарей на нормальные должности. Ну и правильно, училась подруга плохо, но в отличие от многих квалификацию свою оценивала верно, иллюзий не строила.

В общем, Юля попала к Косте в секретари, и это оказалось огромной удачей для Али. Сначала Аля немного волновалась, хотя особых причин для этого не было. Красавицей Юлька не была, до Али ей далеко, но то, что муж целые дни станет проводить рядом с какой-то бабой, Алю радовать не могло. Обошлось, Костя о секретарше говорил с юмором и с легкой досадой, потому что подруга как была дурой, так ею и осталась, и ни о какой привязанности речи не шло.

– Леся! – крикнула Аля. – Я уйду ненадолго.

– Гулять не ходит сегодня? – Няня опять заглянула в ее комнату без стука. Аля поморщилась.

– Ну конечно, нет! Вчера была такая температура, ты что, не соображаешь?

Все-таки перехваливает она няню. Тащить больного ребенка на улицу – это просто в голове не укладывается!

Аля подумала и надела синее платье без рукавов. Платье ей очень шло и вообще приносило удачу. Она купила его в Португалии два года назад. Они тогда впервые поехали отдыхать вдвоем с Костей, оставив Данилку маме, и отдых получился отличным. Костя был ласковым и заботливым, и Аля таяла от любви и нежности к нему.

Он предал их любовь и нежность, но Аля все стерпит, потому что остаться без него – самое страшное, что только можно представить. Быть брошенной женой и знать, что он дарит любовь и заботу другой? Ни за что!

Чтобы все ее жалели? Чтобы у Машки был любящий муж, а у Али никакого? Она этого не переживет!

Наверное, если бы рядом был человек, безумно ее любивший, ей было бы легче. Но такого человека рядом с Алей нет. Ей светило только одиночество.

Впрочем, и любящий человек едва ли помог бы. Временами Аля мужа ненавидела, но на самом деле очень его любила и знала это.

Дениса она никогда так не любила. И вообще, думать о Денисе было глупо, она никогда не связала бы судьбу с уголовником.

Аля надевала на руки браслеты, когда позвонил папа.

– Ты виделась с Денисом? – с ходу спросил он.

– Когда? – Аля не столько опешила, сколько попыталась потянуть время.

– После его возвращения!

– Нет, – удивилась она. – А почему ты спрашиваешь?

Отец задыхался в трубку, и Аля поняла, что он ей не верит. Папа был единственный, кто понимал, когда она говорит неправду.

– Я думаю, нужно сделать анализ крови, – быстро сказала Аля и удивилась, что не додумалась до этого раньше.

– Что?

– Даниле нужно сделать анализ крови.

– Зачем?

– Папа! – Она ахнула. – У ребенка была температура под сорок! Нужно же знать причину!

– Кончай! Дети болеют, и это нормально.

Папа говорил привычные вещи, но она чувствовала – он забеспокоился. Она умела правильно с ним разговаривать и уводить разговор от ненужных вопросов.

Попрощавшись с отцом, Аля позвонила Юле. Встретиться договорились в кафе возле метро, недалеко от Костиной работы. Как обычно.

Аля опоздала минут на пятнадцать. Могла и вовремя приехать, но Юльке полезно понервничать. Подруга боялась опоздать с обеда, Алю это забавляло.

– Что нового? – Аля спросила как бы между прочим, но подруга отлично ее поняла.

– Аля, я уверена, там ничего серьезного нет, – как обычно, начала Юлька. – Я ни разу не видела, чтобы они вечером уходили вместе. В обед прогуливаются, и все. Аленька, ты зря...

– Я знаю, что ничего серьезного нет! – перебила Аля.

Она знала другое, «там» все очень серьезно. Костя временами словно переставал быть с ней рядом, хотя сидел тут же, на диване. Он перемещался куда-то далеко, и еле заметно улыбался, и переставал слушать, что ему говорит Аля. И вид у него становился отрешенный и счастливый, он никогда не был таким с Алей. Раньше она думала, что Костя на такое просто не способен. Он был слишком рациональным и слишком выдержанным, и Але это нравилось. Ей казалось, что это

гарантирует стабильность, а выяснилось, что она была просто наивной дурой.

Тогда, три месяца назад, увидев Костю с незнакомой девкой, Аля позвонила Юльке не сразу, только на следующий день. Тогда же они и присмотрели это кафе.

– Что нового? – впервые равнодушно спросила тогда Аля, пробуя мороженое с каким-то вареньем.

Юлька тогда что-то заговорила про свою маму. Вот дура-то! Какое Але дело до ее мамы?

Аля покивала, посочувствовала и спросила, легко улыбнувшись:

– У Кости появилась новая коллега?

– Н-не знаю... – опешила Юлька и тут же догадалась: Аля по лицу увидела.

– Что за девка лезет к моему мужу? – все так же улыбаясь, уточнила Аля. – И почему я ничего об этом не знаю?

Тогда она и объяснила Юле, что и ее работа, между прочим, неплохо оплачиваемая, и работа самого Кости зависят от Алиного папы, и злить Алю опасно.

Теперь она знала про Костину девку все. Аля так и звала ее – Девка.

Девка работала не в Костином отделении, в соседнем, и по работе встречалась с Костей только на совещаниях. Девка была приезжей, снимала квартиру и из кожи вон лезла, чтобы сделать карьеру. Не замужем и вроде бы даже парня постоянного не имеет. Это Юля от Девкиных подружек узнала. Да и когда ей парня иметь, если торчит на работе с утра до вечера?

«О, господи, – подумала тогда Аля. – Да зачем ей размениваться на каких-то парней? Она ухватила кусок пожирнее – Костю».

Дружба Девки с Костей началась незадолго до того, как Аля их увидела. Сначала изредка обедали вместе, потом чаще, потом ежедневно. Но ничего сверх ежедневных обедов за парочкой никто не заметил. С работы уходили врозь, и в отпуск Девка летом поехала одна.

Это хорошо, что никто лишнего не замечал, Але сплетни не нужны. Только она одна знала, что по вечерам Костя Девку навещает, и часто. О том, когда муж уходит с работы, Юля сообщала постоянно.

– Костя вчера уехал рано, – рассказывала Юля.

– Знаю, – перебила Аля. – Данилка заболел. Костя весь вечер его на руках носил.

– Что с ним? – посочувствовала Юля.

– Простудился.

Аля посмотрела на недоеденное пирожное на своей тарелке, решила не доедать. Это Кира тощая как палка, ей можно одним шоколадом питаться, а у Али тело в полном порядке, ей ни убавлять веса не надо, ни прибавлять. Аля за фигурой следила.

Подозвала официанта, расплатилась и за себя, и за Юлю. Все правильно, она богаче, ей и платить. Она почти что Юлькина хозяйка, а платят всегда хозяева.

Ничего нового встреча не дала, но Аля потерянного времени не жалела. Во-первых, его все равно девать некуда, время, а во-вторых, отсутствие новостей – самая лучшая новость. Гораздо хуже было бы услышать, что Девка беременна и уже разнесла эту новость по подружкам.

24 августа, среда

Клиентки приходили, Кира улыбалась, предлагала кофе. Потом хвалила прически и ухоженные пальцы и снова улыбалась, прощаясь.

В то, что брат, не успев отбыть наказание, бросился искать могилу сбитой им девушки, верилось с трудом. Хотя... В то, что ему плевать на убитую и он хотел поскорее забыть о ней навсегда, верилось еще меньше.

К обеду Кира решила, что Денис мог отнести цветы Надежде Федосеевой. Правда, в этом случае непонятно было, как он нашел могилу. Впрочем, если это смогла бы сделать Кира – достаточно спросить у соседки-учительницы, то и для Дениса поиски не составили бы труда. Брат был не глупее ее. Он был умнее.

Захотелось хоть с кем-нибудь посоветоваться. Даже не посоветоваться, просто поговорить, высказать мысли вслух. Кира проводила очередную клиентку и решила позвонить Маше.

Учительница решила, что Кира с Машей очень близки. Глупость, они и в детстве без конца ссорились. Машка всегда старалась всех примирить, со всеми дружить, а Кира даже тогда понимала, что, если человек не нравится, незачем на него время тратить. Если с каждой дурой дружить, сама дурой станешь.

Просто сейчас у Киры никого ближе Маши нет, вот она и потянулась к телефону. Номер набрать не успела – подруга позвонила сама.

– Ты на работе? – спросила Маша.

– Да, – буркнула Кира. – Я же говорила, что работаю через день.

– Я вечером перезвоню, ладно?

– Не надо, говори сейчас, – Кира откинулась в удобном кресле.

Заведующая старалась заботиться о подчиненных. Кресло купила специально для девушек на ресепшен, переживала, что им тяжело целый день сидеть на неудобных стульях. А может быть, просто строила из себя добренькую.

– Кира, ты не помнишь, Денис перед аварией ничего не говорил о проблемах на кафедре?

– На кафедре? – переспросила Кира.

Денис тогда поссорился с Алькой, ходил хмурый, по вечерам запирался у себя в комнате. Родители и она сама у брата ничего не спрашивали, в семье было не принято лезть с пустыми вопросами. Если кто-то хочет что-то сказать, сам скажет. Но не заметить, что Денис все вечера проводит дома, было просто невозможно.

– Он тогда с Алькой поссорился. Из-за этой стервы и в аварию попал, – в сердцах сказала Кира. – Вывела его из терпения, гадина. Он же всегда аккуратно ездил, ты вспомни.

– Помню. А про кафедру он ничего не говорил?

– Говорил, – неожиданно вспомнила Кира. Странно, что не вспомнила этого, когда разговаривала с Тополевым.

Пожалуй, это было еще до ссоры с Алей. Брат спорил с папой на кухне, и речь шла о каких-то махинациях на кафедре. Брат кипятился, папа его успокаивал.

– Что-то там с деньгами крутили.

– Что крутили?

– Не помню.

– Я разговаривала с Тополевым, он сказал, что на кафедре был гадюшник.

– Я тоже с ним разговаривала. Где его нет, гадюшника? Маш, я хочу найти убийцу Дениса. Кафедра – это пустое. Гадюшник везде, и деньги крутят везде. – В дверь позвонили, Кира торопливо нажала

кнопку электронного замка и заулыбалась вошедшей даме. – Слушай, я тебе перезвоню.

Она не успела рассказать Маше, как опять ездила в проклятый городок. От этого сделалось грустно. Впрочем, ей и без того было невесело.

Еще грустнее стало, когда она заперла дверь салона и ей никто не посигналил. Кира не хотела этого делать, но все-таки поозиралась по сторонам – машины Николая не было. Ну и черт с ним! Она же не наивная дурочка, чтобы надеяться, что встретила свою судьбу. Судьбу случайно не встречают, за ней долго и упорно охотятся и потом вцепляются в нее изо всех сил, чтобы не упустить.

Кира спустилась в метро, доехала в полупустом вагоне – поздно уже, основная масса пассажиров давно дома. На улицах тоже народу было немного, хотя вечер выдался чудесный, тихий. Наверное, один из последних теплых вечеров в этом году.

Она помялась у входа в супермаркет и пошла дальше. Купить продуктов не мешало бы, но лень она не пересилила. Кое-что в холодильнике еще оставалось, а много ей одной не надо.

Она шла медленно и с тоской понимала, что случайно вырвавшиеся слова о том, что во всех ее несчастьях виновата Аля, не просто слова, а твердая внутренняя уверенность. Ей даже внезапно стало холодно теплым августовским вечером.

Кира остановилась, заметила лавочку у чужого подъезда, села и достала телефон. Смотреть карту на маленьком экране было неудобно, но она терпеливо двигала пальцем по сенсорному экрану и чувствовала, как начинает стучать в висках.

Денис не случайно попал в подмосковный городок четыре года назад. Оттуда недалеко до Алькиной дачи. Кира слишком долго ненавидела брата, обвиняла его и жалела себя, поэтому и не замечала очевидного. Она в последний раз взглянула на карту и сунула телефон в сумку.

Денис много раз ездил с Кирой к Альке на дачу. Кира тогда втайне завидовала подруге, такой громадный дом, как у Анатолия Михайловича, их с Денисом родителям никогда не построить. Дача находилась как раз посередине между двумя трассами – той, где произошло тогда ДТП, и той, по которой Денис обычно ездил.

Подошла женщина с двумя большими пластиковыми пакетами, поставила пакеты на лавку рядом с Кирой, принялась рыться в сумке. Кира торопливо поднялась, отошла в сторонку, снова достала телефон.

Звонить пришлось долго, Кира уже решила, что бывшая подруга совсем не ответит, и даже удивилась, когда услышала:

– Алло.

– Что ты сказала тогда Денису? – прошипела Кира. Ей хотелось закричать, но рядом шли люди.

– Что? – напряженно удивилась трубка и ласково сказала куда-то в сторону: – Это Кира, Костенька.

Послышался шум, шорох, что-то произнес детский голосок, и в наступившей почти сразу тишине Аля тихо и медленно спросила:

– Что я сказала Денису?

«Наверняка закрылась где-нибудь в комнате, чтобы муж не слышал», – зло подумала Кира.

– Что ты сказала Денису, отчего он попал в аварию? – медленно повторила Кира.

– Кирочка, с тобой все в порядке? – озабоченно спросила Аля.

– Нет! – рявкнула Кира. Мимо прошла пожилая пара, Кира посторонилась, пропустила. – Со мной не все в порядке! У меня брата убили! Из-за тебя!

– Ты что, взбесилась? При чем тут я? Мы с Денисом расстались еще до аварии! – Подруга шипела тихо, явно не хотела, чтобы муж услышал.

– Я знаю, что он с тобой встречался недавно! – отчеканила Кира. – Я все знаю, ясно тебе?

– Я не видела Дениса уже четыре года, – медленно и четко произнесла трубка. – И не звони мне больше!

Послышались короткие гудки, Кира швырнула телефон в сумку.

Врет Алька. Точно врет, только непонятно зачем.

Денис пытался узнать ее адрес. Наверняка узнал, брат отличался настойчивостью.

Внезапно навалилась усталость, тяжелая, обморочная. Захотелось опять сесть на лавочку, но Кира себя пересилила, поплелась к дому.

Она уже подходила к подъезду, когда послышался короткий автомобильный гудок. Ей сигналить никто не мог, и Кира не отреагировала.

– Привет! – неожиданно возник перед ней Николай.

– Привет, – остановилась Кира. – Соскучился?

– Захотел тебя увидеть, – кивнул он.

Она сильно огорчилась, не увидев его у салона, а сейчас не обрадовалась. Сейчас ей хотелось домой. В ванну, а потом спать. Хорошо, что она работает через день и завтра выходной.

– Я сегодня работал на другой территории. Не успевал к салону.

– А...

– Пойдем в ресторан!

– Не хочу.

Он замолчал и даже на нее не смотрел, но сонливость отчего-то прошла. Хорошо, что он молчал, Кире хотелось просто постоять рядом с ним. Рядом с ним она как будто отключилась от злого голоса Али и ото всего злого и враждебного мира, перенеслась в другой мир, где никто никого не убивает и не предает и никто никогда ее не обидит и не скажет, чтобы она больше не звонила.

– Кира...

– Что?

Он вздохнул и тронул ее за плечо.

– Давай поужинаем.

– Зачем ты приехал? – Она посмотрела в сторону – с корявой яблони, растущей у подъезда, упало яблоко.

Яблоня плодоносила каждый год. Бабушка не разрешала подбирать яблоки, они наверняка содержали массу вредных веществ, как и все городские растения. Но маленькая Кира однажды, когда никто не видел, упавшее яблоко съела, оно было очень вкусным, вкуснее, чем из магазина.

– Захотелось.

Он отдернул руку, а потом снова взял ее за плечо, но по-другому, крепко.

– Мне тебя очень жалко, но ты не обижайся. Это я... по-хорошему.

Понять, что он хотел сказать, было трудно, но Кира поняла и вздохнула.

– Пойдем ко мне.

Она сделала два шага в сторону, подняла упавшее яблоко и протерла его пальцами.

Николай яблоко у нее отнял и бросил в сторону.

– Городские фрукты не едят. Я куплю тебе яблоки, – пообещал он.

Кира улыбнулась, ничего не сказала, затыкала в кнопки домофона. Ей хорошо рядом с ним, а человеку свойственно хотеть хорошего. О том, что он появился в ее жизни странно и совершенно неожиданно и это может быть связано со смертью Дениса, она забыла.

25 августа, четверг

Маша старалась не помнить о том неприятном, что услышала от Тополева, но не помнить не получалось. Она привыкла считать Павла честным и умным, и слышать о нем гадости было противно и больно.

– Паш, – все-таки не выдержала Маша. – Что у вас произошло на кафедре перед тем, как ты уволился?

– В каком смысле? – не понял Павел, с удивлением подняв на нее глаза. Он отложил планшет, в котором что-то смотрел до этого.

– Ну... там были какие-то неприятности. Кира вспомнила, что Денис об этом что-то говорил, – постаралась выкрутиться она. Рассказывать о том, что она звонила Тополеву, Маша почему-то не рискнула.

– У меня не было никаких неприятностей, – улыбнулся муж.

– А у других? – не отставала Маша.

Он вздохнул и с любопытством на нее посмотрел:

– Маш, ну пилили там деньги. Это давняя история, я даже вспоминать не хочу. Меня это не касалось и не касается.

– А Дениса касалось?

– Нет. Это был не наш уровень. Да какое это теперь имеет значение? – Он допил кофе, встал, сполоснул чашку, аккуратно поставил ее на полку.

– Паша, – замялась Маша. – Дениса могли убить из-за этого?

– О, господи! – опешил он. – Из-за чего – этого? На кафедре случилась неприятная история. Таких историй в любой конторе сотни. Это обычное дело, понимаешь? Там же не тоннами долларовые купюры воровали. Так... миллиончик-другой. Тогда даже до суда не дошло. Кого-то уволили, кто-то сам уволился. Вот и все!

– Кого уволили? – нужно было прекращать, но ее словно тянули за язык.

– Не помню! – Павел поморщился, а Маша поняла, что он соврал.

Раньше он никогда ей не врал. Впрочем, она просто могла не замечать.

Павел вышел из кухни, в ванной зашумела вода. Через несколько минут муж появился уже в легком деловом костюме, наклонился, поцеловал ее в голову.

– Я пошел. Не бери в голову всякую дурь. Дениса не могли убить из-за той истории. Его та история не касалась, так же как и меня. А что, Кира опять пытается играть в следователя, а ты ей помогаешь?

– Нет, – покачала головой Маша. – Конечно, она хочет знать, почему Дениса убили, и я хочу, но в следователя никто не играет.

Они начали друг другу врать, и это ужасно.

– Дениса убили, потому что он попал в уголовную среду.

Павел снова ее поцеловал, Маша потянулась, обняла его за шею.

– Отдыхай и не думай о глупостях.

– Ладно.

Хлопнула дверь. Она еще посидела, поднялась, прошла по квартире. Посмотрела на часы – звонить Кире не рискнула, Кира любила поспать. Вчера подруга работала, значит, сегодня у нее выходной. Впрочем, это раньше Кира любила поспать, что нравилось Кире сейчас, Маша не представляла.

Послониалась по квартире и подошла к телефону. Номер Светы, с которой она разговаривала, когда вместо Киры сообщала о похоронах бывшим институтским коллегам Дениса, в записной книжке сохранился, хотя, как выглядит эта Света, Маша не представляла. На похоронах было много женщин, а спросить, кто из них Света, ей не пришлось в голову.

– Здравствуйте, это Маша, я жена Павла Прохорова, – быстро сказала Маша, когда ей ответил женский голос.

– Здравствуйте. Я вас узнала, – ласково ответила женщина. – И на похоронах к вам подходила. До чего же вашу подругу жалко!..

– Извините... – перебила Маша. – Я понимаю, это все было очень давно, но вы не могли бы мне рассказать, что случилось на кафедре перед тем, как Денис попал в аварию. Кире важно узнать, что случилось с братом, понимаете? Кира – это сестра Дениса. Он всегда так аккуратно ездил...

– В каком смысле – случилось? – удивилась женщина.

– Ну... кого-то тогда уволили.

– А... – догадалась трубка. – Та история с деньгами... Денис не имел к этому отношения. Тогда начальство потрепали.

– И все-таки, – не отставала Маша. – Уделите мне минут двадцать. Пожалуйста.

– Мне сейчас неудобно разговаривать, – призналась Света. – Еду к родственнице в больницу.

– Не обязательно сейчас. Когда сможете.

Света пообещала перезвонить, когда освободится. Маша, не выпуская телефон из рук, опять принялась бродить по квартире.

Перед аварией Павел почти перестал бывать у Дениса, вспомнила Маша. Даже не почти, совсем перестал бывать. У Кириного брата вечно собиралась какая-то компания. Тихие уютные посиделки. Иногда с вином, иногда совсем без спиртного.

Павел посиделок не любил, приходил к Денису поговорить о делах. Денис помогал ему с диссертацией.

Написал диссертацию, и помощь стала не нужна. К тому же Павел все время проводил с Машей, а вдвоем им было лучше, чем в любой компании.

Они исходили тогда весь город. Павел брал ее за руку, и на свете не было человека счастливее Маши.

Сейчас тоже не было человека счастливее Маши. Она выяснит, почему Тополев так ненавидит ее мужа, и забудет навсегда и о Тополеве, и о каких-то деньгах, из-за которых трепали начальство.

Кира лежала, плакала и не могла остановиться. Это было глупо и даже нехорошо, потому что плакала она не по Денису, а непонятно по кому. Наверное, по себе самой. Нужно было встать, взять носовой платок, но встать она боялась, потому что рядом спал Коля, а будить его Кире не хотелось. Ей хотелось, чтобы он не видел слез, сцена получалась очень уж пошлая.

Она отогнула край простыни и промокнула глаза, а потом промокнула нос.

Она должна казаться себе счастливой, а казалась несчастной. Если ей сегодня предстоит умереть, самое хорошее, что она сможет вспомнить на том свете, это сегодняшнюю ночь. Не вспоминать же парня, который ее бросил, когда узнал, что у Киры брат уголовник. И родителей с бабушкой и братом вспоминать не хочется, потому что

детство было у всех, а ничего хорошего в последующей жизни Кира не видела.

Все хорошее кончилось, когда Денис нарушил правила.

Кира скосила глаза на Николая и только тогда заметила, что он тоже на нее смотрит. Он смотрел и улыбался, и Кира непроизвольно улыбнулась тоже. Без очков он казался незнакомым, но таким родным, что у нее сжалось сердце.

Захотелось поцеловать его в не закрытые стеклами глаза, но она этого не сделала, конечно. Она села на постели, повернулась к нему спиной, накинула махровый халат. Халат она купила год назад неизвестно зачем и до сих пор ни разу им не пользовалась, он так и висел в ванной. Однажды Кира его даже выстирала и снова повесила на крючок.

– На работу? – равнодушно спросила она, не поворачиваясь.

Он не ответил, поймал ее за руку, поцеловал пальцы.

– У тебя сегодня выходной?

– Да. – Кира не выдержала и погладила его по щеке.

– Тогда и я никуда не пойду, – решил он, вставая.

– А так можно?

– Можно. – Коля пожал плечами, притянул ее за плечи и заглянул в глаза.

Он хотел что-то сказать, но не сказал, только погладил ее по волосам и отпустил.

Он хотел сказать, что ему с ней хорошо, догадалась Кира. То есть это она и без слов знала, не идиотка же. Впрочем, могла и ошибиться, большого опыта у нее не было.

– Тебе было со мной хорошо? – жалко спросила она, отворачиваясь. Нельзя было это спрашивать. Вечно она делает то, чего делать нельзя.

Он вздохнул, снова прижал ее к груди, снова погладил по волосам.

– Я тебя не отпущу.

– В каком смысле? – не поняла Кира.

Действительно не поняла, вывернулась из его рук и заглянула ему в лицо. Очки он уже успел нацепить.

– Во всех, – вздохнул он.

Она не права, самое лучшее в ее жизни – эти слова. Они даже лучше ночи.

Если она умрет, она будет вспоминать именно это. Впрочем, скорее всего она начнет вспоминать это раньше, еще при жизни. Когда Коля ее бросит.

– Давай завтракать, – предложила Кира, с тоской припоминая, что, кроме пельменей и замороженного второго блюда, в холодильнике ничего нет. Даже яиц нет.

– У тебя какие планы на сегодня? – Пельмени Коле понравились. Во всяком случае, съел он целую тарелку.

– Никаких, – пожала плечами Кира. Подумала и нахмурилась. – За город съезжу.

– Зачем?

– Положу цветы на могилу убитой девушки.

– Ищешь убийцу? – догадался он.

– Ищу, – согласилась Кира.

Он вздохнул, допил кофе, который она перед ним поставила, сходил к брошенной в прихожей сумке за телефоном и принялся кому-то звонить. Кира только покачала головой, слушая, как он заявляет кому-то, что его сегодня не будет. Пусть звонят на мобильный, если понадобится.

Ей бы так. Захотела – пошла на работу, не захотела – не пошла.

– Больше ты без меня искать убийцу не будешь, – заявил Коля, пряча телефон в карман джинсов. Подумал, наклонился к ней и прошептал в ухо: – Я не знаю, почему меня сразу стало к тебе тянуть. Правда, не знаю. Ты была похожа на маленького цыпленка, тогда, в дождик, помнишь? Не мог же я бросить цыпленка одного в городе.

– Ты когда-нибудь видел маленьких цыплят? – улыбнулась Кира.

– Нет, – признался он и засмеялся. – Только на картинке.

Кире очень хотелось дать ему запасные ключи от квартиры, когда она запирала дверь. Ключи она не предложила, это могло показаться навязчивостью и попыткой привязать мужчину к себе, бабушка не одобрила бы.

Подмосковное кладбище удивило Киру ухоженной территорией. Свежевыкрашенная ограда по периметру, чисто подметенные дорожки.

У входа, напротив сторожки-конторы, сидел здоровенный мужик, подставив пробивающемуся сквозь листья рябины солнцу обтянутый майкой торс.

– Нам могилу найти надо, – остановился около мужчины Коля.

Мужик кивнул на дверь сторожки – туда. И почти в ту же секунду из сторожки выскочила девушка, улыбнулась.

– Нам нужно найти могилу, – теперь уже ей объяснил Коля.

– Надежда Федосеева, – подсказала Кира.

– Идемте, покажу.

Девушка была очень молоденькой и очень веселой, но это почему-то не казалось неуместным.

– Недавно мужчина один про эту могилу спрашивал, – объяснила девушка. Она шла быстро и как-то весело, почти вприпрыжку.

– Федосеевы – не редкая фамилия, – удивилась Кира. – Город большой, неужели однофамильцев нет?

– Есть, конечно, – согласилась девушка. – Но немного, три могилы всего. Тот мужчина спрашивал про девушку, которую машина сбила. Надежда Федосеева. Вам ведь она нужна?

– Она. – Кира достала телефон, открыла электронную почту.

Тыкать на ходу в экран было неудобно, она с трудом нашла одну из последних фотографий брата. Они с Денисом на даче. Она тогда любила выкладывать фотки в Интернет.

– Он? – протянула Кира телефон девушке.

Девчонка остановилась, нахмурилась и подтвердила:

– Он.

Такого успеха Кира не ожидала и даже растерялась. Думала, девушка спросит, откуда Кира знает про мужчину, но девушка не спросила и, только подведя их к облупленной ограде, припомнила:

– Тот мужчина ваш, – девушка кивнула на телефон, который Кира продолжала держать в руке, – еще спросил у меня: это она? Ну, в смысле на фотке Надежда? А кто еще-то там может быть?

– Никто, – согласилась Кира.

На маленькой фотографии, смотревшей со скромного памятника, Надежда Федосеева улыбалась вымученной улыбкой. Лоб прикрывала челка, а остальных волос было не видно, наверное, стянуты в хвост.

Фотография не слишком подходила для кладбища, но родственникам виднее. Брат ее не узнал. Он видел ее другой, мертвой. Окровавленной.

– Спасибо, – отпустил девушку Николай, сунув ей в руку купюру.

Девушка убежала, а Кира воткнула в землю искусственные васильки, купленные у кладбищенской ограды.

Николай терпеливо стоял рядом. Кире захотелось снова рассказать ему, какой Дениска был хороший, на самом деле хороший, не потому, что он ее брат. А то, что случилось тогда на дороге, просто страшная случайность.

– Ты женат? – спросила Кира, не поворачиваясь к нему.

– Нет.

Кира продолжала стоять, глядя вверх памятника. Николай потянул ее за руку, и она послушно побрела за ним к выходу с кладбища.

Аля еще вечером чувствовала, что не заснет. Хотела принять снотворное, но не приняла, злоупотреблять снотворным опасно, может наступить привыкание. Зря не приняла, проворочалась всю ночь и совершенно измучилась.

Юлька права, похоже, роман у Кости кончается. Вчера он впервые за последний месяц пришел с работы рано, не потому что она позвала, а сам. Весь вечер играл с Данечкой, и Аля тихо радовалась, глядя на это.

Вообще-то в глубине души она чувствовала, Костя никогда не бросит семью. И даже не из чувства долга, а потому что семья – это тоже часть его самого. Его сын, его жена.

Они оба, и Аля, и Костя, любили своего сына и свой дом. И много сил вложили в то, чтобы дома было уютно и комфортно. Едва ли где-нибудь Косте будет комфортнее.

Жаль, что она знала про Девку, лучше бы жить спокойно. Хотя... с другой стороны, предупрежден – значит, вооружен.

Под утро она все-таки задремала и проснулась от чего-то тревожного, противного.

«Кира, – вспомнила Аля. – Кира со своими дурацкими вопросами».

Конечно, Денис не мог Алю не разыскать. Он и разыскал. Аля потом спрашивала про Дениса у мамы, но та заверяла, что адреса ему не давала. Аля в этом не сомневалась, мама была мудрой женщиной, хоть и играла перед папой роль наивной дурочки.

Аля была совсем маленькой, но один случай запомнила хорошо. Одна из маминых подруг заболела, и вторая носила ей еду и лекарства. Мама сочувствовала и сожалела, что ничем не может помочь – она все время с ребенком. То есть с Алей. Потом подруге стало лучше, к тому

же у нее то ли был день рождения, то ли еще какой-то повод посидеть девичником. «Толенька, – позвонила мама папе. – Мне очень нужно вырваться сегодня вечером...» Мама говорила абсолютную правду, она рассказывала о больной подруге и о том, что за ней некому ухаживать, а выходить больной на улицу не лучший выход из положения. Она говорила правду, третья их подруга, которая и ухаживала за больной, действительно попросила маму купить лекарства, поскольку сама собиралась отправиться за вином. Мама говорила правду, но картина получалась абсолютно ложная.

У папы должна была быть важная встреча, но папа ее отменил, провел вечер с Алей и говорил о том, что она должна брать с мамы пример.

И Аля старалась брать пример с мамы.

Из Данилкиной комнаты послышался тихий голосок. Аля замерла, прислушалась. Звук не повторился, ребенок снова заснул.

Костя повернулся, открыл глаза, улыбнулся Але.

– Жалко, что ты должен идти на работу, – грустно улыбнулась в ответ она.

Муж протянул руку, погладил ее по плечу, легко притянул к себе. Потом притянул сильнее. Аля закрыла глаза, чувствуя неровное дыхание Кости.

Если Девка навсегда уйдет из их жизни, она закажет молебен.

Костя был в ванной, когда Данилка звонко позвал Алю. Она вскочила, заспешила к сыну.

– Ты как сегодня? – через час провожая Костю, тихо спросила Аля.

«Ты как» подразумевало, когда его ждать.

– Постараюсь пораньше, – пообещал муж, целуя ее в щеку.

Поверить в то, что страшное закончилось, хотелось, но Аля себя сдержала. Лучше не надеяться попусту, нет ничего страшнее разочарования. Она будет терпеть столько, сколько потребуется.

Сегодня Леся прибежала вовремя, даже удивительно.

– Успела на автобус? – улыбнулась Аля.

– Повезло, – засмеялась няня, подхватывая Данилку.

Алю чуть-чуть кольнуло, ребенок слишком привязан к няне, радуется ей не меньше, чем самой Але. Через пару месяцев няню нужно сменить.

Аля прилегла в своей комнате, включила тихую музыку.

Заиграл мобильный, она схватила телефон, почему-то решив, что это опять Кира. Звонила Юля, и новости были хорошие.

– Слушай! Она увольняется! – тихо затараторила подруга.

– Ты там одна? – остановила ее Аля.

– Одна, одна. Она увольняется! Сегодня последний день работает. Я же тебе говорила, что там все кончается! А ты мне не верила!

– Я не могу сейчас разговаривать, – соврала Аля. Голос подруги раздражал, а ей хотелось подумать.

Хотелось узнать то, чего она никогда не узнает. Чья была инициатива прекращения служебного романа? Кто решил все закончить, Костя или Девка?

Скорее всего Костя, решила Аля. У него семья, жена и ребенок. У него комфортная жизнь, которую он ценил.

Давно, когда они только поехали в свадебное путешествие, Аля призналась:

– Мне так хорошо с тобой, Костенька. Я умру, если ты меня разлюбишь.

Тогда она без него не умерла бы, она теперь без него умрет. Тогда она еще не любила его так сильно, как сейчас.

– Этого никогда не будет, – засмеялся тогда Костя.

– Почему? – Але хотелось услышать, что он тоже умрет без нее. Дурочка была.

– Потому что нам обоим хорошо вместе, и это нужно ценить, – объяснил Костя.

Она старалась, чтобы им было хорошо вместе. Она одна проводила с ребенком бессонные ночи. Конечно, он шел работать, а она могла выспаться днем, но Костя ее самоотверженность ценил.

Кажется, она задремала. И, очнувшись, не могла понять, почему так тошно, противно.

Из-за Киры.

Зря Аля сказала и подруге, и папе, что не виделась с Денисом. Ничего особенного в той встрече не было. Ее разыскал бывший жених, что здесь ужасного?

Его потом убили, но она-то здесь при чем?

В то утро она вышла во двор с Данилкой одна. Леся готовила обед, Аля сама предложила погулять с ребенком. Она даже не

посмотрела на мужчину, сидевшего на лавочке у детской площадки.

Денис смотрел не на нее, он смотрел на Данилку.

Она остолбенела тогда. Даже не испугалась, просто впала в ступор.

Ее можно понять. Муж на виду у собственной конторы в обед гуляет с какой-то девкой, теперь еще бывший жених явился.

Нужно было сказать ему, чтобы отправлялся к черту, но Аля молча схватила сына и бросилась назад к подъезду.

– Дождь собирается, – объяснила она Лесе.

Дождь так и не пошел. После обеда с ребенком во двор вышла няня, но Дениса уже не было, Аля из окна тщательно осмотрела двор.

Денис ничего знать не мог, но береженого бог бережет.

Аля решительно поднялась, отправилась в ванную, подкрасилась, оделась и крикнула Лесе:

– Я уеду ненадолго.

Света перезвонила через два часа и сразу начала объяснять, что едва ли сможет сообщить Маше что-то интересное.

– Мы ничего не знали, правда, – говорила женщина. – Ходили какие-то слухи, начальство шепталось, а мы толком ничего не знали. И Денис к этому отношения не имел, это точно. У нас уволилось несколько человек, но я даже не уверена, что все уволились из-за той истории. Зарплаты у нас сами знаете какие. Раньше нам приплачивали немного, а потом и этого не стало...

– У вас работал Сергей Тополев, – напомнила Маша. – Помните такого?

– Сережа? Помню, – в трубке послышался автомобильный гудок, шум. Света, по-видимому, шла по улице.

– Он тоже тогда уволился?

– Да. Но он точно к деньгам отношения не имел. Он тогда в аспирантуре учился...

– И ушел, не окончив аспирантуру?

– Ой, да так многие делают! Подворачивается хорошая работа, и уходят. Защититься и потом можно, а хорошую работу найти трудно.

Уже было ясно, что ничего полезного Света не расскажет, но Маша тянула, не прощалась и наконец догадалась попросить:

– Вы мне не можете дать телефон кого-нибудь, кто связан с той историей?

Женщина задумалась, Маша слышала в трубке неровное дыхание.

– Я сейчас на работу еду. Попробую найти чей-нибудь телефон, – пообещала Света и напоямила: – Но это было очень давно, и к Денису отношения не имело, правда.

Маше очень хотелось спросить, имело ли «это» отношение к Павлу, но она не спросила.

Павел злился, когда она заговаривала о событиях на кафедре. Виду не подавал, но она чувствовала.

«Подлец твой муж...»

Ждать очередного звонка было тошно, Маша позвонила тете.

– Поедешь цветы полить? – спросила Лена. – Если не хочется, я съезжу.

– Ты не на работе? – удивилась Маша.

– Решила прогулять, – засмеялась тетя.

– Лен, – осторожно спросила Маша. – Ты... не заболела?

В семье болели все, кроме Лены. Простужалась и лежала с температурой мама. Простужался и продолжал ходить на работу папа. Каждую зиму кашляла Маша, и родители боялись пропустить у нее воспаление легких.

Лена на нездоровье никогда не жаловалась, только после развода с дядей позвонила однажды и сказала, что в больнице. В больнице она пробыла тогда недолго, выписалась, хотя врачи отговаривали. У нее был тяжелый сердечный приступ.

Мама плакала, переживала за сестру и не могла понять, почему она не говорила, что у нее болит сердце. А папа сказал тогда мудрую и парадоксально верную фразу: больные люди не жалуются, жалуются здоровые.

А ведь внешне казалось, что развод тетя пережила спокойно. Побледнела немного, похудела, хотя и до этого лишним весом не отличалась.

Маша хорошо помнила, как закончилась Ленина замужняя жизнь. Как в анекдоте. Родители были в очередной командировке, должны были приехать утром, а приехали накануне вечером – им в последний момент удалось поменять билеты.

Сюрприз для Маши был огромный, она обнимала маму и только что не прыгала от радости. Лена тогда сразу засобиралась, она тоже соскучилась по собственному дому и собственному мужу, почему-то дядя Гена никогда Лену с Машей не навещал. Но это Маша отметила уже потом, когда дядя перестал быть дядей.

Лена уехала и вернулась ровно через час и потом несколько дней жила с ними. Все обсуждали только родительскую командировку и Машины успехи, и Лена обсуждала, и выводы Маша сделала только потом, через некоторое время. Тогда она и почувствовала себя по-настоящему взрослой.

– Не заболела. – Тете разговоры о собственном здоровье не нравились. – Так что с цветами?

– Я съезжу. Лена, мы почти не видимся, – посетовала Маша.

– Я тоже часто об этом думаю, – согласилась тетя. – Приезжай ко мне. Приезжай прямо сейчас.

Прямо сейчас Маша ехать не могла, вести разговоры со Светой при тете не хотелось. Лена умна и проницательна, а Машу мучило неприятное чувство, что она делает что-то недостойное. Ясно, что к смерти Дениса события на кафедре отношения иметь не могут, и ей просто хочется удостовериться, что назвать Павла подлецом можно было только из зависти и пустой злобы. Конечно, она уверена, что Павел самый лучший человек на свете! Но... ей почему-то очень хочется в этом еще раз убедиться.

– Жду звонка, – с сожалением отказалась Маша. – Давай в другой раз.

– Ты не видела Алиного сынишку? – неожиданно спросила Лена.

– Нет, – удивилась Маша. – Почему ты вдруг о ней вспомнила?

– Недавно встретила Анатолия Михайловича, – с заминкой объяснила тетя.

– А...

– Как удивительно, вы так дружили в детстве и совершенно разошлись сейчас.

– Я сама этого не понимаю. У меня было такое чувство, что я навязываюсь и Кире, и Але.

– Кире многое пришлось пережить.

– Да. Но она не хотела меня видеть.

– Знаешь, мне всегда казалось, что Кира из вас самая сильная. У нее всегда были какие-то хулиганские наклонности. Помнишь?

– Помню, – засмеялась Маша.

Киру часто тянуло делать то, чего лучше не делать. Однажды она уговорила подруг залезть на стройку. Недалеко от школы возводили новый дом. Дома тогда еще не было, только огромный котлован и жуткая грязь вокруг. Ничего интересного на стройке они не нашли, но плохо было то, что их поймала охрана. Им грозили полицией, но в конце концов позвонили родителям. Вызволяла арестанток как раз Лена.

– Она казалась сильной, а сломалась сразу.

Маша никогда не думала, что подруга «сломалась». Маша обижалась и ничем Кире не помогла.

Думать об этом было неприятно, и Маша спросила:

– Аля тоже сломалась?

– Аля совсем другое дело. Избалованная капризная девочка. А вот то, что она от вас отделилась, как раз странно. У нее все отлично, хороший муж, ребенок. Мне казалось, она должна гордиться своим положением.

– Хвастаться? – улыбнулась Маша.

– Можно и так сказать.

– Выходит, нашла других, перед которыми можно гордиться. А ты о ней невысокого мнения.

– Аля всегда была хвастунишкой, а я этого не люблю.

– Но в детстве у нее действительно были вещи, на которые у наших родителей денег не хватало.

– Думаю, что вещи здесь ни при чем. Это характер. Впрочем, я предвзята, ты меня не слушай. Просто Аля мне не очень нравилась.

Поговорив с тетей, Маша ходила в магазин, хотела включить пылесос, но побоялась прослушать звонок, и ограничилась стиркой.

Света позвонила почти перед самым приходом Павла.

– Нашла телефон Ольги Сергеевны Приходько, – с сомнением сказала Света. – Она уволилась тогда первой. И с Денисом они почти дружили, хотя она намного старше. Попробуйте ей позвонить.

Маша поблагодарила, отгоняя нехорошее, тоскливое предчувствие. Стало не то чтобы страшно, а как-то не по себе.

Нужно было бросить глупую и ненужную затею, но она все-таки позвонила незнакомой женщине. Телефон Ольги Сергеевны Приходько не отвечал.

К середине дня потеплело. На солнце было совсем жарко, Кира шагнула поближе к ограде кладбища, под тень пыльных кустов сирени.

– Как ты угадала, что сюда приходил твой брат? – Николай шагнул следом, наморщил лоб. Кира уже знала, что лоб он морщит, когда чего-то активно не понимает. – Он был сентиментальным?

– Он не был сентиментальным, – обиделась за брата Кира и почувствовала, что тоже морщит лоб. – Он был нормальным, как все. Но он не мог продолжать жить, не... не попрощавшись, что ли.

То, что она говорила, даже ей не было до конца понятно, но Николай, кажется, понял.

– Поехали? – Он чуть потянул ее в сторону машины.

Она покачала головой – подожди, и опять тяжело вздохнула:

– Девушка была беременна.

С растущего рядом тополя взлетела птица. Кира проводила ее взглядом и замерла – птица оказалась сорокой. Она сто лет не видела сорок. Листва зашуршала снова, и рядом с первой сорокой очутилась вторая. Кира когда-то читала, что сороки живут парами.

Нормальные люди тоже живут парами. Правда, сейчас другие нормы, и пары чаще расходятся, чем продолжают жить вместе.

– Брат девушки не мог за нее отомстить, это точно. Он придурок и трус. Я это еще с суда помню. А недавно с учительницей его разговаривала, она то же самое сказала.

Сороки о чем-то побранились, улетели.

– Учительница к тому же их соседка. Говорит, постоянного парня у Нади не было.

– Девушка вряд ли докладывала о своих парнях учительнице, – серьезно заметил Николай.

Кира снова тяжело вздохнула. Впрочем, место ко вздохам располагало.

– Учительница дала мне телефон одной девушки, Надиной подруги. Я хочу ей позвонить.

– Что ты ей скажешь? – подумав, он поправил пальцем очки.

– Правду, – сразу ответила Кира. – Что я еще могу сказать? Что я журналистка и занимаюсь наездами на дороге? Статистику анализирую.

– Тоже вариант, – кивнул он. – Но можно и правду сказать, тут ты права. Убийство убийцы вызывает большое любопытство, люди могут разговориться.

– Не смей называть моего брата убийцей! – прошипела Кира. Она бы закричала, но неподалеку у входа на кладбище старушка продавала искусственные цветы и иногда с интересом на них поглядывала.

– Прости.

Она отвернулась. Стало тоскливо, одиноко. Она устала от одиночества за долгих четыре года. Ей показалось, что она вернулась в нормальную жизнь, а оказалось, что было и есть как раз одиночество.

– Прости. Ну прости. – Николай развернул ее к себе и обнял. Крепко обнял, она не смогла его оттолкнуть.

– Никогда не называй моего брата убийцей!

– Никогда не назову. Прости.

Его грудь упиралась ей в ребро, Кире стало больно.

Но она бы до самой смерти так стояла.

– Звони, – отпустил ее Николай.

Надина подружка Лиза ответила сразу.

– Здравствуйте, – шепотом сказала Лиза, когда Кира путано попыталась объяснить, кто она такая. – Мне о вас Ирина Васильевна говорила. Вас Кира зовут, да?

– Да, – подтвердила Кира. – Лиза, я сейчас в вашем городе. Вы не могли бы со мной встретиться?

– Могу, – отчего-то обрадовалась Лиза шепотом. – Я сейчас в сквере у пруда...

Она объяснила, где сквер, Кира постаралась запомнить. Сквер находился минутах в пяти езды от кладбища.

Николай припарковал машину у невысокой ограды сквера. Сквозь редкие деревья виднелся пруд. Пруд был частично затянут ряской, но это Кира заметила, только когда подошла ближе.

– Я тебя здесь подожду, – решил Николай. – Тебе одной она больше расскажет.

Наверное, это было правильно, но Кире отчего-то стало обидно. Чуть-чуть обидно, почти незаметно.

– Если у тебя дела...

– У меня сейчас одно дело – ты, – улыбнулся он.

Кира выбралась из машины, пошла по асфальтированной дорожке и почти сразу увидела молодую женщину, покачивающую ногой коляску, сидя на лавочке.

– Лиза? – остановилась рядом Кира.

– Да, – улыбнулась женщина, и Кире тоже отчего-то стало не то чтобы весело, но как-то спокойно.

Строгая светлая коса не гармонировала с короткими шортами, но отчего-то придавала Лизе задорный вид.

– Сколько ему? – кивнула Кира на коляску. Малыш спал, хмурив лобик.

– Четвертый месяц пошел. – Лиза отодвинула коляску подальше, еще раз качнув напоследок.

Кира села рядом.

– Ирина Васильевна сказала, у вас брата убили.

Прав Коля, это вызывает любопытство.

– Да, – кивнула Кира.

– Может, найдут, кто.

– Может, найдут.

– У меня муж тоже машину купил, и я волнуюсь все время. То ли он в кого въедет, то ли в него...

– Брат всегда аккуратно ездил, не знаю, что с ним тогда случилось.

– Ой, да пешеходы тоже виноваты. Я и сама дорогу перебегаю. Перебегала, – поправила Лиза. – Теперь-то по сторонам смотрю, у меня дети.

– Надя ребенка ждала, – перешла Кира к делу. – Она замуж собиралась?

– Не знаю, – покачала головой молодая мама. – Мы с девчонками сами удивились. Надя ходила с одним, но недолго, он потом в армию ушел, и все.

– Погиб? – ахнула Кира.

– Да нет, – опешила Лиза. – Почему? Просто после армии сюда не вернулся, на Урале где-то живет. Я не знаю точно.

Про возможного отца неродившегося ребенка Лиза не знала ничего. В ночные клубы Надя, конечно, ходила, но про постоянного ее

парня никто из Лизиных подруг ничего не знал.

– Надя была скрытная? – спросила Кира.

– Да нет. Почему? – оборот речи Лизе шел. Она при этом забавно пожимала плечами, Кире было весело на нее смотреть. – Как все. Что-то расскажешь, что-то не расскажешь.

– А самая закадычная подруга у нее была?

– Не знаю. Мы мало вместе тусили. У меня жених был, я с ним больше времени проводила, чем с подружками. Она со своей сестрой дружила, – вспомнила Лиза. – С двоюродной. Не помню только, как ее звали.

Сестру звали Викой, Кира помнила слова учительницы Ирины Васильевны.

– Надька сестру часто приводила. Тихая такая девчонка была, неприметная. Но хорошая, не хвасталась никогда, что москвичка. А на похороны не пришла, представляете? – оживилась Лиза. – Ужас! Родную сестру хоронят, то есть двоюродную, а ее нет!

– Может, ее в Москве тогда не было.

– Ну и что? Должна была приехать!

Малыш проснулся, повращал глазками, сморщился. Лиза подхватила его на руки.

Кира улыбнулась ребенку, простилась.

В машине Николая не было, он появился откуда-то сбоку, доедая на ходу мороженое. Второй вафельный стаканчик, для Киры, он держал в руке.

Мороженое оказалось вкусным, но после него захотелось пить, пришлось останавливаться у киоска, покупать воду.

Лиза не спросила, почему Кира начала интересоваться Надей. Она бы тоже на ее месте не спросила, и так все ясно.

«Наверное, стоило все-таки назваться журналисткой», – с опозданием решила Кира, когда они уже въехали в Москву. Она не столько боялась заинтересовать собой убийцу, если, конечно, предположить, что убийца мстил за девушку Надю, сколько просто не хотела глупо выглядеть. Доморощенные следователи всегда выглядят глупо.

– Поднимешься? – равнодушно спросила Кира, когда машина остановилась рядом с ее домом.

– Если не выгонишь, – усмехнулся Коля, не глядя на нее.

– Не выгоню.

Он начал целовать ее в лифте, и больше Кира не думала ни о Денисе, ни о Наде, ни о ее сестре, которая не появилась на похоронах.

Анатолий Михайлович вспоминал о пистолете в самый неподходящий момент. Вот и сейчас, по дороге к Лениному дому в который раз подумал, что пистолет необходимо выбросить. Баловаться с оружием ему уже не по возрасту.

Пистолет он купил в начале девяностых у школьного приятеля. Приятель тогда ушел из армии на вольные хлеба, но связи у него оставались, и пистолет он Анатолию скорее навязал, чем предложил. «Видишь же, что творится, – говорил приятель. – У тебя семья, семью защищать надо».

Слава богу, защищать семью с помощью пистолета Анатолию Михайловичу не пришлось, но возиться с оружием ему нравилось. Несколько раз он даже ездил в лес стрелять по веткам, каждый раз замирая от страха, что его остановят гаишники.

«В выходные выброшу», – пообещал он себе, звоня в домофон.

Лена ждала его у открытой двери, и, обнимая ее, он чувствовал, как уходят тревоги прошедшего дня, как будто он вернулся домой после долгой тяжелой дороги.

– Я тебя очень люблю, Лен, – прошептал он.

– Я тебя тоже, – тихо сказала она.

Раньше она ему не говорила, что любит, обходилась другими словами. Говорила: «Я по тебе скучала», «Мне с тобой очень хорошо, Толя», «Я все время о тебе думаю».

Позже, обнимая ее на широкой кровати, он с тоской поглядывал на часы, понимая, что задерживаться надолго ежедневно невозможно.

– Вставай, я тебя покормлю. – Лена отодвинулась от него, накинула халат, зазвенела чем-то на кухне.

Он тоже поднялся, оделся, сел за кухонный стол, наблюдая, как она хлопчет у плиты.

– Я все время думаю про Киру, – призналась она, помешивая что-то в кастрюле. – Я ведь ее с первого класса знала. И Дениса знала с детства, они все в одном дворе играли.

Анатолий Михайлович промолчал, ему меньше всего хотелось сейчас говорить о бывшем женихе дочери.

– Как внук? – вспомнила Лена.

Она положила перед ним огромный кусок мяса, он благодарно кивнул.

– Нормально. Алька зачем-то постоянно придумывает ему болезни.

На самом деле он отлично знал, что дочери просто хочется повышенного внимания. Причем не столько к ребенку, сколько к себе. Ей хочется, чтобы все вокруг волновались, а она казалась себе самоотверженной матерью. Впрочем, она была хорошей матерью, просто он сейчас очень на нее злился.

Она зачем-то соврала ему, что не виделась с Денисом.

Есть расхотелось, он отодвинул тарелку.

– Я пойду, Лен.

– Конечно.

Она улыбнулась и весело посмотрела на него несчастными глазами.

– Толя, я всегда буду тебя ждать, но не делай ничего во вред семье. От этого никому не будет лучше, ни тебе, ни мне.

– Ты моя семья, – соврал он.

Чувства благодатного успокоения, которое он испытывал рядом с Леной, больше не было. Он с тоской подумал, что нужно что-то соврать жене.

Врать не пришлось, Катя про его позднее возвращение не спросила.

– Аля заходила? – переодеваясь, спросил он.

– Забегала на минутку.

– Одна?

– Да. – Жена укоризненно на него посмотрела. – Конечно. У мальчика только недавно была температура. Да, анализ крови неплохой.

– Кто бы сомневался, – пробурчал Анатолий Михайлович и в сердцах добавил: – Психопатка!

– Толя! Что ты несешь? Любая мать волнуется, когда ребенок болеет.

– Любая мать волнуется, но только дура волнуется до истерии.

Жена хотела возразить, но обиженно промолчала.

– Катя, – неожиданно для себя спросил Анатолий Михайлович, – как ты думаешь, Аля встречалась с Денисом?

Жена стояла очень близко, и он смотрел прямо ей в глаза. Это было непривычно, он редко смотрел ей прямо в глаза, как будто она была посторонней.

– Думаю, что встречалась, – нехотя призналась она. – Аля спрашивала у меня, не давала ли я Денису ее адрес.

– А ты давала?

– Толя! Я же тебе говорила, что нет!

– Зачем он ее разыскивал? – скорее у себя, чем у жены спросил Анатолий Михайлович. – Надеялся, что она до сих пор в него влюблена?

– Он не мог на это надеяться, у Али ребенок и хорошая семья.

– А зачем тогда?

– Не знаю, Толя.

У Али ребенок и хорошая семья...

– Катя, у Али с Костей все в порядке?

Ее глаза были совсем близко, он отвел взгляд.

Жена отошла к окну, отвернулась, глядя вниз.

– Почему ты спрашиваешь?

– Алька дерганая какая-то в последнее время, – только произнеся это, он понял, что дочь действительно в последние месяцы дерганая. Он нашел правильное слово. Нервная и раздраженная. Старается вести себя как обычно, но он-то видит.

– Костя хороший муж. – Жена говорила, глядя в окно. Анатолию Михайловичу захотелось ее развернуть. – Алю любит, Данилу любит.

– У них что-то... не так? – осторожно уточнил он.

– Я не знаю, – вздохнула жена и наконец-то повернулась к нему. – Аля на Костю мне не жаловалась. А внешне все хорошо, ты же видишь.

– Сделай мне чайку, Кать, – попросил он. – И я лягу, пожалуй. Устал.

Он сказал Лене неправду. Его семья здесь. У него есть дочь, на которую он часто злится, но о которой постоянно думает. Есть Катя, которую он никогда не сможет бросить и на которую тоже часто злится, потому что до сих пор не знает, когда она ему врет, а когда говорит правду. Ну а про Данилку и говорить нечего, внука Анатолий Михайлович обожал.

И все-таки он сказал правду. Лена тоже его семья, потому что без нее ему не хочется думать ни о дочери, ни о жене, ни даже о внуке.

26 августа, пятница

Шли дни, и убийца почти успокоился. Иногда ему казалось, что то, что произошло, произошло не с ним и что это не его рука сжимала тогда пистолет. Убийца был уверен, что смерть Дениса оборвала все пути к их тайне и что никто на свете никогда не узнает правды. Он ошибся. Сестре что-то известно, и не сегодня завтра она может сделать правильные выводы.

Этого нельзя было допустить.

«Я ничего о нем не знаю», – отстраненно думала Кира, сидя на кухне напротив Николая. Она знала о нем главное, с ним она снова начала жить, а до этого пребывала в некоем подобии летаргического сна, как спящая царевна в сказке.

Коля доел яичницу, которую она перед ним поставила, посмотрел на Киру, вздохнул, вышел из кухни и вернулся с бумажником. Паспорт и права он положил перед Кирой молча, снова сел на свое место, подвинул себе большую кружку с чаем. Чай он заварил сам, прямо в кружку.

Он один может читать ее мысли.

Кира тоже вздохнула, взяла паспорт, полистала, бросила на стол поближе к нему.

– Москвич. Не судим. Не женат.

– Я поняла, – буркнула Кира.

Она понимала, что он не уголовник, не бандит с большой дороги. Она не понимала, что заставляет его сидеть на ее крошечной кухне.

– Тебе хорошо со мной? – Он протянул руку, тронул ее пальцы.

– Знаешь же, что хорошо, – вздохнула Кира и не удержалась: – Мне-то хорошо, непонятно только, зачем я тебе нужна.

– Мне с тобой тоже хорошо, – улыбнулся он. – И ты тоже это знаешь.

Конечно, она догадывалась, что ему с ней хорошо. А еще догадывалась, что с какой-нибудь другой девушкой ему будет не хуже.

– Родители у меня живы-здоровы, – доложил он. – Квартиру я снимаю. Не очень далеко. Хочешь, вечером туда поедем?

– Я подумаю, – засмеялась Кира.

Ужасно, но она верила, что вечером он опять будет с ней. Не надо было верить, чтобы потом не разочароваться, но она верила.

Николай взял со стола бумажник, опять вышел и вернулся без бумажника, но с телефоном. Потыкал в экран и сбросил звонок, когда зазвонил Кириный мобильный. Кажется, она оставила его в прихожей.

Наверное, спросил ее номер у девочек в салоне.

– Мне пора. – Он наклонился к ней, потерся щекой о волосы. – Собирайся, поехали. Довежу тебя до работы.

– Не надо, мне еще рано, – отказалась Кира и заперла за ним дверь.

Сразу сделалось пусто, тревожно. Она вымыла посуду, посидела, глядя на кухонные полки, потом торопливо оделась, подкрасилась. Зря не согласилась, чтобы Николай ее отвез, пробыла бы с ним лишние пятнадцать минут.

Нужно было торопиться, и до метро Кира почти бежала. Слава богу, успела вовремя. Правда, одна клиентка уже стояла у двери салона, но отперла дверь Кира минута в минуту, как и положено. Нечего раньше времени приходить, не придется ждать на крыльце.

Назначено клиентке было на четверть десятого. Кира сделала ей кофе, поболтала. Прибежала Марина, увела клиентку.

Потом дверь почти не закрывалась. Женщины приходили и уходили, Кира улыбалась, щебетала.

Про то, что не позвонила Маше, она вспомнила, когда выдался небольшой перерыв. Кира набрала номер, подруга ответила.

– Я достала телефон одной женщины, – рассказывала Маша. – Ее уволили, когда на кафедре вышел скандал. Ольга Сергеевна. Денис ничего про нее не говорил, не помнишь?

– Не помню, – отмахнулась Кира. То есть она действительно не помнила.

– А... про Павла Денис ничего не говорил? – осторожно спросила подруга. – В связи с той историей?

– Не помню. Дениска со мной не откровенничал, ты же знаешь.

Подруга вздохнула, замолчала.

Кира отперла дверь очередной клиентке, улыбнулась женщине, торопливо проговорила в трубку:

– Извини, Маш, я занята.

– Давай встретимся как-нибудь.

– Давай, – торопливо пообещала Кира и снова улыбнулась клиентке.

Маша здорово помогла ей с похоронами, но встречаться с подругой не было никакого желания. О чем им говорить? О Денисе? Кира и так о брате ни на минуту не забывала.

Телефон звонил почти непрерывно. Кира записывала женщин к мастерам, переносила время приема, ласково сочувствуя клиенткам, которые никак не могут явиться именно в назначенное время.

Коля за весь день ни разу не позвонил. От этого делалось тошно.

Мобильный зазвонил, когда до закрытия салона оставалось меньше часа.

– Это Лиза, – неуверенно сказал трубка, и Кира не сразу узнала подругу Нади.

Про вчерашнюю поездку думать было некогда, поездка казалась давней, ненастоящей.

– Знаешь, я вспомнила, – так же неуверенно заговорила Лиза. – Мы с Надькой однажды ее сестру в Москве встретили. Случайно, в метро. Я училась в Москве, а Наде надо было куртку купить, мы вместе на рынок ездили. Сестру Вика зовут, я вспомнила. Мы тогда в кафе посидели, а потом к сестре домой зашли. Адреса я, конечно, не помню, а дорогу, пожалуй, найду. Серый такой дом, старый. Напротив метро...

Лиза назвала станцию, объяснила, как пройти к дому.

– И номер квартиры помню, семьдесят семь. Две семерки. Для меня семерка счастливое число, вот и запомнила. Квартира у них хорошая, большая. Три комнаты, мне бы такую...

– Слушай, а фамилию Вики ты случайно не знаешь? – догадалась спросить Кира.

Лиза задумалась и неуверенно сказала:

– Похоже на Федосееву. Федорова, что ли? Да, кажется, Федорова.

– Спасибо тебе, – искренне поблагодарила Кира, радуясь, что догадалась оставить Лизе номер телефона.

– Не за что.

Коля не звонил. Подмывало позвонить самой, но Кира себя сдержала.

Она никогда никому не навязывалась и впредь не станет.

Ушла заведующая, потом разошлись мастера. Кира запирала дверь, когда наконец раздался звонок.

– Ты чего не звонишь? – недовольно спросил Николай. – Я заработался, а уже восемь.

– Уже девятый час, – уточнила Кира и засмеялась. – Когда человек работает, ему нельзя мешать. Меня так бабушка учила.

– Правильно учила, – похвалил он. – Выйдешь из салона, сверни налево...

Он рассказывал, как пройти к его работе, а она чувствовала, как уходят, отдаляются все ее проблемы, и только теперь заметила, как щебечут воробьи на растущих вдоль здания кустарниках. Под еле заметным ветерком тихо шуршали листья на ветках. Кира протянула руку, сорвала листочек, растерла пальцами. Листик ничем не пах, но она все равно вдыхала несуществующий аромат, как будто держала в руках ландыш.

На припаркованные рядом машины она не смотрела и, конечно, не заметила, что одна машина поехала за ней следом.

Маша звонила Ольге Сергеевне непрерывно, но телефон был недоступен.

Кира уверена, концы к убийце бесполезно искать на кафедре, но Машу терзали сомнения. Ей, наоборот, казалось, что все несчастья Дениса оттуда. Почему у нее была такая уверенность, она объяснить

бы не смогла. Может быть, именно потому, что узнать о происшедшем в тихой научной среде никак не удавалось.

«Слушай свою интуицию и верь ей», – как-то с долей шутки сказала Лена маме. Родители тогда собирались к дальним родственникам на Урал, и ехать маме решительно не хотелось. Это было странно, поскольку идея поездки принадлежала как раз ей, и на то, чтобы уговорить папу даже потребовалось некоторое время.

Перед самой поездкой ехать мама передумала. «У тебя семь пятниц на неделе», – ворчал папа. Мама чувствовала себя виноватой, мучилась, но от поездки отказалась, долго извиняясь перед родственниками.

Отказалась совершенно правильно. В тот год на Урале была эпидемия энцефалита или чего-то в этом роде. А у папы на следующий день после предполагаемой поездки поднялась температура и он отболел тяжелым воспалением легких.

Мамина интуиция тогда не подвела.

Машина интуиция говорила, что про кафедральные дела нужно немедленно забыть. Жаль, что интуиция не подсказала, как это сделать. Машу тянуло в чужую тайну, как бабочку к горящей лампочке.

С кафедрой было связано кое-что еще, о чем Маша до сих пор никогда не вспоминала. У Павла до нее была девушка, и девушка работала там же, в университете.

Маша узнала об этом случайно. Павел говорил по телефону с каким-то приятелем, и тот передал привет Ксюше. Маша услышала это просто потому, что стояла близко к Павлу.

– Кто такая Ксюша? – ревниво спросила тогда Маша.

– Наша общая знакомая, – засмеялся Павел и крепко ее обнял. Они гуляли вдоль Москвы-реки.

Маше не было дела до какой-то Ксюши, она замирала от счастья, глядя на Павла. И втайне ужасно собой гордилась – Павел был очень умный и очень красивый, а про то, что он самый добрый и самый порядочный, и упоминать не стоило. И он очень любил Машу.

Она ни с кем не могла бы быть такой счастливой, как с ним.

От знакомых Павла она слышала про Ксюшу еще несколько раз. Кто-то спросил мужа, Павел уже был Машиним мужем, где сейчас работает Ксюша. Кто-то еще что-то упомянул.

Павел разводил руками – про Ксюшу он ничего не знал. И что Маша знала совершенно точно, не желал знать. Ну и она ничего не желала знать.

Ей казалось, что она даже имя девушки забыла. Оказывается, помнила.

Настроение было беспричинно отвратительным. Маша себя за это поругала, чтобы отвлечься, скачала новый дамский детектив и улеглась с планшетом на диван. Помогло, книга оказалась увлекательной.

Позвонил Павел, Маша с удовольствием с ним поболтала, и почти сразу снова раздался звонок.

– Привет! – с удивлением ответила Маша подруге Але. Подруга звонила только на Машин день рождения, даже перед Новым годом Маша всегда звонила ей сама.

– Привет, – отозвалась Аля. – Ты на работе?

– Дома. Я в отпуске. – Маша подсунула подушку под спину и уселась поудобнее.

– В отпуске и в Москве? – удивилась Аля. – У вас нет денег?

– Да нет, дело не в этом. Так вышло, у Павла срочная работа.

– И ты останешься без отдыха из-за его срочной работы? – еще больше удивилась подруга.

– Мы отдохнем в другое время. – Маша уже забыла, как иногда тяжело разговаривать с Алей. – Возьму за свой счет, и съездим куда-нибудь.

– Мы совсем не встречаемся, – помолчав, вздохнула подруга. – Тебе со мной скучно?

– Аля, ну что ты! – ахнула Маша. Она могла бы напомнить, что Аля сама всегда отказывалась от встреч и даже по телефону разговаривала с Машей неохотно. – Я всегда рада тебя видеть!

– Ты даже не видела моего сынишку!

Это было правдой. Маша несколько раз почти набивалась к Але в гости, когда родился Данила, но подруге всегда что-то мешало. То ребенок плохо спал и у Али не было сил с кем-то встречаться, то ждали врача, то массажистку, то случилось еще что-нибудь.

– Да, – согласилась Маша. – И мне очень жаль.

– А с Кирой ты... как?

– Так же. – Маша опять поправила подушку за спиной.

У нее скоро начнется гиподинамия, она почти не двигается. Нехорошо, нужно купить абонемент в какой-нибудь тренажерный зал.

– Но ты с ней встречаешься?

– Редко.

Она встречается с Кирой так же редко, как с Алей. То есть никогда. Только вот ради похорон Дениса встретились.

– Как она вообще?.. Замуж не собирается?

– Вроде бы нет.

– Работает?

– Работает. В салоне красоты, – подтвердила Маша.

Вообще-то она еще год назад говорила Але, где работает их общая подруга, и даже называла станцию метро, к слову пришлось. Аля забыла, наверное.

– Где?!

– В салоне красоты. Администратором.

– Ужас! А Павел не может помочь ей с работой?

– Она его не просила.

Кира случайно проговорила, что работает в салоне, еще пару лет назад. Маша в очередной раз предлагала встретиться, а подруга отказалась, сославшись на работу. Маша тогда не рискнула предложить ей помощь Павла, чувствовала, что подруга хочет поскорее от нее отделаться.

– Так как насчет увидеться, Аля? – спросила Маша. – Хочешь, можно прямо сегодня?

– Сегодня? – задумалась Аля, и стало ясно, что встречаться она не желает. – Сегодня вряд ли, дел много.

– Позвони, когда будешь посвободнее.

– Обязательно. Ты тоже не пропадай.

Маша посмотрела на отключившийся телефон и пожала плечами. Зачем подруга звонила, она так и не поняла. Включила планшет и снова принялась следить за страданиями несчастной героини, которой отовсюду угрожала опасность. Героиня мучилась и не могла найти своего счастья, и Маша ее жалела.

27 августа, суббота

– Что будем делать? – зевнул Николай, глядя, как Кира ставит перед ним завтрак.

«Нужно научиться готовить, не может же Коля каждое утро есть яичницу или пельмени», – постыдила себя Кира.

– А что ты обычно делаешь в выходные?

– Работаю, – улыбнулся он.

Это походило на правду, вчера он принес с собой компьютер и несколько раз принимался стучать по клавишам.

– А еще? – не отставала она.

– Пиво пью. Но это ближе к вечеру.

– А еще?

– На велосипеде катаюсь. Но это не всегда. Кира, отстань. Раньше я был один, а теперь с тобой.

– А почему ты со мной?

Он вздохнул и покачал головой, как старый уставший дед.

– Я же тебе говорил. Сначала мне стало тебя жалко. Ты шла под дождем и зябла. Потом захотелось тебя увидеть. Я не знаю, почему захотелось, захотелось – и все! Потом еще раз захотелось увидеть. Поняла?

– Поняла, – кивнула Кира.

– Тогда не приставай больше.

Лучше бы он сказал другое. Лучше бы он сказал, что полюбил ее сразу и навсегда и мечтает, чтобы она стала его женой.

Кира доела свою порцию, поднялась, вымыла посуду.

– Я хочу поехать к сестре Надежды. Мне вчера звонила Лиза, она вспомнила, что была у Надиной сестры в гостях и сказала адрес.

– Зачем тебе сестра?

– Она может знать, от кого Надежда ждала ребенка. – Кира подумала и добавила: – Еще хорошо бы выяснить, где она сама была, когда Дениса убили.

– Ну поехали, – послушно согласился Коля.

Похоже, что собственных планов на выходные у него действительно не было.

Старый серый дом Лиза описала хорошо, Кира сразу его увидела. И арку – проход во двор – заметила сразу. Двор оказался неожиданно зеленым и уютным, даже не верилось, что в нескольких метрах идет плотный поток машин. То есть субботним утром особо плотного потока не наблюдалось, но в будни дышать на тротуаре наверняка нечем.

Помимо номера квартиры, Лиза назвала и этаж – четвертый. Четвертый этаж, первая левая дверь от лифта с цифрой семьдесят семь.

Из подъезда, к которому они направлялись, выскочила девушка с очень короткой стрижкой, равнодушно скользнула взглядом по Кире, промчалась мимо. Стрижка девушке шла. Это означало, что девушка была по-настоящему красивой, короткие стрижки мало кому идут. Кира покосилась на Николая, но тот красавицу словно не заметил.

Скорее всего он просто хорошо воспитан и не хочет обижать свою спутницу, то есть Киру. Поэтому и не пялится на настоящих красоток.

Как попасть в подъезд, Кира не представляла, но тут дверь снова открылась. На этот раз оттуда вышла женщина лет семидесяти, хмуро оглядела Киру и Николая, прошла мимо, но неожиданно остановилась и сурово спросила:

– Вы к кому?

– К Федоровым, – быстро ответила Кира, опережая Колю. Почему-то она была уверена, что он пошлет даму с ее вопросом куда подальше. – Нам нужна Вика Федорова.

Похоже, Лиза вспомнила фамилию Надиной сестры правильно. Дама удивилась, но не так, как удивляются, слыша незнакомую фамилию.

– Мы из адвокатской конторы, – ляпнула первое, что пришло в голову, Кира. – Нам нужно расспросить ее о сестре.

– У Вики не было никакой сестры! – еще более посуровела дама.

– Двоюродная сестра, – уточнила Кира. – Надежда Федосеева.

Женщина наморщила лоб, вздохнула и посмотрела на Киру почему-то виновато. Не было в ней никакой суровости, поняла Кира. Просто старушка в отличие от Надеждиной соседки-учительницы не начинала улыбаться каждому встречному. Ну и правильно, не настолько у нас веселая жизнь, чтобы радоваться с утра до вечера.

– Вика квартиру продала. – Женщина подумала и села на стоявшую у подъезда лавку.

Кира стала рядом. Николай чуть позади.

– Давно уже. Как мать умерла, так она вскоре квартиру и продала. Даже попрощаться не зашла.

Женщина подняла с земли веточку, поводила около своих сандалий. Сандалии были красивые, дорогие.

– А когда это все произошло? – осторожно спросила Кира. – Когда она продала квартиру?

– Давно. Года четыре уже. Мать-то у нее скорострительно скончалась. Цветущая женщина была, красивая. Веселая. А за месяц угасла. Вика очень переживала. Конечно, девочка совсем одна осталась. Ни мужа, ни родных.

– У нее тетя была родная.

– Про тетю ничего не знаю! – Дама повертела веточку в руках и отбросила в сторону. – Вика, считай, у меня на глазах выросла. Своих внуков нет, так она у меня как внучка была.

– А у новых жильцов могут быть ее контакты, как думаете? – Кира уже понимала, что из затеи ничего не выйдет, спросила просто так, без особой надежды.

– Не думаю. В их квартиру сначала одна семья въехала, муж с женой, молодые. Пожили с полгода и пропали. Теперь другая семья живет, года два уже. Тоже муж с женой.

– Так, может быть, они квартиру снимают? – предположила Кира.

– Нет. Квартира продана. Мне еще агент говорила, которая Викину квартиру продавала. Она тогда покупателей долго водила, несколько месяцев.

– А Вика в это время здесь уже не жила?

– Нет. Не жила и не появлялась.

Обиду соседке Вика нанесла сильную, даже сейчас женщина говорила с болью.

– А у вас случайно Викин телефон не остался? – неожиданно спросил Николай. Кира думала, что он так и будет стоять молчаливым охранником.

– Записан где-то, – равнодушно сказала дама.

– Пожалуйста, – взмолилась Кира. – Дайте нам его.

– Я ей много раз звонила. То телефон недоступен, то трубку не берет. – Женщина тяжело поднялась. – Пойдемте.

Дама жила в соседней с Викой квартире. Кира и Николай остались стоять у двери, соседка достала из тумбочки коробку с нарезанными из обычной бумаги карточками, порылась в них и вытащила нужную.

– Берите.

На карточке было написано «Вика» и номер телефона. Кира хотела номер переписать, но женщина тронула ее за руку.

– Берите, мне он не нужен.

Нужно было очень сильно обидеть старушку, чтобы ей стал совсем не нужен номер телефона девочки, которая была ей вместо внучки.

В лифте Николай морщил лоб, хмурился. Вика тоже молчала.

– Ты подожди пока звонить, – предостерег он, когда подошли к машине.

– Почему? – Кире нравилось, что он дает ей указания.

– Сначала нужно хорошо подумать, что соврать.

– Ты думаешь, нужно что-то соврать?

– Еще не решил, – серьезно ответил он.

Николай поправил очки, хмуро покрутил головой, тронул машину.

– Тебя что-то смущает? – спросила Кира.

Николай пожал плечами. Вообще-то Кира отлично знала, что его смущает.

– Денис удивился, увидев фото жертвы, – вздохнула она.

Он опять промолчал.

– Девушка Вика исчезла, не попрощавшись с соседкой, которая была ей вместо бабушки.

– Все это странно, но многоходовки хороши для детективов. В жизни всегда все просто.

– В жизни всякое бывает, – не согласилась Кира.

– Хочешь, за город поедем? – неожиданно предложил он. – Просто так, без детектива.

– Хочу, – сказала Кира.

Ей было все равно, за город так за город. Она поехала бы с ним на край света, но ему это вряд ли нужно.

– Брат и родители не могли перепутать собственную дочь с кем-то еще, – опять принялась она рассуждать.

– Вот именно.

– На похоронах были и другие люди.

– Подожди звонить, пока все не обдумаем, – повторил он. – Хотя... скорее всего этот номер уже у кого-то другого.

Кира полезла в сумку и достала телефон. Она совершенно не удивилась, услышав от Лизы, что хоронили подругу в закрытом гробу. Лицо умершей было сильно разбито, машина Дениса шла на большой скорости.

Николаю не понравилось, что она проявила инициативу, он посмотрел на нее с неодобрением, и Кира почувствовала себя виноватой. Руководить должен мужчина, но она к этому еще не привыкла.

Впрочем, привыкать не стоит, будет меньше страданий, когда он ее бросит.

Машина свернула с трассы, попетляла по узкой дороге, остановилась у небольшого пруда. Вода в пруду была зеленой, холодной. Одинокий рыбак скучал на противоположном берегу.

Они прогулялись по берегу, забрели в лес, но оттуда пришлось сразу выбираться, поскольку средства от комаров у них не было.

28 августа, воскресенье

Анатолий Михайлович проснулся рано. Вчера Аля с Костей привели внука и ушли куда-то на несколько часов. Это было к лучшему, Анатолий Михайлович любил быть с Данилкой без дочери, чтобы не пререкаться с ней по малейшему поводу. Жена его строгим воспитательным мерам не мешала, только улыбалась, видя, как муж заставляет ребенка самого мыть руки.

Сама она кудахтала над внуком не меньше Али, но при Анатолии Михайловиче сдерживалась.

Впрочем, веди она себя по-другому, Анатолий Михайлович едва ли смог бы прожить с ней всю жизнь. Возражать ему могла только Лена. Лена с ним спорила, и он на нее злился, но при этом никогда не переставал чувствовать абсолютную близость.

Зять казался усталым, улыбался через силу, но на Алю смотрел ласково, с нежностью. «Все у них нормально, – убеждал себя Анатолий Михайлович. – Проблемы бывают в каждой семье, не стоит обращать на это внимания».

Жена спала. Он тихо оделся, достал пистолет, с грустью подержал его в руке. Когда-то он и маленькую Алю учил стрелять. Сам он, конечно, не собирался давать девочке в руки оружие, но дочь очень просила, и он сдался. Он всегда ей уступал, даже когда понимал, что делает это зря.

Наверное, именно поэтому он сейчас с внуком излишне строг.

«Пошел пройтись», – написал Анатолий Михайлович на сложенном пополам принтерном листе и положил листок на стол.

Потом тщательно протер оружие, завернул его в целлофановый пакет и сунул в сумку.

Утро выдалось прохладным, он передернул плечами – в одной рубашке было холодно, но возвращаться не стал. Во-первых, плохая примета, во-вторых, через полчаса наверняка разогреет.

К Чистым прудам он пошел переулками. Людей на улицах почти не было, машин тоже. Только на самом бульваре, как назло, сидели молодые парочки. Прогуливались собачники, Анатолий Михайлович отметил, что в Москве большие собаки стали редкостью. Хозяева вели каких-то уродцев вроде той старой Лениной болонки.

Он медленно пошел вдоль берега пруда. Две оранжевые утки вылезли рядом на траву, неприятно крякнули. Как называются птицы, он не помнил. Жена как-то говорила, но он забыл.

Медленно приближалась молодая женщина с крохотной кривоногой собачкой. Собачка ткнулась Анатолию Михайловичу в ногу, хозяйка резко дернула за поводок, удалилась.

Он огляделся, лучшего момента ждать не стоило. Анатолий Михайлович не спеша достал оружие и, резко размахнувшись, бросил его в пруд. Достал из сумки коробку с патронами и бросил следом. Приближались два парня, громко разговаривая и жестикулируя. На Анатолия Михайловича молодые люди не посмотрели.

Он постоял, еще раз взглянул на удаляющихся молодых людей, достал телефон и позвонил Лене.

– Лен, – Анатолий Михайлович медленно пошел в сторону метро, посторонился, пропуская пожилую пару. – Я приеду ненадолго, а?

Увидеть Лену хотелось нестерпимо. Обнять, постоять, чувствуя под руками ее плечи.

– Я сейчас у Машиных родителей. – Он почувствовал, что Лена улыбается. – Решила пересадить цветок. Зайдешь?

– Зайду, – обрадовался он. – Говори адрес.

Родители школьной подруги дочери жили совсем рядом с его домом. Собственно, по-другому и быть не могло, иначе девочки не учились бы в одной школе, но его это почему-то удивило.

Лена ждала его, стоя у открытой двери, и он обнял ее сразу, на ощупь прикрыв дверь за своей спиной.

Руки у Лены были в одноразовых латексных перчатках, слегка испачканных землей. Она отводила руки в сторону, чтобы его не

испачкать.

– Подожди. – Она улыбнулась, отодвинулась, стянула перчатки.

– Лен, что с нами будет? – неожиданно для себя спросил он. Вышло глупо и недостойно: он мужчина, это она должна задавать ему такие вопросы.

– Я всегда буду с тобой, – тихо ответила она, выбрасывая перчатки в целлофановую сумку, которая служила ей мусорным пакетом. – Пока я тебе нужна, я буду с тобой. Хотя бы мысленно.

Наверное, ему хотелось услышать именно это, потому что отвечать он не стал, а снова ее обнял и долго не мог отпустить.

– Пойдем, Толя, – через некоторое время поторопила Лена. Она понимала, что исчезнуть из дома надолго в воскресное утро у него не получится.

– Я провожу тебя до метро, – решил он.

Решение было неправильное, дочь с мужем жили совсем рядом, и сам Анатолий Михайлович всю жизнь прожил в этом районе и имел здесь массу знакомых, и прогуливаться с любовницей в двух шагах от собственного дома не самый лучший вариант. Просто необходимость побыть с Леной еще несколько минут была сильнее здравого смысла.

У метро они простились, коротко кивнув друг другу, как посторонние.

– Звони, – попросила Лена.

– Обязательно. Ты меня жди.

Она снова кивнула и резко повернулась. Анатолий Михайлович быстро пошел к дому, отгоняя противную, непонятную и необъяснимую тревогу. На старости лет он становится неврастеником.

Жена пила кофе, слушая радио. Это было забавно, радио по утрам слушал он, поскольку завтракать в полной тишине не любил, а телевизионные программы давно начисто отбили желание включать телевизор.

В радиостудии шла жаркая полемика о несчастной судьбе представителей ЛГБТ-сообществ в России. По-видимому, это был повтор радиопередачи, вряд ли почтенные участники в воскресное утро не нашли для себя лучшего занятия, чем орать друг на друга.

– Что за бред? – удивился Анатолий Михайлович.

Ни одного человека нетрадиционной ориентации он в своей жизни не встречал, и обсуждение надуманной проблемы его здорово

раздражало. При этом он не понимал главного – зачем всевозможные меньшинства стараются довести до бешенства излишне терпеливое большинство?

– Толя! – обиженно упрекнула его жена. – Люди не виноваты в том, что они другие. Как ты не понимаешь?

– Другие так другие, – согласился он. – Нам-то с тобой какое до них дело?

Жена махнула рукой и отвернулась: как ты можешь?

Катя переживала всерьез, он улыбнулся и озадаченно покачал головой.

Нужно было подойти и поцеловать ее, но целовать жену после Лены он не смог. Прошел к себе в комнату, открыл ноутбук. На следующей неделе ему предстояло делать доклад в городской Думе, и каждое слово в докладе должно быть проверено.

Недавняя тревога ушла, он о ней даже не вспомнил и с удовольствием углубился в работу.

29 августа, понедельник

Маша принялась опять звонить Ольге Сергеевне, едва за Павлом закрылась дверь, и даже растерялась, услышав наконец женский голос. Ей казалось, что звонить она будет до конца своих дней.

– Извините, – торопливо пролепетала она. – Я подруга Дениса Мельникова, – почему-то представляться женой Павла она не рискнула. – Можно мне с вами поговорить?

– Вы уже разговариваете, – констатировала женщина. Маше показалось, что констатировала недовольно. Впрочем, дама тут же смягчилась: – Ужасное горе. Ужасное! Мне уже рассказали.

– Можно мне с вами поговорить? – опять спросила Маша.

На этот раз дама не напомнила, что разговор уже идет, а просто согласилась:

– Говорите.

– Мы с его сестрой... Мы хотим понять, почему Дениса могли убить. – Маша почувствовала себя совершенной дурой.

– Я вас понимаю, но чем же я могу вам помочь? – удивилась Ольга Сергеевна. – Я не видела Дениску лет пять.

– Все равно, – взмолилась Маша. – Расскажите, что вы о нем помните. Пожалуйста. Ну... С кем он дружил на кафедре... С кем не

дружил.

– Если вы его подруга, вы должны лучше знать, с кем он дружил, – заметила женщина и, к Машиному удивлению, предложила: – Приезжайте ко мне сейчас, если хотите. Завтра я должна выйти на работу, а сегодня свободна.

– Спасибо, – облегченно выдохнула Маша и торопливо записала адрес.

К машине она почти бежала. Ей казалось, что, если она промедлит хотя бы немного, Ольга Сергеевна не пожелает ее видеть. И Маша всю оставшуюся жизнь будет мучиться оттого, что не узнает чего-то очень для нее важного.

И пусть она не уверена, что тайна смерти Дениса тянется из давней кафедральной склоки, но ей было необходимо понять, что действительно тогда произошло и какое отношение ко всему этому имеет Павел.

Нужный дом оказался высоченным недавно построенным одноподъездным зданием. Маша вошла в подъезд вместе с двумя парнями, не обратившими на нее никакого внимания, поднялась на нужный этаж, позвонила в обитую светлыми дубовыми панелями дверь.

Ольга Сергеевна открыла сразу и оказалась совсем не такой, какой Маша ее представляла. Ей казалось, что она разговаривает с почтенной дамой, руки у дамы должны быть холеными и непременно в перстнях.

Никаких колец на пальцах Ольги Сергеевны не было. А сама она оказалась высокой, худощавой и очень веселой. Маша непроизвольно заулыбалась, глядя в широко распахнутые голубые глаза. Глаза были редкими, по-настоящему голубыми, как будто нарисованными.

– Подружка Дениса! – воскликнула Ольга Сергеевна и тут же вспомнила, что повод для встречи нерадостный. – Ужасное горе! Несчастный мальчик.

– Меня зовут Маша. – Маша прошла за хозяйкой в комнату, где рядом с огромным чемоданом на диване и стульях были разложены блузки, платье и шорты.

Вещей было так много, как будто хозяйка не жила дома несколько лет. Впрочем, не исключено, что так и было, Маша о женщине ничего не знала.

– В Португалии была, – объяснила хозяйка, освобождая для Маши место в большом кресле. – Хотите чаю?

– Нет, – отказалась Маша. – Спасибо.

Ольге Сергеевне было лет сорок с небольшим, и она относилась к тем редким людям, рядом с которыми жизнь отчего-то кажется простой и прекрасной. Маша знала еще только одного такого же человека – собственную тетю Лену.

– У Дениски родители живы? – Хозяйка пристроилась на краешке дивана, покосилась на чемодан.

– Нет, – сказала Маша. – Только сестра.

– Я вчера прилетела, – вздохнула Ольга Сергеевна. – И вчера же мне Светочка позвонила. Рассказала про Дениса.

– Это она дала мне ваш телефон.

Хозяйка взъерошила рукой короткие волосы и опять покосилась на чемодан.

– Ольга Сергеевна, – торопливо начала Маша. Она мешала женщине, но сейчас Маше было не до деликатности. – У вас на кафедре вышла какая-то некрасивая история. Пожалуйста, расскажите мне.

– Зачем? – не поняла Ольга Сергеевна и с удивлением посмотрела на Машу. – Этой истории сто лет.

Она даже удивлялась по-особенному, с непосредственной искренностью. Но смотрела на Машу при этом внимательно.

– Не знаю зачем, – призналась Маша. – Понимаете... Что-то произошло на кафедре, и Денис попал в аварию. А потом...

– На кафедре произошло то, что происходит везде. Самая обычная история. И Дениса, кстати, это почти не касалось. – Женщина нахмурилась и неожиданно сделалась старше, чем была минуту назад. – Удалось получить деньги на проведение некой работы. Деньги были неплохие. Не очень большие, но и не маленькие. Нужно было создать рабочую группу и заниматься только данной тематикой, но руководство поступило, как поступают все. Размазали сумму на всех, и работы на эти деньги стали вести и по другим темам тоже. И это правильно.

Ольга Сергеевна отодвинула лежавшую рядом голубую блузку и откинулась на спинку дивана.

То, что она всю жизнь преподавала, чувствовалась. Женщина говорила понятно и доходчиво. Еще чувствовалось, что происшедшее несколько лет назад ее до сих пор волнует.

– Чтобы выходить на рынок с любым предложением, нужно иметь научный задел. А задела не будет, если хотя бы минимальное время по теме не работать. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Маша.

– Поэтому руководство и старалось вести несколько разработок одновременно. И потом. Сегодня тендер выигрывается по одной теме, завтра по другой. А платить людям нужно постоянно. Хороший специалист не будет сидеть на ставке преподавателя. Он найдет себе другую работу. Конечно, руководство старалось спецов сохранить. Короче говоря, проверка показала нецелевое использование денег.

Женщина замолчала, и Маша не выдержала:

– И что?..

– Руководство получило по шапке, – усмехнулась Ольга Сергеевна. – Слава богу, не посадили никого и не затаскали. Мне тогда предложили перейти в отраслевой институт, и я перешла. Еще несколько человек разошлись кто куда. Я тогда Денису предлагала уйти со мной, но он взял время подумать. Вот и все.

Маша понимала, что нужно уходить. Хозяйке завтра идти на работу, и у нее наверняка еще куча дел.

– Ольга Сергеевна, а Павел Бессонов имел к этому всему отношение? – не удержалась Маша.

– Паша? – Ольга Сергеевна сощурила глаза, потом захлопала ресницами. Она снова стала молодой и веселой. – Понятия не имею. Я молодых людей вообще плохо знала. С Денисом я работала, а с другими нет. С Денисом мы два года работали по одной теме и, кстати, сделали блестящую работу. Хотя... Паша относился к той группе, которая больше всех от этого выиграла. На кафедре велись параллельные разработки, и у него шансов против того же Дениски было немного. Зато его работа велась официально, по договору, и когда альтернативные разработки прикрылись, конкурентов у него не стало. Не столько у него, конечно, сколько у его научного руководителя.

Что еще спросить, Маша не представляла. Она простилась с хозяйкой, спустилась к машине, посидела, положив руки на руль. И

почему-то не могла отделаться от мысли, что Ольга Сергеевна знает больше, чем рассказала.

Впрочем, не исключено и другое, у Маши просто начинается психоз. Мания заговора или что-нибудь в этом роде.

Настроение испортилось сразу и надолго. Кира еле смогла досидеть до вечера.

Она обрадовалась, увидев вызов Николая. Отвернулась от двух ожидающих мастеров клиенток и пропела:

– Привет!

– Кира, – произнес недовольный голос. – Мне придется уехать на пару дней.

– Куда? – холодея, глупо спросила Кира.

– Да... Тут недалеко. В Подмосковье. Но каждый день туда мотаться я не смогу. У них софт упал, думаю, разберусь за пару дней.

– Ладно, – ответила. – Звони.

Он ее бросил, это было очевидно. Зазнобило, захотелось в горячую ванну, а потом спать. Проспать бы несколько суток. А потом проснуться и больше о нем не помнить.

Одну клиентку позвала Марина, вторую забрал косметолог.

Кира уткнулась в компьютер, тупо посмотрела на показывающую комплекс упражнений для груди девушку. У Киры с грудью было все в порядке, но несложную гимнастику она любила и минуту назад за красиво двигающейся девушкой смотрела с интересом. Сейчас девушка показалась идиоткой.

И все-таки хорошо, что она сейчас на работе. Дома наверняка захотелось бы что-нибудь разбить.

От маникюрши вышла дама, почему-то с брезгливостью посмотрела на свои ногти. Села в кресло, потрясла ручками.

Нужно было немедленно начать нахваливать длинные бледные ногти, но язык не слушался. Дама еще помахала пальчиками, дотронулась одним ногтем до губ, сочла, что лак высох. Неохотно поднялась, хмуро посмотрела на Киру, Кира постаралась улыбнуться, нажала кнопку, отпирая даме электронный замок входной двери.

«Нужно уметь справляться с трудностями, – прозвучал в голове голос бабушки. – Нужно думать не о том, какая ты несчастная, а о том, как выйти из положения».

Кире очень просто выйти из положения. Она жила одна много лет и дальше будет жить одна. Ей не привыкать.

К тому же у нее есть очень важное дело, она должна найти убийцу брата.

Кира поморгала, потому что слезы, несмотря на все ее старания, подступали. Достала из сумки носовой платок, осторожно промокнула глаза.

Денис удивился, увидев фотографию Надежды. Удивился и забыл об этом? Возможно и такое, ему нужно было думать, как жить дальше.

Прежнему Денису неразгаданная загадка покоя бы не дала, но брат наверняка не был прежним.

Господи, ну почему она не прибежала к нему сразу же, как только услышала, что он в Москве!

Стрелки часов, висевших на стене, двигались так медленно, что Кира несколько раз сверяла время по компьютеру. Особенно тяжело дались последние двадцать минут, когда в салоне остались только она и уборщица Зиля.

– Зиля, округляйся, – крикнула Кира. – Я спешу.

Кричать было трудно, губы не слушались.

Молчаливая Зиля звякнула ведром, через минуту появилась, попрощалась, и Кира наконец вышла на улицу.

Чуда не произошло, ей никто не посигналил. Она медленно побрела к метро и остановилась, только когда прямо перед ней возникла женская фигура.

– Привет! – удивленно сказала Аля.

– Привет, – кивнула Кира. – Что ты здесь делаешь?

– Игрушки сыну покупала. – Аля кивнула на дверь большого детского магазина.

Девочки из салона магазин хвалили, выбор игрушек и одежды здесь был действительно большой, почти такой же, как в центральном «Детском мире», только цены значительно демократичнее.

– А... – равнодушно протянула Кира.

– А ты?

– Что?

– Ты что здесь делаешь?

– Работаю, – пожала Кира плечами.

– Послушай. – Аля покусала губы. – Давай не будем ссориться. Ну зачем нам?

– Давай не будем. – Кире было все равно, можно ссориться, можно не ссориться, какая разница...

– Ты куда сейчас?

– Домой.

– Я тебя подвезу. Я на машине.

– Не надо, – отказалась Кира. – Я живу у бабушки. Не по пути.

– Отвезу, садись, – наверное, подруге действительно хотелось помириться.

Она и в детстве не любила портить отношения. Аля любила всем нравиться.

Тащиться на метро не было никаких сил, и Кира села в светлую машину.

– Мы поссорились с Денисом задолго до аварии, – неожиданно сказала Аля, уже сворачивая по подсказке навигатора к бабушкиному дому.

– Я знаю, – буркнула Кира.

– И... Это он со мной порвал, не я с ним.

Признаваться в этом Але было противно. Но ведь это правда. Денис выскочил от нее не попрощавшись, когда они ссорились из-за его тяги к справедливости. И потом не звонил две недели.

Кира в это не верила, помнила, каким убитым был брат перед проклятым ДТП. Впрочем, сейчас все это не имело никакого значения, и она промолчала. Тупо заболела голова, говорить было лень.

– Зайдешь? – все-таки спросила Кира, когда машина остановилась.

– Зайду на минутку.

Кира не знала, чего хочет больше, остаться одной или, наоборот, не оставаться одной. Тишина бабушкиной квартиры, о которой она мечтала всю вторую половину дня, сейчас показалась пугающей.

Квартирку подруга оглядела с недоумением. Оно и понятно, ремонт здесь не делался лет двадцать.

– Чаю хочешь? – Кира плюхнулась на диван, вытянула ноги.

– Нет, спасибо. – Аля уселась на стул, тронула рукой альбом с фотографиями.

Альбом был раскрыт на том самом месте, где его открывал брат.

– Ты права, я виделась с Денисом...

Не хватало только сейчас выслушивать, как брат продолжал любить Альку, несмотря на ее замужество.

– Знаю! – отрезала Кира. – Я все знаю про своего брата, говорила же уже! Я все знаю про Дениса, про тебя и...

Она чуть не выпалила «и про вашу любовь», но слово «любовь» к подруге Але не подходило. Она не любила Дениса.

Подруга посмотрела на нее, отвела глаза, снова посмотрела.

– Мне тебя очень жалко, – вздохнула Аля. – Ты совсем одна.

– Я не одна! – рявкнула Кира. Почему-то Алины слова показались оскорбительными. – Я не одна, и нечего меня жалеть! Лучше о своих проблемах подумай!

Подруга продолжала сидеть непонятно зачем, Киру это даже удивило.

– Если нужна помощь, звони, – вздохнула Аля.

Опять строит из себя сердобольную!

– Мне не нужна помощь!

– Как там следствие? Подозреваемые есть?

– Не знаю!

Аля слегка отодвинула альбом, покачалась на стуле и поднялась.

– Ладно, я пойду.

– Пока.

Кира не шевельнулась и только через несколько минут вышла в прихожую запереть дверь.

Потом она долго лежала в ванне, а сразу после этого заснула. Проснулась часа через два и больше уже не спала. Она плакала и ничего не могла с этим поделать.

«Она знает!» – стучало в мозгу. По всему выходило, что Кира знает Алину тайну, иначе не намекнула бы на Алины проблемы.

Думать об этом было так страшно, что Але пришлось посидеть в машине, чтобы успокоиться.

Хорошее настроение, радовавшее с утра, исчезло напрочь. А радоваться было чему, утром позвонила Юлька и захлеб начала рассказывать, что Костина Девка, как выяснилось, отбывает за границу. Будет учиться в аспирантуре в Лондоне, ну и, конечно, потом там останется. Не дура же, чтобы возвращаться.

Аля сначала очень обрадовалась, а потом подступила грусть. Во-первых, очевидно, что Лондон Девке устроил Костя. Она что, семи пядей во лбу? Титан ума? Если такая умная, могла бы и здесь неплохо устроиться, а торчала в государственной конторе. Конечно, зарплаты там неплохие, но это они для руководящего состава неплохие, а для рядовых сотрудников очень даже скромненькие.

Было обидно. Получалось, что Аля обычная домохозяйка, а Девка успешная деловая женщина.

Ну а самое главное, Девка ускользала от Алиной мести. Как можно отомстить чужой женщине, Аля не представляла, но сама мысль о том, что Девка когда-нибудь ей заплатит, помогала Але пережить ужас прошедших месяцев.

Еще, конечно, смущало, что Юлька знает то, чего ей знать не стоило, и может когда-нибудь распустить язык, но тут Аля понимала, как нужно действовать.

– У тебя ведь родственница болеет? – вспомнила Аля. Юля как-то рассказывала, что то ли тетке, то ли бабке предстоит операция. Аля тогда только поморщилась – нужны ей чужие проблемы! А теперь вспомнила.

– Да, – насторожилась Юля.

– Давай встретимся, – предложила Аля. – Я хочу помочь твоей родственнице.

Встретились в кафе, как обычно, и Аля положила на стол завернутые в бумагу сто тысяч. Можно было дать и пятьдесят, для Юльки все равно сумма неплохая, но Аля никогда не мелочилась.

Подруга должна все понять правильно.

Кира вконец испортила хорошее настроение. Бог ей судья.

Зазвонил телефон, Аля полезла в сумку, ответила мужу.

– Ты где гуляешь? – шутливо спросил Костя.

Вообще-то мужу в последние дни было не до шуток. Ему было грустно, Аля хорошо это видела.

Он был грустным из-за Девки. Господи, сколько же горя принесла Але эта мерзавка! Убила бы, если бы не боялась попасть в тюрьму.

– С Кирой встречалась, – объяснила Аля. – Мне так ее жалко, она совсем одна.

– Кира это...

– Это сестра Дениса. Помнишь, я на похороны ходила?

– Может быть, ей нужны деньги?

– Конечно, нужны. Я дала сто тысяч, – вздохнула Аля. С деньгами получилось удачно. Конечно, Костя ее счета не проверяет, да у него и доступа к ним нет, но мало ли что. – Она совсем одна, получает мало. Я понимаю, сумма большая, но это из тех денег, которые папа мне на день рождения подарил. Ты не возражаешь, Костенька?

– Аленька, это твои деньги, – с небольшой заминкой ответил Костя. – Ты можешь делать с ними, что хочешь.

Сумма мужу не понравилась. Они с Костей похожи, настоящие муж и жена, ей бы тоже не понравилось, заплати Костя сто тысяч какому-нибудь дружку.

– Ты скоро приедешь?

– Скоро, – пообещала Аля. – Через полчаса.

– Лесю отпустить?

– Не надо. Ты с работы, устал. Пусть дождетя меня.

– Отпущу, – решил муж. – Ты и Данила – мой отдых. Посторонние мне не нужны.

Аля убрала телефон в сумку, положила руки на руль. У нее прекрасный брак, и она никому не даст его разрушить.

30 августа, вторник

– До чего же неохота на работу, – пожаловался Павел.

Он преувеличивал, работа была важной частью его жизни. Не менее важной, чем Маша.

– Терпи, – засмеялась Маша. – Зарабатывай денежки.

Он опаздывал, торопливо ее обнял, Маша потерлась о гладкую, только что выбритую щеку.

И неожиданно почувствовала, что ненавидит Тополева. Мерзкие слова встали между ней и мужем, и она ничего не могла поделать с отвратительным чувством ненадежности всей ее отлично выстроенной жизни.

Маша заперла за мужем дверь, допила кофе и торопливо оделась. Нужно было позвонить Кире, но звонить она не стала, а спустилась вниз, поехала к подруге и позвонила уже в дверь.

Кира открыла не сразу, только после второго звонка.

– Разбудила? – виновато спросила Маша.

– Ничего, – буркнула Кира. – Заходи.

Подруга выглядела ужасно. Маше хотелось ее обнять, но она этого не сделала, Кира снова от нее отдалилась. Теперь, наверное, уже навсегда.

– Тебе Тополев оставил визитку... – начала Маша.

– Да. – Кира подошла к окну, отвернулась от подруги.

– Можно я ее сфоткаю?

– Да возьми совсем, – равнодушно бросила Кира. – Мне-то она зачем?

Ничего конкретного Маша от этой встречи не ждала, но неожиданно почувствовала себя окончательно брошенной. Совсем одинокой, несмотря на мужа, родителей, любимую тетю и еще многих людей, с которыми ей всегда было приятно видеться.

– В тумбочке посмотри, в прихожей, рядом с ключами.

Ключей в ящике не оказалось, а визитку Маша нашла.

– Я ее тебе верну.

– Да не нужна она мне! – Подруга так и стояла, глядя в окно.

Маша помялась, попрощалась и закрыла за собой дверь.

Визитку она рассмотрела, сидя в машине. Адреса на бумажном прямоугольнике не было, только название фирмы. Так же, как и на той визитке, которую Тополев сунул Маше на похоронах. Маша достала телефон, принялась искать сайт фирмы. Сайт фирма имела и контакты, к счастью, не скрывала. Физический и юридический адреса совпадали.

Улицы, указанной в контактах, Маша не знала, но навигатор показал, что находится адрес всего в двадцати минутах езды.

Доехала она даже быстрее, за восемнадцать минут. Остановилась рядом с высоким офисным зданием и принялась ждать. Вход в здание был метрах в пятнадцати за решетчатым забором. Рядом служебная стоянка. Если Тополев ездит на машине, она его точно не поймает. В здание входили и выходили, кто-то шел прямо на стоянку, кто-то проходил мимо Маши. Маша через стекло вглядывалась в мелькающие лица.

Покидать машину не хотелось, машина словно защищала ее от чего-то опасного, подстерегающего в окружающей действительности. Но Маша все-таки выбралась из удобного сиденья, захлопнула дверь, вошла на офисную территорию, поднялась на крыльцо.

Мимо проходили мужчины и женщины, на нее никто не обращал внимания.

Мужчин было заметно больше. Маша вспомнила давний разговор, бабушка тогда смеялась, недоумевая, куда деваются мужчины. Маша только поступила в институт, и родители отмечали это событие. «У нас в институтской группе было всего четыре девочки, – рассказывала бабушка, – а на работе у меня мужиков можно было по пальцам пересчитать».

Времена изменились, теперь можно по пальцам пересчитать женщин и удивляться, куда они деваются. Это действительно казалось странным, поскольку из всех Машиных подруг не работала одна Аля.

Впрочем, судя по табличкам, висевшим у входа, здесь находились фирмы преимущественно технического направления, а техника девушек не слишком привлекает.

Маша прислонилась спиной к высоким перилам, продолжая вглядываться в проходящих мужчин. Дважды вышел покурить молодой человек в белой рубашке и черных брюках, наверняка охранник. Во второй раз внимательно посмотрел на Машу, Маша отвела глаза.

Она простояла около часа, потом начала прогуливаться по дорожке, ведущей к стоянке. Территория была ухожена, вдоль дорожки росли крупные розы. Около одной вился шмель.

Маша в очередной раз развернулась у входа на стоянку и почти уперлась в грудь мужчине. Сергею Тополеву.

– Привет, – удивился он. Она не ожидала, что он ее узнает.

– Привет, – кивнула Маша и не дала ему себя обойти. – Я тебя жду.

– Чем обязан? – Глаза у него сделались насмешливые и какие-то усталые. Глаза, между прочим, были красивые, серые, под длинными черными ресницами.

– Кончай, – поморщилась Маша. – Знаешь, чем обязан.

Он вздохнул, тронул ее за руку и предложил:

– Я иду обедать. Приглашаю. Ресторан рядом, и неплохой.

– У вас нет столовой? – Маша кивнула на здание.

Тополев странно на нее действовал, она становилась несчастной перепуганной студенткой рядом со строгим преподавателем и от этого очень на себя злилась.

– Столовая есть, – объяснил он, – но я предпочитаю ресторан.

И снова потянул Машу за руку, она послушно пошла рядом.

Ресторан действительно был совсем близко, в соседнем здании. Тополев провел ее через стоянку, срезав путь, открыл перед ней дверь, подвинул стул у столика в углу.

– Советую солянку и мясо. – В меню он не заглянул.

– Давай. – Маша махнула рукой.

Ей действительно захотелось есть, она даже не завтракала.

Тополев сделал заказ молодому официанту и принялся искоса поглядывать на Машу.

– Почему ты назвал Павла подлецом? – вздохнула она. – Говори, я не отстану.

Произошло странное, она перестала чувствовать себя перепуганной. Даже наоборот, теперь ей казалось, что это он здорово ее стесняется.

– Послушай, я был с похмелья. У меня погиб друг. Я был неправ и приношу свои извинения.

– Прекрати! – Маша дождалась, когда перед ними поставят тарелки и, когда официант отошел, заговорила тише: – Сказала же, что не отстану!

Он молча ел солянку, не глядя на Машу. Она тоже попробовала суп, суп оказался вкусным, и она так же молча его доела.

Официант поставил перед ними мясо. Кусок был огромным, она наелась бы четвертью.

– Сережа, я тебя прошу. – Маша дотронулась до его руки. – Я тебя прошу!

Он вздохнул и отодвинул руку. Она не обиделась.

– Павел написал донос на руководство кафедры?

Тополев с удивлением на нее посмотрел.

«Точно, – с тоской подумала Маша. – Я угадала».

– Нет, – покачал он головой. – Заявление написала Ксюша Сорокина.

– Ксюша Сорокина была девушкой Павла и он имел на нее большое влияние?

Сергей мог не отвечать, ответ Маша знала.

– Я жалею, что ляпнул тогда лишнее. Правда, жалею. – Он наконец посмотрел на нее прямо. – Забудь, никто ничего не знает наверняка. Я тоже не знаю.

– Но Денис думал именно так?

– Денис думал именно так, – устало подтвердил Сергей. – Но это не значит, что он был прав. Мы видели Ксюшино заявление... Как мы смогли его раздобыть, рассказывать не буду, это неважно. В общем, раздобыли. Через несколько месяцев после того, как заявление было написано. Денис тогда вскипел, хотел встретиться с Павлом. Но... Короче, вечером случилась та авария.

Аппетит пропал начисто, но Маша заставила себя отрезать новый кусочек мяса, положила в рот.

– Если ты счастлива в браке, никого не слушай, – неожиданно посоветовал Тополев. – Это большое счастье – хороший брак. Не у всех получается.

У него не получилось, поняла Маша.

– Ты ходишь обедать сюда, чтобы обедать в одиночестве? – подумав, спросила она.

– Да, – не удивился он. Мог бы и удивиться, девушки не часто проявляют чудеса догадливости.

Павел тоже любит обедать в одиночестве, а не в компании коллег.

– Спасибо. – Маша поднялась, решив не заговаривать об оплате обеда. Тополев директор фирмы, ему по средствам угостить ее мясом.

Ей нужно было сейчас же, немедленно, остаться одной.

Подруга ушла, и Кира наконец оторвалась от окна. Она ждала звонка Николая весь вчерашний вечер, и ночью ждала, и сейчас продолжала ждать, и точно знала, что телефон не зазвонит.

Навалилась противная мутная вялость. Кира подумала, не лечь ли снова спать, но сделала по-другому. Заварила чай, заставила себя сжевать бутерброд с сыром. Сырная нарезка в открытой заводской упаковке валялась в холодильнике давно, и тонкие пластинки сыра успели заветриться с краев.

Потом она заставила себя залезть под душ, понимая, что никакой душ ее не взбодрит. Протерла запотевшее зеркало тряпочкой, взгляделось в собственное лицо. Лицо как лицо. Если накраситься, можно превратиться в красавицу, но краситься Кира не стала. Не для кого.

Надела джинсы, кофточку, огляделась в поисках листка бумаги. Можно было не оглядываться, бумаги в доме не было.

Кира купила школьную тетрадку в клеточку в газетном киоске у метро. Заодно купила шариковую ручку.

Народу у билетных касс почти не оказалось, и в вагоне электрички почти никого не было. Кира села у окна, достала из сумки тетрадь, написала печатными буквами: «Я знаю, что твоя сестра жива». Оторвала листок от тетради, потом сложила лист пополам и оторвала часть с текстом.

Записку сунула в карман джинсов, тетрадь положила опять в сумку. Хотела посмотреть, который час, но вспомнила, что оставила телефон дома. Ну и хорошо, а то опять бы напряженно ждала звонка.

«Пятерочку», в которой работал Надеждин брат Вася, она нашла быстро. Скоро она выучит городок как свои пять пальцев.

Кира вошла в магазин, повертела головой. Знакомой кассирши, с которой они с Машей общались в прошлый раз, не было.

За кассой скучала женщина средних лет и сладко зевала, прикрывая рот ладошкой. Женщина была очень полная, с волосами в мелких кудряшках, весело посмотрела на Киру и опять зевнула.

И охранника, которого они видели в прошлый раз, не было. На стуле, стоявшем в углу зала, сидел, хмуро глядя прямо перед собой, Василий Федосеев.

Кира быстро отвернулась, подошла к аптечному киоску, пристроившемуся рядом с входной дверью, принялась разглядывать коробочки с лекарствами, изредка поворачивая голову. К счастью, долго ждать не пришлось. Василий потянулся так же сладко, как и кассирша, зевнул, поднялся со стула.

Кира опять повернулась к витрине, пропустив подошедшего к киоску пожилого мужчину с палочкой. Дед заговорил с провизоршей, Кира покосилась на идущего прямо на нее Василия.

Гулко застучало сердце, она опять уставилась в стекло витрины. Василий прошел мимо, постоял на крыльце за открытой стеклянной дверью, скрылся, шагнув в сторону. Пошел курить.

Кира, стараясь не торопиться, двинулась к полкам с продуктами, не задерживаясь у стула охранника, положила на сиденье заготовленный текст, подхватила магазинную тележку, остановилась у ящика с мандаринами. Женщина за кассой смотрела в книжку, старик отошел от аптечного киоска, остановился у ближайшего столика, принялся разглядывать коробочки с купленными лекарствами.

Кира покосилась на мандарины, недоумевая, кому могут понадобиться заокеанские плоды, когда именно сейчас своих фруктов полно на каждом плодовом дереве.

Василий вернулся, наклонился над стулом, взял ее листок в руку. Не читая, пошел по направлению к урне, но внезапно остановился, взгляделся в написанный текст. Кира юркнула за стойку с какими-то банками. Охранник дернул рукой, опять взгляделся в листок, разорвал его пополам и бросил в урну.

В зал он посмотрел, только снова усевшись на стул. К кассирше с вопросами не обратился, телефон не выхватил и не принялся никому судорожно звонить. Как сидел до этого, так и продолжал сидеть. Впрочем, нет, редких покупателей он оглядывал зло и внимательно.

Кира сунула в тележку бутылку газированной воды, пакетик сухофруктов. Повезла тележку к кассе, расплатилась. На Василия она не смотрела, боялась.

Сесть на лавочку, где они сидели до этого с Машей, тоже побоялась, отошла за угол, остановилась, косясь на вход в магазин.

Минут через двадцать Василий снова вышел покурить, местность при этом не разглядывал, головой не вертел. Бросил окурочок, сплюнул, опять скрылся.

Уже было ясно, что ничего из Кириной затеи не вышло. Василий не кинется немедленно к скрывающейся под чужим именем сестре и даже не начнет рыскать по окрестностям, желая выяснить, кто и зачем сунул ему угрожающую записку.

Без телефона, то есть без возможности посмотреть на часы, было непривычно. Кира принялась прогуливаться по близлежащим улицам, периодически подходя к «Пятерочке». Заглядывала внутрь, убеждалась, что Василий на месте.

Ноги устали. Иногда ей начинало казаться, что этот день никогда не кончится, но солнце все-таки покатилося к горизонту. Когда она подошла к магазину в очередной раз, у крыльца стояла инкассаторская машина.

«Если их сейчас ограбят, – равнодушно подумала Кира, – я буду первая на подозрении».

Инкассаторы вышли из магазина, загрузились в машину. Никто на них не напал.

Больше Кира от магазина не удалялась, кружила поблизости. Наконец Василий выглянул на крыльцо, постоял с минуту и запер двери. Ждать оставалось немного.

Вновь он появился откуда-то сбоку, видимо, вышел со служебного входа. Свернул к своему дому и пошел, не оглядываясь. Кира прошла за ним метров двести и наконец повернула назад, к станции.

Несколько раз она оборачивалась и в какой-то момент ей показалось, что парень остановился и смотрит на нее. Впрочем, она не была в этом уверена. Когда Кира обернулась в следующий раз, Василий уже пропал из виду.

31 августа, среда

Кира проспала. Вероятно, вчера излишне надышалась свежим загородным воздухом. Конечно, в городишке воздух не такой замечательный, как в лесу, но и не такой, как в Москве. Телефон зазвонил в неподходящий момент, она как раз натягивала брюки и одновременно отхлебывала кофе.

– Алло! – рявкнула Кира.

– Кира, здравствуйте, – пролепетал женский голос. – Это Наташа.

– Какая Наташа? – не поняла Кира.

– Подруга Дениса. Вы меня не помните?

Ну конечно. Девочка Наташа, которая даже на похороны не пришла.

– Меня родители увозили отдыхать. Мы вчера только вернулись.

– Наташа, я спешу, – вздохнула Кира.

– Убийцу не нашли?

– Нет!

– Кира, я хочу вам кое-что рассказать...

– Послушай, я правда спешу. Если хочешь, приезжай...

Кира объяснила, как найти ее салон, и помчалась на работу, не допив кофе.

Про девочку Наташу она вспомнила, только когда та действительно позвонила в дверь. Кира ее даже не узнала сразу и приняла за клиентку.

Девушка не выглядела затравленной и несчастной, как в прошлый раз. Сейчас со свежим загаром она выглядела очень даже неплохо.

Ну и молодец. Денису лучше не станет, если его девушка будет страдать всю оставшуюся жизнь.

– Чаю хочешь? – предложила Кира. – Или кофе?

– Нет, – Наташа покачала головой. – Спасибо.

И зачем-то оглядела пустой коридор.

Кира тоже посмотрела в коридор, который видела тысячу раз, и неожиданно решила, что стены выкрашены неудачно. Унылые, как в больнице.

– Кира, когда Дениса убили? Во сколько? – Наташа наклонилась над Кириным столом и заговорила почему-то шепотом.

Глаза у девушки несчастными не были. Но и радостными не были. Грустные глаза.

– Около пяти часов. – Это Кира поняла, еще беседуя с полицейскими.

Наташа вздохнула, мелко покивала головой и уставилась в стену.

– Денис отвез меня домой, но я вернулась.

– Куда? – тупо спросила Кира.

– Во двор. Я хотела узнать, с кем он будет встречаться. Понимаете?

– Нет.

Кира действительно не понимала. Денис встретился с убийцей дома, и, находясь во дворе, наблюдать встречу было проблематично.

– Я вернулась... Сначала хотела на крыльце постоять, но дождь был очень сильный. И потом... Денис мог выйти...

Все ясно, ей хотелось проследить за Денисом, но так, чтобы он не заметил.

– В общем, я села в домике на детской площадке. Я долго сидела, больше часа. В подъезд никто не заходил, только одна женщина. Она зашла и через пару минут вышла. Ну... раз так быстро вышла, значит, Денис мне не изменял. Понимаете?

– Понимаю.

– Потом дождь кончился, и я поехала домой. Наверное, надо полиции рассказать.

– Да, – кивнула Кира. – Надо рассказать.

Девочка видела женщину под зонтом, которую зафиксировала камера наблюдения.

– Может, вы сами расскажете?

– Ладно, – согласилась Кира. – Как она выглядела? Наташенька, вспомни, пожалуйста.

– Обычно, – пожала плечами Наташа. – Как все. Зонт у нее очень красивый, оригинальный, большой такой. Бордовый. А сумка бежевая. Кензо.

– Что?

– Кензо. Фирма.

– Ты так хорошо узнаешь фирмы? – удивилась Кира.

– Я прошлым летом у тети в магазине работала. Тетя сумки продает. – Наташа подумала и осторожно добавила: – Но точно я, конечно, сказать не могу. Сейчас подделок много.

– Ты узнаешь женщину, если увидишь?

– Вряд ли. Я лица не разглядела.

– Она была молодая?

Наташа неуверенно пожала плечами. Все понятно, для нее и Кира не слишком молодая.

Девушка еще постояла около Киры, потом зашла очередная клиентка, и Наташа наконец простилась.

Кира сунула руку в сумку и чертыхнулась про себя, телефон остался дома. И батарейка, наверное, уже давно села. Она наморщила лоб, напрягла память и постаралась вспомнить телефон соседа Ивана Яковлевича.

Недавно она где-то прочитала, что сейчас растет поколение с абсолютно нетренированной памятью. Кажется, исследование проводили англичане. Статья была пугающая.

Молодежь не запоминает номеров телефонов, не запоминает дорогу, потому что ездят все по навигатору. А отсутствие любой тренировки приводит к деградации нетренированных органов. То есть мозгов.

Кира еще не совсем деградировала, номер телефона вспомнила. Сосед узнал ее сразу, и у Киры отчего-то потеплело в груди.

– Иван Яковлевич, полиция соседей расспрашивала? Ну... Кто кого видел и все такое?

– Конечно, – удивился Иван Яковлевич. – Ходили по дому, расспрашивали. Только, насколько я понимаю, кроме меня, никто ничего не видел.

– Помню, – согласилась Кира. – А почему вы сказали – кроме меня?

– Потому что я видел женщину и молодого человека и сказал это полицейским. Я подъехал, когда дождь вовсю разошелся. Зонта у меня в машине не было, ну я и решил подождать. Женщина вышла из нашего подъезда и прошла прямо в метре от меня. Парень появился чуть позже, он ушел в другую сторону.

– Иван Яковлевич, пожалуйста, – взмолилась Кира. – Как она выглядела?

– Обычно, – усмехнулся сосед. – Никаких особых примет.

– Волосы длинные? Короткие?

– Не помню. Правда, не помню, Кира. Зонт у нее был красный. А волос я не разглядел. Да их и не видно под зонтом было. – Иван Яковлевич задумался и неуверенно сказал: – Почему-то она показалась мне знакомой. Наверное, живет поблизости. Но голову на отсечение не дам.

Нужно было спросить про молодого человека, но про него Кира спросить не успела. Сосед сказал сам:

– Парень тоже обычный был. В очках. Такой, знаешь... Я бы его за Денискиного приятеля принял.

Кира понимала, что Иван Яковлевич хотел сказать. Интеллигентный молодой человек в очках.

Как Николай.

Больше ничего интересного сосед не сообщил и домыслов не строил. Иван Яковлевич не девочка Наташа, умеет отличать важное от неважного. Но вешать трубку не хотелось, и она еще немного поболтала со стариком.

Вечером, запирая салон, она старалась не смотреть по сторонам и не ждать, что кто-то ей засигналит, но все равно ждала. Она положила ключи в сумку, медленно, как старушка, поплелась к метро и, сидя в пустом вагоне, чувствовала, что смертельно устала.

Приездов свекрови Аля терпеть не могла. Она бы вообще свела их к минимуму, но тогда Костя принялся бы без конца ездить к матери сам, а этого Аля не любила еще больше. Да и боялась, если честно. Свекровь Алю не любила, хоть и старалась этого не показывать, и, что она может наговорить сыну, одному Господу ведомо. Жуткая стерва!

Свекровь напросилась приехать к вечеру, когда Данилка выспится. Аля возражать не стала, к вечеру так к вечеру.

Леся с ребенком ушли гулять, Аля от скуки позвонила Юле. Ничего нового подруга не сообщила, да Аля новостей и не ждала.

Правильно она сделала, что не пожалела ста тысяч. Вроде бы разговор шел как всегда, но это только на первый взгляд. В Юлькином голосе слышалось такое желание угодить, что Але впервые за последнее время стало по-настоящему весело.

Впрочем, веселье быстро прошло, мысль, что Кира знает то, чего ей знать нельзя, пугала до оупения. Аля действительно словно переставала соображать.

Позвонил Костя, Аля заворковала в трубку:

– Костенька, я так рада, что ты позвонил. У тебя все нормально?

– Все нормально, – засмеялся Костя. – Я соскучился.

От счастья перехватило дыхание, даже слезы выступили.

Господи, как много ей пришлось пережить! Костя долгих четыре месяца не звонил, чтобы сказать, что соскучился.

Темная полоса в ее жизни проходила, но Аля еще боялась полностью в это поверить. Господь редко раздает радости пригоршнями.

Вот беда точно одна не приходит, Аля это на себе испытала. Навалилось все сразу: Костина Девка, встреча с Денисом... Теперь вот Кира.

Позвонила мама, Аля вяло с ней поболтала. Сказала, что вечером приедет свекровь, мама попросила передать привет. А про Алино здоровье даже не спросила, хотя вчера Аля пожаловалась, что жутко болит голова. Голова у Али болела от неприятностей, но мама-то этого не знала. Впрочем, Аля давно привыкла мать прощать.

Леся и Данила вернулись с прогулки. Няня накормила и уложила ребенка, и Аля ее отпустила. Незачем свекрови устанавливать контакты с нянькой, чем меньше знает, тем лучше.

Домофон тренькнул, когда Данилка проспал полтора часа.

Аля отперла дверь, улыбнулась выходящей из лифта Костиной матери, шепотом предупредила:

– Тише! Еще спим.

Свекровь приехала с новыми игрушками, Аля игрушки похвалила. Как будто они с Костей сами не знают, что нужно купить сыну!

В свекрови раздражало все. Но особенно Аля ненавидела ее за слова, сказанные, когда Данилка только родился.

– Совсем не похож на Костю, – разглядывая крошечное личико, заявила только что состоявшаяся бабушка. – Совсем не похож!

Аля тогда выхватила у нее Данилку и даже не стала фотографироваться на крыльце роддома.

Костя в тот раз мать резко оборвал, но дома Аля все равно долго плакала, и он терпеливо ее утешал.

У нее замечательный муж, и она никому его не отдаст.

С тех пор, конечно, многое изменилось, и свекровь наверняка не раз пожалела о своих словах – Аля умела тонко и ненавязчиво тот случай припомнить. Случаев было несколько, но один Але особенно нравился. Свекровь переживала, что Аля долго не делала прививок ребенку, и рассказывала про какую-то родственницу, которая когда-то едва не скончалась от кори.

– Даня не в вашу родню, – пожала плечами Аля. – У него другие гены.

– Ну почему не в нашу, Алечка? – начала заискивать свекровь. – Он очень похож на мою маму, только глазки другие.

Аля опять пожала плечами и отвернулась, но заметила, конечно, как у женщины лицо начало гореть красными пятнами, а в глазах появились самые настоящие слезы. В следующий раз свекрови придется хорошо подумать, прежде чем сказать Але какую-нибудь гадость.

– У нас сегодня очень вкусное мясо, – предложила Аля.

Свекровь не успела ответить, прислушалась, глупо заулыбалась – послышался Данилкин голосок.

Аля в таких случаях всегда проявляла такт и сейчас дала бабке наиграться с внуком, закрылась у себя в комнате и лежала, глядя в потолок. Думала.

Робкая надежда, что свекровь уберется раньше, чем придет Костя, не оправдалась. Услышав шум открывающейся двери, она вскочила, бросилась в прихожую, прижалась к Косте.

– Устал?

– Немного. – Муж ее поцеловал, подхватил сына, кивнул матери: – Привет.

Вообще-то Костя был с матерью скуповат на слова, но Аля знала, он о матери беспокоится и к ее мнению прислушивается. В какой-то степени это понятно, мать вырастила его одна. О Костином отце ни сам Костя, ни свекровь никогда не говорили, словно его и не было никогда.

Но Аля знала и другое, папа Костину анкету проверил тщательнейшим образом. И с отцом Кости было все в порядке. Во всяком случае, он точно не был уголовником, как Денис. Иначе папа никогда не позволил бы ей выйти замуж за Костю.

Про проверку Аля узнала случайно, подслушала разговор родителей. Тогда это ее ужасно возмутило, сейчас она понимала, про близких надо знать абсолютно все. Здесь мелочей не бывает.

Аля быстро накрыла на стол, усадила Данилку, сама села скромненько, рядом с ребенком.

Разговор шел вялый, совсем не такой, как обычно бывает при папе.

– Тебя отвезти? – спросил Костя мать.

– Не надо. Вечер хороший, пройдусь пешком, – отказалась свекровь и задумалась. – Не представляю, что будет, когда снимут маршрутки.

– Берите такси, – предложила Аля. – Мы вам будем платить за транспорт. Правда, Костя?

– Что ты, Алечка! – опешила свекровь. – Не надо. Я работаю, мне вполне хватает.

– Да, но такси стоит дорого!

– Ничего. – Свекровь отчего-то нахмурилась. – Мне хватит и на такси.

– Обещают новые маршрутки пустить, – заметил Костя.

– Едва ли их пустят в таком же количестве.

Таких разговоров Аля терпеть не могла. Нормальные люди не говорят о маршрутках. Нормальные люди не ездят на метро. Папа ездит, но это все-таки понт, и все это понимают.

Свекровь еще поиграла с внуком, потом Костя пошел ее проводить.

Вечер действительно был хорош, и, стоя у окна, Аля пожалела, что отпустила Лесю и теперь невозможно погулять вдвоем с Костей.

Маше казалось, что она больше не думает про давно прошедшие события. Она знала главное – Павел ее любит и никогда не сделает ей ничего плохого. А остальное не имеет значения.

Она убрала квартиру, приготовила обед, почитала новости в Интернете. Позвонила Лена, Маша поболтала с тетей.

Ничего особенного Лена не рассказала, но, положив трубку, Маша почувствовала, что безмятежное настроение отчего-то испортилось.

Она снова прошла по квартире, обняла большую панду, всегда валявшуюся на диване, и забралась с ногами в кресло.

Панду подарил Павел. Они еще не были женаты, поехали однажды кататься на велосипедах на Машиной даче, и Маша ухитрилась свалиться в овраг. Она хорошо помнила, как Павел бежал к ней, с хрустом ломая валявшиеся под ногами ветки, и с испугом, а потом с радостью смотрел на нее, и нес ее на руках, хотя она вполне могла идти сама.

Там, в лесу, у него на руках Маша и поняла, что у нее не может быть жизни без Павла. Она тогда даже заплакала. Она заплакала от этого открытия, а Павел думал, что от страха или боли, и целовал исцарапанные Машины руки. А потом, уже дома, мазал царапины йодом, потому что никаких других дезинфицирующих средств на даче не оказалось.

Панду он привез ей на следующий день, и Маша поняла, что всю жизнь о ней мечтала, и удивлялась, что не знала этого раньше.

– Выходи за меня замуж, – сказал тогда Павел. – Выйдешь?

Маша ничего не ответила, только прижалась к нему, и это было самым ясным ответом.

Сидеть с пандой было уютно и даже не скучно. Маша покосилась на часы – Паша должен приехать с минуты на минуту, и неожиданно поняла, какая мысль, связанная с Леной и ужасно неприятная, все время ускользала.

Если он мог поступить так с кем-то, он может поступить так с тобой.

Это было давно, задолго до того, как Маша встретила Павла. Мама болтала на кухне с заскочившей на часок подругой, тут как раз Лена оказалась поблизости и тоже забежала повидать сестру и племянницу.

Женщины пили чай, смеялись, до Маши долетали обрывки разговоров.

Мамина подруга рассказывала, как человек, с которым она встречалась уже несколько лет, наконец отсудил у бывшей жены часть имущества. Теперь у него есть свое жилье и они наконец-то смогут пожениться.

История с судебной тяжбой длилась давно, и даже Маша знала, что полностью законных прав на заявленную часть имущества у человека не было. Ну а по совести, никаких прав не было, поскольку имущество, хоть и приобреталось в браке, приобреталось на деньги жены. Сам мужчина получал значительно меньше.

Мама и Лена помалкивали, подруга радовалась. Наконец подруга простилась. Маша вышла на кухню, взяла со стола грушу и спросила:

– Что вы такие хмурые? Не рады за тетю Инну?

Мама пожала плечами, а Лена вздохнула:

– Если он мог поступить так с одной женщиной, то может поступить так и с другой.

– Но Инну он любит! – удивилась Маша.

– Поступки человека определяются не любовью, а порядочностью.

Они заговорили о чем-то постороннем, но фраза Маше запомнилась. Кстати, любимый человек на Инне так и не женился, бросил ее через пару месяцев после того разговора.

Зашуршал замок. Маша вскочила, выбежала в прихожую, прижалась к Павлу.

Когда-то бабушка, смеясь, говорила, что с голодным мужчиной не нужно разговаривать. Совсем и ни о чем. «Сначала накорми, потом начинай пилить», – учила бабушка.

Маша сделала все вопреки бабушкиному совету.

– Паша, пожалуйста, поговори со мной, – попросила она.

– Давай, – улыбнулся муж, перебросил панду на диван и сел в кресло. Подумал и похлопал по подлокотнику – садись сюда.

Маша не послушалась, села на диван.

– Ты виделся с Денисом перед аварией?

– Перед какой аварией? – опешил Паша. – Перед...

– Да, – кивнула Маша.

Павел тогда был на даче у своих родителей, это Маша помнила отлично. Он уехал на дачу, что-то там нужно было сделать такое, где требовалась мужская сила. А Маша скучала в Москве и утром позвонила Кире, чтобы скучать не одной. Тогда и поняла, что с Денисом случилось что-то страшное.

– Нет, – ответил Павел, глядя ей прямо в глаза. Смотрел он так, что Маша заерзала.

– Я тебе все прощу, Паш, абсолютно все! Но я хочу знать правду!

– Послушай! Сколько можно меня мучить? – Он резко поднялся и заходил по комнате. – Ну что ты хочешь узнать?! Что?! Я подстроил ему аварию? Нет! Я нанял киллера, чтобы подстроить ему аварию? Нет! Еще что я мог сделать, отчего он попал в тюрьму?

– Паша, я понимаю, все это глупо, – залепетала она. – Но ты не хотел говорить со мной про то, что произошло на кафедре...

– О, господи! – Он посмотрел на потолок, словно надеялся увидеть там Бога. – Мне уже обрыдло об этом говорить! Понимаешь?

Павел еще прошелся к окну и обратно и снова сел в кресло.

– Что ты хочешь узнать? Ничего особенного на кафедре не произошло! Люди сражались за деньги. Люди сражаются за деньги всегда и везде. Бились не мы с Денисом, бились акулы науки, нас к деньгам и так никто не подпускал. Победила группа, в которую входил я. И все! Понимаешь?

– Паша, у тебя была девушка на кафедре? Ксюша?

– Была. – Он закрыл глаза, словно не мог больше видеть Машу. – У меня была девушка Ксюша. Девушке Ксюше очень хотелось меня заполучить, и я не возражал. Мне было все равно. Потом я встретил тебя и сразу сказал об этом девушке Ксюше. Я не обманывал тебя ни одного дня!

Он послал Ксюшу куда подальше, потому что встретил Машу.

Если он мог поступить так с кем-то, он может поступить так с тобой...

– А сейчас с ней что? – почему-то не могла остановиться Маша.

– Понятия не имею!

– Тебе не было ее жалко?

– Было! – Павел встал с кресла и наклонился над Машей, опираясь руками на спинку дивана. – Мне было ее жалко, но я полюбил тебя, и нас с тобой мне было еще жальче. Допрос окончен?

– Окончен. – Маша уткнулась ему в грудь. – Пойдем ужинать.

Он обнял ее за плечи и немного постоял, слегка покачиваясь.

Паша обычный человек, он не ангел и не святой, и она должна любить его со всеми слабостями. И Маша любила.

Только любовь перестала быть светлой, на ней появилось темное пятнышко.

1 сентября, четверг

Полдня Кира просидела, уткнувшись в компьютер. Сначала пыталась найти Вику Федорову в социальных сетях, но безрезультатно. Слишком много было Федоровых, за полвека всех не пересмотришь.

Потом попыталась вытянуть хоть какую-нибудь информацию, задав поисковику адрес Вики. Тоже безрезультатно, не открылась ни одна левая база, не порадовала прописанными по данному адресу.

Что можно сделать еще, Кира не представляла. Вздохнув, оторвалась от компьютера, запустила стиральную машину, заглянула в холодильник и отправилась в магазин.

Навстречу пробежали две девчушки лет семи с огромными белыми бантами в волосах.

«Сегодня первое сентября», – вспомнила Кира.

Неожиданно захотелось позвонить Маше, поболтать просто так, ни о чем. Кира даже остановилась, чтобы достать телефон, но вспомнила, что телефон который день валяется дома.

Народу в супермаркете было немного, Кира побросала в тележку готовых замороженных полуфабрикатов, лоточек с клубникой, несколько яблок.

За яблоками хорошо бы съездить на дачу, наверняка весь участок уже покрыт нападавшими плодами.

«Съезжу в ближайшее же время», – пообещала себе Кира.

Клубника оказалась невкусной. Совсем не такой, как с грядки. Кира без удовольствия сжевала несколько ягод, остальное убрала в холодильник.

За окном раскричались воробьи. Кира подошла к окну, посмотрела во двор, воробьев не увидела.

Оглядела себя в зеркало и решительно спустилась вниз.

К бывшему подъезду Вики Федоровой она подошла по совершенно пустому двору. Ни мамочки с коляской, ни какой-нибудь тетки с бульдогом. В этой пустоте было что-то жутковатое, но Кира не позволила себе испугаться.

Она уже давно ничего не боялась.

Домофон Викиной соседки, с которой Кира беседовала в прошлый раз, ответил сразу, и она торопливо заговорила в микрофон.

– Здравствуйте. Я по поводу Вики Федоровой. Помните, мы с вами разговаривали...

– Заходите, – перебила соседка, и тут же запиликал открывшийся замок. – Заходите.

Это было удивительно, но подъехавший лифт выпустил тетку с бульдогом. Бульдог лениво переваливался с боку на бок, тетка дергала его за поводок.

Старая соседка поджидала Киру у открытой двери, а рядом с ней стояла девушка. Высокая, скромно и дорого одетая девушка с великолепной стрижкой. Стрижку Кира сразу отметила.

Старушка радостно заулыбалась Кире, а девушка улыбнулась насмешливо.

– Вот, Вика, – показав на Киру, объяснила женщина. – Тебя тут спрашивали.

– Здравсте, – выдавила Кира.

Девушка ласково и насмешливо кивнула.

Вика была похожа на свою сестру Надю, только смотрелась бы перед подмосковной девочкой барыней. А сестра Надя соответственно дворовой девкой.

У Киры никогда не получалось смотреться хозяйкой жизни, даже прежде. Впрочем, она ею никогда и не была.

– Вика в Англии учится. – Женщина с любовью оглядела молодую соседку. – Только приехала – и сразу ко мне!

– Разве я могла к вам не зайти, Вера Сергеевна, – снисходительно улыбнулась Вика и опять перевела взгляд на Киру.

– Я по поводу вашей сестры... – начала она.

Вика посмотрела куда-то мимо Киры и неожиданно сказала, обращаясь к соседке:

– Вера Сергеевна, мне пора. С девушкой мы по дороге поговорим.

– Ты когда уезжаешь-то? – заволновалась старушка. – Ты загляни до отъезда, Вика.

– Обязательно. – Вика наклонилась, поцеловала соседку, соседка поцеловала Вику.

В лифте Кира молчала. Рядом с Викой она чувствовала себя совсем убогой. Жаль, уже не спросить у бабушки, были ли в их роду крепостные.

Выйдя из подъезда, Вика обвела глазами двор, направилась к стоявшей под кустами боярышника лавочке, достала сигарету, закурила.

– Чем вас заинтересовала моя сестра?

– Совсем недавно убили водителя, который ее сбил, – осторожно начала Кира. – Следствие рассматривает разные версии.

– А... – равнодушно протянула Вика.

– Ваша сестра была беременна, – вздохнула Кира. – Вы знаете, кто отец ребенка?

– Господи, как я ненавижу эту страну! – медленно выдохнула Вика. – Как я ее ненавижу!

Она метко бросила окурочек в урну, откинулась на спинку, вытянула ноги.

– У меня болела мама, – с горечью сказала Вика. – Надька мне вроде как помогала. Помогала-помогала – и увела моего парня. Забавно, да? Я маму похоронила, а она мне сказала, что беременна от Валерки. – Вика помолчала и выдохнула: – Подлая страна!

– Страна здесь ни при чем, – не выдержала Кира.

– Жалко, что ее нет больше, Надьки! Валера никогда бы на ней не женился, нужна ему дура деревенская! А у меня теперь все хорошо. Я выхожу замуж за англичанина и никогда больше сюда не вернусь!

У девушки с милым славянским лицом и великолепной стрижкой, наверное, действительно все было хорошо, но Кире стало ее жаль.

Даже больше жаль, чем себя. Хотя у Киры не было ни европейского образования, ни жениха, ни перспектив сытой заграничной жизни.

– Скажите, Вика, – попросила Кира. – А Валера?..

– Валера живет вон в том подъезде. – Вика поднялась, показала на дверь около большой арки. – Четвертый этаж, восемьдесят шестая квартира. Но он уже несколько лет как женат.

Больше она ничего не сказала, развернулась и быстро, почти бегом, помчалась к арке.

Кира не стала ее догонять.

За последние годы Кира видела много и горя, и подлости, и предательства. Но так противно, как сейчас, ей, пожалуй, не было никогда.

Девушка Вика за все свои несчастья возненавидела страну.

Кира тоже ненавидела весь белый свет. И за этой ненавистью не замечала, что есть люди, которые всегда ей помогут. Близкие люди, которых она оттолкнула.

Маша, например.

Кира тяжело поднялась, толкнула ногой маленький камешек, валявшийся около лавки. Камень откатился сантиметров на двадцать и замер.

Вики на улице уже не было. Кира спустилась в метро и поехала домой.

Анатолий Михайлович привыкал к двойной жизни. Лена давала ему чувство постоянной радости, и даже когда ее не было рядом, ему хотелось шутить и улыбаться.

Лена не была первой его любовницей, он и раньше, хотя и нечасто, изменял жене. Но в тех случаях он точно знал, что эти его связи – временные, и женщины, с которыми он был близок, ничего, в общем-то, для него не значили.

С Леной все было не так. Потерять Лену было так страшно, что он даже подумать об этом боялся. Он и не думал. Он слышал ее голос в телефонной трубке и радовался. Он обнимал ее и замирал от счастья.

Сегодня он смог вырваться с работы на несколько часов раньше обычного.

– Лен, я уже освободился, – доложил он, выходя из здания министерства, куда наведалься просто так, поболтаться по коридорам, разведать обстановку.

Держать руку на пульсе было необходимо. В министерстве шли постоянные войны, власть попеременно переходила от одной группировки к другой, и следить за кадровыми изменениями было важнейшей задачей. Если он, конечно, не хотел, чтобы его

предприятие в результате этих войн совсем погибло. А он этого не хотел.

– Я опять у сестры, – расстроилась Лена. – Что же ты раньше не предупредил?

Ехать до ее дома от дома сестры было не меньше часа.

– Сам не знал, – покаялся он и предложил: – Давай к сестре зайду. И вместе к тебе поедem.

Это было неправильно, он мог встретить на улице жену или дочь, но желание видеть Лену немедленно было нестерпимым.

Она опять возилась с цветами, опять ее руки были в перепачканных землей перчатках, и она отодвигала их в стороны, чтобы не испачкать Анатолия Михайловича.

– Нужно вызвать такси, – предложила Лена, но ему было жаль тратить время на дорогу.

Ему хотелось сидеть рядом с ней, и держать ее за руку, и смотреть на нее, а не на спину водителя. К тому же сейчас в городе самые пробки.

– Давай лучше в ресторан сходим, – предложил он.

Она не возражала, она смотрела на него восхищенными глазами, а потом потерлась губами об отросшую за день щетину. Он сунул руку ей в волосы, отодвинул голову, заглянул в глаза.

– У тебя неприятности?

Никто не заметил бы, что ей грустно. Только он один.

– Нет, – вздохнула она. – Все в порядке. Так... предчувствие какое-то нехорошее.

– Ты плохо себя чувствуешь? – насторожился он.

– Я чувствую себя отлично, – улыбнулась она. – Все хорошо, Толя.

В предчувствия Анатолий Михайлович не верил. Он поверил в них потом, через несколько дней.

Солнце припекало совсем по-летнему. Лена посмотрела на солнце, смешно наморщила нос, улыбнулась от удовольствия. Он воровато оглянулся и не удержался, чмокнул ее в волосы.

– Пойдем здесь, здесь короче, – потянула она его к проходу между соседними домами.

Он покорно пошел за ней. Вообще-то к метро и от метро он всегда ходил только по улице, не ища короткого пути в чужих дворах, как

будто чужие дворы были некоей запретной территорией. Возможно, психолог определил бы у него какой-нибудь комплекс.

– Ты знаешь, что здесь жили Кира и Денис? – кивнула Лена на выкрашенный светлой краской тяжелый сталинский дом.

– Нет, – поморщился он. Ему не хотелось слышать ни о Кире, ни о Денисе.

Ему хотелось радоваться жизни, он заслужил это право.

– Я сюда тысячу раз прибегала разыскивать девчонок. Они почему-то всегда играли в этом дворе.

Он промолчал, покосился на расколотый, по-видимому, совсем недавно, тополь. От тополя была отломана добрая половина, излом ствола казался совсем свежим.

«Недавняя гроза», – понял Анатолий Михайлович. В Москве тогда поломало кучу деревьев. Кто-то даже погиб, кажется.

– Дениса убили во время грозы, – неожиданно сказала Лена. – Маша сама слышала, как полицейские это обсуждали.

– Лен, давай не будем о печальном, – попросил он.

– Давай, – улыбнулась она. – Прости.

Он давно не был в ресторане с Леной, и ему показалось, что время повернуло вспять и он помолодел на несколько лет.

Потом он пошел проводить ее до метро и опять не удержался и обнял ее прямо среди обтекавшей их толпы.

Домой он шел медленно и опять зачем-то прошел через двор, где жили раньше подруга дочери и ее брат. Маленький магазинчик «Фермерские продукты» смотрел во двор единственным окошком, а рядом курила полная дама в идиотском кокошнике на голове. Продавщица, наверное.

Машина Виктора Семеновича обогнала его, когда он только вышел из чужого двора.

– Садись, – открыл ему дверь Виктор.

– Спасибо, – Анатолий Михайлович плюхнулся на сиденье. Ему хотелось пройтись, но сосед мог обидеться.

– У нас шлагбаум собираются ставить, слышал? – покосился на него Виктор.

– Слышал, – кивнул Анатолий Михайлович. – Да что толку-то? Опять сломают.

Шлагбаум однажды уже ставили. Думали, что парковаться будут только свои, а на самом деле во дворе все равно торчали чужие машины, непонятно как проникающие на запретную территорию.

– Черт знает что! – возмутился Виктор.

– Охранника надо сажать.

– Так ему платить надо!

– А что делать?

– Нет, это черт знает что! Машину поставить невозможно! Чужие заезжают, а своих места нет. Я вон Альку твою в самую грозу видел! Помнишь, гроза была недели две назад? Деревьев еще кучу наломало. Так она шла под самым дождем. Машину надо ставить у подъезда, а не ходить к ней через весь квартал. А мы ходим, и в дождь, и в снег.

– Где ты ее видел в грозу? – равнодушно спросил Анатолий Михайлович. То есть надеялся, что спросил равнодушно.

– Да как раз у того дома, где тебя сейчас подцепил. А до ее дома ведь дальше, чем до нашего. Жалко, я на другой стороне улицы был. Пока развернулся, она уже ушла.

Анатолий Михайлович не сразу вызвал лифт. Зачем-то постоял, не нажимая кнопку вызова.

Он боялся себе признаться, что смущало его, когда он в последний раз смотрел на свое оружие. Его смущало неясное чувство, что из пистолета недавно стреляли.

Патроны он не пересчитал, выбросил вместе с пистолетом. Не пересчитал, потому что боялся пересчитать?

«Я начинаю сходиться с ума», – осадил себя Анатолий Михайлович и вызвал лифт.

Его единственная трудность – это совместить семью и Лену, напомнил он себе. Об этом и надо думать.

2 сентября, пятница

Кира проснулась рано и на работу пришла рано, за десять минут до открытия салона.

Про телефон опять забыла и запоздало расстроилась, что не догадалась сфоткать Вику. Вике не было никакого смысла убивать Дениса, но проверить, не ее ли видела во дворе Наташа, стоило.

Она вытащила из принтера чистый лист бумаги, достала шариковую ручку, принялась водить ею по белой поверхности.

Стрижку Кира изобразила сразу, даже припомнила, что слева волосы казались длиннее. А над лицом пришлось помучиться.

Рисовать нужно было карандашом, но карандаша у Киры не было.

Марина проводила клиентку, заглянула в Кириный рисунок.

– Здорово, – похвалила подруга. – Кто это?

– Так, – отмахнулась Кира и догадалась. – Марин, подежурь минуточку, я к киоску сбегаю.

Газетный киоск был рядом, за углом дома. Продавалась там какая-то ерунда, которую, по мнению Киры, нормальный человек даром не возьмет, и, проходя мимо, она каждый раз удивлялась, что киоск еще существует.

Слава богу, киоск еще существовал и работал. Убогие детские игрушки соседствовали с тубиками клея, стопкой лежали книги в бумажных обложках. Кира купила набор карандашей, забавный ластик в виде арбуза и детский альбом для рисования. Напоследок кинула взгляд на витрину и неожиданно заметила, что игрушки не такие уж убогие. Нормальные игрушки, и куколочки нормальные, и динозавры, и машинки.

Просто она слишком долго смотрела на мир через кривое зеркало, и поэтому мир казался ей уродливым.

Она и дальше продолжала бы видеть только уродство, если бы не узнала себя в Вике.

Рисунком Кира осталась довольна часа через два, теперь Вика была хорошо узнаваема.

Киру в детстве учили рисовать. Бабушка возила ее в художественную школу, учительница Киру выделяла и хвалила и утверждала, что у девочки настоящий талант.

Наверное, талант нужно было развивать, но сидеть с красками Кире не нравилось, ей нравилось играть с подружками во дворе, и из затеи сделать из нее художницу у родителей ничего не вышло.

Вообще-то рисовать Кира любила. Но не по заданию, а просто так, для себя. Когда-то у нее в комнате не было ни одной неизрисованной бумажки.

Она ни разу не взяла в руки карандаш с тех пор, как арестовали брата.

Не терпелось позвонить Наташе, но телефона под рукой не было, а номера Кира не помнила. Пришлось ждать вечера, и Кира терпеливо

ждала. Ей терпения не занимать.

К половине восьмого салон опустел. Зиля мыла пол, переходя из комнаты в комнату. Кира кричала ей, спрашивала про сынишку. Зиля недавно устроила ребенка в детский сад и очень этому радовалась.

– По-русски будет хорошо знать, – улыбалась Зиля. – Умный вырастет.

Зиля всему радовалась. Тому, что такую хорошую работу нашла. Салон убирать нетрудно, а зарплату никогда не задерживают. И люди хорошие, не обманут.

Вот муж у нее отработал на стройке полгода, а заплатили только за два месяца. Теперь и ему повезло, в жэк устроился.

«На родину, конечно, хочется, – вздыхала Зиля, – но на родине совсем работы нет. А в Москве хорошо».

В дверь зазвонили, когда Зиля наконец перестала греметь ведром. Кира, различая за стеклом неясную фигуру, нажала кнопку замка и отпрянула, потому что мужчина вошел быстро и зло и сразу навис над ней.

– Ты какого черта телефон выключила? – прошипел Николай.

– Сам выключился, – пожала плечами Кира и почувствовала, что подступают слезы.

Он взял ее одной рукой за плечо, потряс и отпустил.

– Я чуть с ума не сошел! – Он уселся в кресло для посетителей и провел рукой по лицу.

– Не преувеличивай! – не поверила Кира. – Мы знакомы всего две недели.

– Мы знакомы две недели, – повторил он и поднял на Киру глаза. Глаза у него были красные, уставшие. – Но ты мне нужна. Очень.

– Я думала, ты меня бросил, – призналась она. Почему-то ей нестыдно было в этом признаваться.

– Ты что, дура? – удивился он.

Кира пожала плечами – дура так дура.

Появилась Зиля, с тактичным любопытством посмотрела на Николая, улыбнулась Кире, ушла.

– Вставай, – сказала Кира. – Пойдем, поздно уже.

Он поднялся, схватил ее за плечо, развернул и прижал к себе.

– Я боялся, что с тобой что-то случилось, – прошептал он ей в ухо. – Я боялся, что ты начнешь работать следователем и сунешь нос

куда не надо.

Девушку Вику предал парень и предала собственная сестра. Киру тоже когда-то предал парень, и она думала, что больше никогда никому не поверит.

– И тебе некого станет жалеть?

– Да, – серьезно ответил он.

– Скажи еще, что я тебе нужна, – попросила Кира. Слезы все-таки потекли, но она не могла их вытереть, потому что Коля обнимал ее вместе с руками.

– Ты мне нужна. Ты мне очень нужна.

Он продолжал прижимать ее к себе, и Кире не было видно его глаз.

– Ты сделал, что было нужно? Ну... из-за чего тебе пришлось уехать?

– Сделал. – Он отпустил Киру и пробурчал: – Но у тебя был отключен телефон, и это мешало мне работать.

Он появился странно и как раз тогда, когда у нее убили брата. Она должна была очень настороженно к нему относиться.

Кира вытерла глаза пальцами.

– Ты мне верь, – неожиданно сказал он, но Кира не удивилась. Она удивилась бы, если бы он этого не сказал.

– Я тебе верю, – вздохнула Кира. – Я буду тебе верить, даже если ты меня обманешь.

– Я тебя не обману, – пообещал он.

Кира достала из ящика стола ключи, пропустила его вперед, заперла дверь и подергала ее для верности.

Николай потянул ее к машине, машина на этот раз стояла за углом дома.

– Надина сестра жива-здоровая, – доложила Кира, пристегиваясь. – Я с ней разговаривала. А ребенок у Нади от сестринского парня. Вика, во всяком случае, так считает.

– Бывает, – прокомментировал Коля.

– Что бывает? – уточнила Кира. – Подлость?

Он пожал плечами – называй как хочешь.

Дальше они ехали молча, но Киру это не смущало. Он устал и перенервничал, ему не хочется разговаривать, и она будет относиться к этому с пониманием.

Дома она первым делом воткнула телефон в сеть и сразу набрала Наташу.

– Я тебе сейчас рисунок скину, – сказала Кира. – Наташ, ты подумай, могла это быть та девушка под зонтом? Просто твои ощущения. Это она или не она?

Наташа перезвонила минут через десять.

– Не она, – не совсем уверенно решила девушка. – Эта вроде как худенькая, а та такая была... Не толстая, но и не худая. Обычная. И потом, я вспомнила, у той волосы длиннее были. Волосы светлые, пониже плеч.

– Версия себя не оправдала? – усмехнулся Николай, наблюдая за ее переговорами.

– Не оправдала, – подтвердила Кира. – Но это ничего, я буду думать над другими.

Больше он ни о чем не спрашивал. Он обнял ее, Кира прижалась к нему и впервые почувствовала, как хорошо находиться в старой бабушкиной квартире.

«Ни за что ее не продам», – пообещала себе Кира и больше не думала ни о чем, только о том, что губы у Коли сухие и обветренные и ей это очень нравится.

3 сентября, суббота

Анатолий Михайлович проснулся среди ночи и больше заснуть не смог. То, что вчера еще казалось ему дурным сном, бредом, тем, что никогда не может с ним произойти, ночью показалось реальностью.

Сейчас он больше всего жалел, что выбросил пистолет и не пересчитал патроны, и мучительно хотел вернуться в ту минуту, когда после убийства Дениса достал оружие.

Ему показалось тогда, что из пистолета стреляли. Просто он знал, что такого не могло быть, и не обратил внимания на собственные ощущения.

Время тянулось медленно. Анатолий Михайлович встал, выпил несчетное количество чашек чая. Лучше было бы выпить водки, но голова ему нужна была ясная.

Встала жена, он перебросился с ней обычными словами.

Наконец часы показали девять, Анатолий Михайлович закрыл дверь своей комнаты и позвонил дочери.

– Иди к нам немедленно! – тихо сказал он, услышав недовольное «алло».

– Что?

– Иди к нам, – медленно повторил он. – Одна. Мне нужно с тобой поговорить.

– Что случилось, папа? – встревожилась Аля.

– Ты немедленно придешь сюда одна, или я сейчас приду к вам! Поняла? Только будет лучше, если Костя не услышит нашего разговора.

– Да что случилось? – Она начала по-настоящему злиться.

– Придешь – узнаешь!

То, что дочь начала злиться, успокаивало.

Она не боялась. Наверное, у него действительно едет крыша.

Она примчалась быстро, через несколько минут. Ненакрашенная, с небрежно склотыми на затылке волосами. Он давно не видел дочь без макияжа и прически, и она показалась ему беззащитной, слабой, случайно брошенной в тяжелый водоворот жизни маленькой девочкой.

– Кать, у нас секретный разговор, – улыбнулся он жене, пропуская Алю в свою комнату.

Жена засмеялась, ушла на кухню. Он прикрыл дверь. Постоял и сел в компьютерное кресло, стоявшее у письменного стола.

Аля непонимающе смотрела на него, закусив нижнюю губу. Потопталась и села в другое кресло, напротив.

Она смотрела на отца с обидой и удивлением. Он не видел никакого страха.

«Я идиот», – констатировал Анатолий Михайлович.

– Тебя видели во дворе Дениса в момент убийства, – отвернувшись от дочери, произнес он и тут же быстро на нее посмотрел.

Лена зачем-то рассказывала ему все, что знала от Маши про убийство. Слушать ему не хотелось, но он слушал.

Аля побледнела сразу, мгновенно. Побледнела так, что даже губы стали казаться синими. У него тоскливо потянуло сердце. Он еще надеялся, что сейчас она все ему объяснит, и вместе с тем уже не верил, что то страшное, что он даже боялся до конца сформулировать, окажется простым недоразумением.

Он смотрел на дочь, которая сильно сжала губы, а потом так же сильно сцепила пальцы, и чувствовал жуткую, непереносимую усталость.

Анатолий Михайлович взял ее одной рукой за плечо, заглянул в глаза. Глаза Али показались ему пустыми, как у куклы.

– Я пересчитал патроны, – соврал он. – Рассказывай!

Она метнулась глазами влево, стараясь уйти из-под его взгляда.

Он видел, она еще судорожно придумывала, что ему соврать. И так же точно видел, что врать ей не хочется. Ей хочется свалить с себя страх и ужас и сделать так, чтобы за нее думал кто-то другой.

Думать придется ему, больше никому.

– Он меня шантажировал, – наконец прошептала дочь.

– Кончай! – поморщился Анатолий Михайлович. Ему еще трудно было привыкнуть к новой реальности, и он как будто балансировал на тонкой границе между прежней и новой жизнью. – Чем Денис мог тебя шантажировать?

Он произнес это и неожиданно понял. В Даниле не было ничего от Кости. Абсолютно ничего.

У Кости черные волосы и скошенные по-монгольски глаза. Данилка был светлым, как одуванчик.

Денис не был блондином, но темноволосым он был еще меньше.

– Данила сын Дениса?

Почему-то ему было противно смотреть на дочь, и он отвел глаза.

Она мелко закивала.

Когда она сказала Денису, что у них будет ребенок, она соврала. Тогда она еще не знала, что ребенок действительно будет. Через несколько дней ложь оказалась правдой.

Она долго не знала, Дениса это ребенок или Кости. Только когда Данила родился, сомнения отпали. Стерва-свекровь права, от Кости там ничего не было.

– Откуда он узнал, что это его сын?

Все это не имело значения, спрашивать нужно было о другом, но Анатолий Михайлович цеплялся за ненужные вопросы. Перейти к главному ему было страшно.

Аля судорожно вздохнула, и он опять понял, как все было на самом деле.

– Он знал об этом еще до... тюрьмы?

Она опять мелко закивала, и неожиданно он вспомнил, как они с женой ждали ее на даче, а она все не ехала и телефон у нее не отвечал. Она появилась поздно, часов в двенадцать, приехала на электричке, и они с матерью долго ей выговаривали, чтобы не болталась одна по ночам. Они говорили, а дочь угрюмо молчала, а потом надолго заперлась в ванной.

Через несколько дней он узнал от жены, что Денис той ночью совершил наезд.

Почему он раньше не сложил два и два?

Потому что с дочерью все было в порядке, а на Дениса ему было наплевать.

– За рулем была ты? – обреченно спросил Анатолий Михайлович.

Она опять резко вздохнула и опять решила не врать. Промолчала.

Аля устала от страха. Она ни в чем не была виновата, а судьба загоняла ее в угол.

Денис приехал к ней мириться. Он говорил, как устал без нее, а Аля дулась и всерьез решала, кого окончательно выбрать, его или Костю.

Она до сих помнила удовольствие от тайного знания, что судьба Дениски в ее руках. Будет так, как она решит.

Потом он повез ее на дачу, и она, как обычно, пересела за руль, когда отъехали от Москвы. Прав у нее тогда не было, а водить машину Аля любила.

И скорость она любила, и любила дразнить Дениса, нарочно нарушая правила.

Почему-то с Костей она никогда так себя не вела.

Она не поняла, откуда прямо перед бампером появился темный силуэт. Она еще какое-то время не понимала, почему Денис рвет у нее руль и почему его лицо мгновенно стало серым.

– У нас будет ребенок, – прошептала Аля, когда мотор наконец заглох. Где-то рядом на дороге лежало тело, и она боялась выйти из машины. – Денис, у нас будет ребенок!

Господи, как ей было тогда страшно! Так страшно ей не было, даже когда она нажимала на курок в квартире Дениса.

Страх отступил, только когда она очутилась на даче. Вернее, нет. Страх уменьшился, когда Машка рассказала, что Дениса задержали, и совсем исчез, когда потом та же Машка рассказала, что Денису дали несколько лет.

– Он хотел видеть Данилу, – прошептала дочь.

– Естественно, – кивнул Анатолий Михайлович. – Я бы тоже хотел тебя видеть, если бы тебя у меня отняли.

– Что мне было делать? Папа, что мне было делать? – Аля подняла на него несчастные глаза, в глазах стояли слезы.

Смотреть на нее не было никаких сил, и Анатолий Михайлович посмотрел в окно.

По небу быстро перемещались облака, ветер дул с запада. Долго стоит тепло в этом году.

Анатолий Михайлович знал, Костя очень любит Данилку. Но... Черт его знает, как он поступил бы в такой щекотливой ситуации.

Дочери было что терять. Не факт, что ей удастся найти мужа перспективнее Кости.

– Денис хотел на тебе жениться? Чего он хотел?

Анатолий Михайлович посмотрел на дочь, она опять начала кусать губы.

– Сделать генетическую экспертизу, – наконец выдавила Аля.

Нужно было жалеть себя, в крайнем случае ее, но Анатолий Михайлович неожиданно пожалел Дениса. Парень сломал себе жизнь из-за его дочери. Угробил родных. Можно ли его осуждать за то, что он хотел видеть собственного сына?..

Аля закрыла лицо руками. Почти невозможно объяснить папе, что выхода у нее не было. Костя был слишком радостным, когда приходил по вечерам от Девки. Он бросил бы Алю, если бы не Данила.

Анатолий Михайлович опять посмотрел на облака.

– Тебя кто-нибудь видел?

– Нет. – Она правильно поняла вопрос. – Никто. Шел дождь, я... пряталась под зонтом. Даже в подъезде.

Черт... В многомиллионном городе невозможно подойти к подъезду незамеченным. Анатолий Михайлович вспомнил магазинчик «Фермерские продукты». Нужно узнать, есть ли там камера.

И в квартире она наверняка оставила следы.

Черт, черт, черт! Странно, что за ней уже не пришли!

Не пришли, потому что вообще о ней не знают? Кира не рассказала, что когда-то у Дениса была невеста? Скорее всего так.

– В чем ты несла пистолет?

– В сумке.

– Понимаю, что не в кармане! Пистолет был завернут?

– Да. – Она мелко кивала, как старая бабка. Анатолий Михайлович не мог на нее смотреть. – Он был в пакете. В целлофановом.

Ей нужно было достать пистолет. Не при Денисе же она это делала. Нужно было опять спрятать пистолет после выстрела. В сумке наверняка остались следы пороха.

– Где сумка?

Она кивнула в сторону прихожей.

– Сумку нужно немедленно выбросить. Но только так, чтобы это не казалось странным. Нянька может заметить. Сумка дорогая?

Это он спросил зря. Дочь не берет в руки недорогих вещей.

– Придумай, как выбросить сумку. Сломался замок, порвалась... Не знаю. Придумай! Поняла?

Она опять мелко закивала.

– И кофточку, в которой была, нужно выбросить. И тоже так, чтобы у няньки не было вопросов.

– Хорошо, папа. А зонт я уже выбросила. Сразу.

Облака продолжали нестись по небу, и это отчего-то раздражало.

– Все! – сказал Анатолий Михайлович. – Иди!

Але хотелось подойти к отцу. Ей было необходимо, чтобы он погладил ее, как маленькую. Ей необходимо было услышать, что все

обойдется.

Господи, как он может быть таким жестоким?

Аля потопталась и тихо вышла.

Послышался голос жены, дочь что-то ответила. Хлопнула входная дверь.

Анатолий Михайлович закрыл глаза и неожиданно отстраненно подумал, захочется ли ему видеть Лену, когда весь этот ужас останется в прошлом.

Сейчас видеть Лену не хотелось. Он этого даже боялся.

От недавней любви не осталось ничего. Сейчас ему было не до любви.

Странно, Кира знала, что совершенно счастлива, а все равно было грустно.

– Мне нужно домой съездить, – сказал утром Коля.

Ему обязательно нужно было съездить домой, ему просто не во что было переодеться.

– Одевайся. Поедем.

– Нет, – покачала головой Кира.

– Почему? – не понял он и даже, кажется, обиделся.

– У меня дела, – объяснила Кира.

Он обиделся и поэтому помолчал. Он скучал по ней, он жутко психовал, потому что у нее не отвечал телефон, и ему казалось, что ее, ершистую и незащищенную, кто-нибудь обидел. Раньше у него не было потребности защищать знакомых девушек, девушки казались ему вполне способными сами себя защитить. Наверное, потому что к ним он не испытывал такой щемящей жалости, как к Кире.

Прежние эффектные девушки были чужими, несмотря на максимальную близость. А уставшая бледная Кира – своей.

Он спешил к ней, а она ему даже не рада.

– Какие дела? – все-таки выдавил он.

– Мне нужно встретиться с подругой.

Кира взяла пустую тарелку, которую он отодвинул. Завтрак она организовала простой и привычный – яичницу. Кира поставила тарелку в мойку, а мыть не стала – лень.

– Коля! – Она села за стол напротив него и прямо на него посмотрела. – Знаешь, чего мне хочется больше всего?

– Нет, – усмехнулся он. Он еще продолжал обижаться. – Откуда же мне знать?

– Мне хочется за тебя замуж, – вздохнула Кира и уточнила: – Это я не для того говорю, чтобы ты мне предложение сделал, а просто чтобы знал.

– Это можно организовать, – улыбнулся он.

Он перестал злиться.

Она не должна ему верить, такого не может быть, чтобы чужой мужчина зависел от ее настроения.

Она все равно ему верила.

– Я ненадолго, – пообещал он, поднимаясь.

– Ладно, – сказала Кира.

Он наклонился, поцеловал ее в уголок рта, как будто они прожили вместе десять лет. Кира не выдержала и крепко к нему прижалась.

– Я буду тебя ждать, – вырвалось у нее.

– А то поехали вместе.

– Нет, – отказалась она. – У меня дела.

Кира посмотрела из окна, как он подошел к машине. Хотелось, чтобы он посмотрел на окно, а она помахала бы ему рукой, но на окно он не посмотрел. Ну и ладно.

Машина уехала, и Кира взяла телефон.

– Маш, – спросила Кира, – ты не занята сейчас?

– Нет, – сказала подруга. Голос у нее звучал безучастно, непривычно, но Кира не обратила на это внимания. – А что?

– Давай встретимся.

– Зачем? – с заминкой спросила Маша. Теперь ей не хотелось встречаться с подругой, но Кира и на это не обратила внимания.

– Просто так. Или у вас с Пашкой дела?

– Он на работе.

– Вот здорово! – обрадовалась Кира. – Приезжай ко мне.

– Мне надо к родителям, – задумалась Маша. – Их уже две недели нет, мы с Леной по очереди цветами занимаемся. Давай там встретимся.

Кире было все равно. Так даже лучше, ей до смерти захотелось в свой старый район, в родительскую квартиру. Нужно позвонить в полицию, спросить, когда можно будет начать там жить.

Маша доехала быстрее, у нее машина, и живет она ближе. Когда Кира позвонила в дверь квартиры, в которой они в детстве провели массу времени, подруга с цветами уже справилась.

– Кира, – зачем-то спросила Маша, – когда случилась авария, Денис ехал к Москве или за город?

– Из Москвы. – Кира вздохнула. – Я Альку обвиняла, что это из-за нее все случилось. Ну, что она Денису подлянку какую-нибудь сказала, вот он и запсиховал. Но это я зря, он не от нее ехал, к ней. Алька тогда с родителями на даче жила. Кто-то еще его сильно разозлил.

– А я ведь узнала, что там на кафедре произошло. Обычная мерзкая история с дележом денег. Денис к этому отношения не имел.

– Я это сразу тебе говорила.

Маша оглядела напоследок квартиру и предложила:

– Пойдем, посидим где-нибудь.

– Давай, – согласилась Кира и тоже поделилась: – А я все узнала про Надю Федосееву. Сначала я вообще думала, что умерла не она, а ее сестра...

Кира рассказывала, как опять ездила в подмосковный город, а потом искала сестру погибшей девушки и впервые за долгое время показалась себе прежней, давней, когда любила смеяться с подругами и придумывать развлечения, за которые ей потом здорово попадало от родителей.

Ей несладко пришлось в последнее время, но она не будет ненавидеть ни страну, ни человечество.

– Господи, кошмар какой! – прокомментировала Маша историю с Надеждиной беременностью.

– Мерзость, – кивнула Кира.

– Хоть бы нашли убийцу, – запирая дверь, вздохнула подруга.

– Я сама найду! – уверенно заявила Кира. – Буду всю жизнь искать, но найду.

Версий у нее больше не было. Коля появился очень уж странно, но Коле она верила и всегда будет верить. Даже если он ее бросит.

– Давай через мой двор пройдем, – предложила Кира.

Подруги свернули направо, прошли между домами. У входа в маленький магазин стоял высокий мужчина, разговаривал с девушкой в синем кокошнике.

– Алькин папа? – посмотрев на мужчину, с сомнением предположила Кира.

Мужчина и девушка были далеко, в другом конце двора.

– Похож, – кивнула Маша.

– Подойдем?

– Да ну, – отмахнулась подруга. – Может, это и не он. Я его уже сто лет не видела.

Кира тоже сто лет не видела отца бывшей подруги.

– Слушай, а давай к Альке ходим! – неожиданно пришло Кире в голову. – Ты знаешь, где она живет?

– Вроде бы где-то рядом, – улыбнулась Маша. – У меня адрес записан. Я раньше собиралась к ней в гости, но я ей не очень-то нужна.

– Я ей нужна еще меньше, но в гости мы к ней ходим! – засмеялась Кира.

У метро кафе и рестораны располагались вплотную друг к другу. Подруги сели за стоявший прямо на тротуаре столик под полосатым тентом. Едва ли тепло продержится долго, нужно его ценить.

Собирались выпить кофе, а заказали по куску мяса. Кира съела его быстро и с удовольствием, а Маша половину отодвинула – аппетита у нее не было.

Анатолий Михайлович понимал, что прежняя его жизнь кончилась и началась другая жизнь, но до конца поверить в это еще не мог. Надо было позвонить Лене, соврать что-нибудь, чтобы не ждала его в ближайшие дни, но он не мог заставить себя это сделать.

– Катя! – крикнул он жене. – Я пойду пройду. Купить что-нибудь нужно?

– Нет, Толенька. – Жена появилась мгновенно, прислонилась к дверному косяку, ласково ему улыбнулась.

Он уже забыл, когда ходил по магазинам, она умела организовать быт и всегда создавала ему максимальные удобства.

Все-таки жена у него умница, о разговоре с дочерью не спросила. Неожиданно Анатолию Михайловичу сделалось страшно не за Алю и не за себя, и даже не за внука, а за жену.

– Не хочешь погулять? – спросил он, точно зная, что жена откажется.

Она была упорной домоседкой. Если нужно было куда-то ехать, проходила только несколько шагов до такси и от такси. Так было уже давно, смолоду.

Катя не работала ни одного дня. Она пришла к нему на практику вместе с небольшой группой студентов. Времена тогда были трудные, ужасные, денег у предприятия не было, договоров тоже. Анатолий Михайлович, который был тогда просто Толей, пропадал на работе сутками. Они пытались наладить выпуск гражданского ширпотреба и наладили, выплыли. Тогда мало кто выплывал.

Студенты в то время были ему на фиг не нужны, только под ногами путались, но директор просил, и Анатолий не отказал. Уважал старика. Он до сих пор уважал бывшего директора.

Он тогда быстро раздал студентам задания и забыл о них на месяц, до момента подписи каких-то бумаг.

И только девочка Катя, тихая и улыбочивая, исправно ходила на работу, сидела в уголочке и ненавязчиво лезла к нему с вопросами. Из вопросов следовало, что в профессии девочка не понимает ничего. Впрочем, дипломы тогда в основном покупались, и Анатолия это не удивляло.

Однажды Катя засиделась допоздна, ему даже пришлось ее поторопить. В тот день у родителей собирались гости, и он спешил.

– Послушай, – зачем-то спросил он, запирая дверь лаборатории. – Тебе же не нравится специальность. Зачем пошла учиться?

Как ни странно, ему действительно было интересно.

– Нужно же иметь диплом, – удивилась Катя.

Удивлялась она смешно, замирала, как тушканчик на картинке.

– Зачем? – не отставал он.

Она грустно пожала плечами, отвернулась. Он понял, отстал – высшее образование придавало определенный статус. В жизни важны не только деньги.

Он женился на ней через полгода. А еще через год родилась Аля.

– Я ненадолго, – пообещал Анатолий Михайлович.

– Погуляй, Толя. – Жена поцеловала его в щеку. – Хочешь, на дачу поедем?

– Да нет, – решил он. – Жалко тратить время на дорогу.

Двор был пуст, только дворник в оранжевом жилете сметал в небольшие кучки опавшие листья.

Анатолий Михайлович прошел через детскую площадку, свернул к домам, между которыми они вчера шли с Леной. На этот раз у «Фермерских продуктов» никто не курил, только какая-то пожилая женщина, переваливаясь и держась за перила, спустилась с крыльца.

Он вошел внутрь. В крошечном помещении продавали и мясо, и колбасы, и овощи, и хлеб. Помещение было стерильно чистым, и Анатолию Михайловичу неожиданно стало жалко, что таких магазинчиков в Москве скоро совсем не останется.

– Здравствуйте, – улыбнулась ему девушка в кокошнике.

Он не понял, она ли вчера курила у двери.

– Живу рядом, – улыбнулся в ответ Анатолий Михайлович, – а только вчера заметил ваш магазин.

– Ой, да мы здесь давно! – перегнулась через прилавок девушка. – Смотрите, какие продукты! Колбасу возьмите, такая вкусная колбаска!

– Давайте, – согласился он, разглядывая копченое колесико.

Цены на продукты он давно не отслеживал и не знал, но колесико показалось ему недешевым.

Как начать разговор о постороннем, он не представлял, кивнул продавщице и спустился с крыльца.

Этот двор тоже был пуст. Анатолий Михайлович подошел к расколотому дереву, тронул рукой сломанный ствол.

– Во время грозы сломало, – слышался сзади негромкий голос.

Он обернулся. Девушка-продавщица вышла на крыльцо, курила, сбрасывая пепел на асфальт.

– Я читал, во время последней грозы люди погибли, – подошел он к ней.

– Ужас! – покачала головой девушка. – Такой ветер был, ужас! А у нас, представляете, это дерево закачалось, затрещало так противно и упало прямо поперек двора. Тоже могло кого-нибудь придавить. Тут как раз женщина шла. Еще парень был, но он в другую сторону шел. А женщина вполне могла под ствол попасть! Дерево клонилось сильно, когда она проходила.

– Испугалась? – имея в виду незнакомую женщину, которая вполне могла быть очень знакомой, спросил Анатолий Михайлович.

– Наверное, – пожала плечами девушка. – Я ей закричала, стала к нам звать, но она ушла.

– Молодая женщина?

– Молодая.

– Наверное, живет поблизости.

Грозу и убийство связывать было нельзя, но он осторожно спросил:

– У моих друзей, они в этом дворе жили, недавно сына убили. Вы ничего про это не слышали? Правда, убили его не во дворе, убили в квартире.

– Это как раз во время грозы было, – кивнула продавщица. – К нам полиция приходила. Записи с камеры переписали. С заведующей разговаривали, она сказала, что мы никого не видели. Она-то во время дождя на крыльцо не выходила. А у нас ничего не спрашивали. Да у нас и спрашивать бесполезно, мы же не видим, кто по двору ходит. И во время дождя никого не видели, только вот парня и ту девушку с зонтом. Но ведь не она же убила, правда?

– Правда, – улыбнулся Анатолий Михайлович. – Скорее уж парень. Вы его разглядели?

– Нет, – покачала она головой. – Парень от нас далеко был. По-моему, в очках, но я не уверена. В джинсах и в рубашке, это точно, а лицо не помню. А вот девушку я узнаю.

– Почему? – опять улыбнулся Анатолий Михайлович. – У нее что-то характерное во внешности?

– Да нет, – пожала плечами продавщица, немного подумала и серьезно сказала: – Она такая... Одета хорошо. По-моему, я ее где-то видела. Не в тот раз, а раньше.

Анатолий Михайлович посмотрел вверх. Камера на штативе смотрела на крыльцо магазина. Насколько отсюда виден двор, понять было невозможно.

– Спасибо вам, – попрощался он. – Буду к вам заходить.

Разговор, казалось, отнял последние силы. До своего подъезда он шел медленно, заболела голова, противно потянуло в груди, и впервые в жизни Анатолий Михайлович показался себе стариком.

Убирая колбасу в холодильник, он отрезал кусочек, попробовал. Колбаса действительно оказалась вкусной, но заставить себя проглотить ее он не смог и выплюнул в унитаз.

Выпив кофе, подруги еще посидели за удобным столиком. Народу на улице прибавилось, москвичи ценили последние хорошие денечки.

– Вспоминай адрес! – вздохнула Кира. – Пойдем к Альке.

– Кира, неудобно, – укоризненно улыбнулась Маша. – Давай хоть позвоним для начала.

– Найди адрес, а там подумаем! – отрезала Кира.

Маша послушно достала телефон, стала рыться в электронной почте. К собственному удивлению, искала недолго, и письмо от Али, в котором та когда-то прислала ей свой новый адрес, нашла.

Теперь пришлось посмотреть карту. Нужный переулок располагался недалеко. Странно, что название переулка показалось незнакомым, наверняка в детстве они по нему бегали.

– Рядом с родителями квартиру купила, – почему-то недовольно сказала Кира. – Чтобы было кому ребенка подкинуть.

– У нее на няню наверняка деньги есть, – не согласилась Маша, поднимаясь. – Если есть деньги на квартиру в центре, на няню точно есть.

Кира тоже неохотно поднялась. Оглядевшись, двинулись в сторону подругиного переулка.

– Знаешь, мне не хочется с ней встречаться, – неожиданно решила Маша. – С какой стати? Зачем навязываться?

– Ладно, ну ее к черту, – подумав, согласилась Кира.

Подняла голову, посмотрела на табличку, висевшую на ближайшем доме. Оказалось, что они почти у Алиного дома.

Наверное, нужно было повернуть назад, но они прошли мимо шлагбаума, загораживающего въезд во двор, побрели вдоль одного из недавно выстроенных домов. Окна первого этажа были пустыми, грязными, видимо, первые этажи предназначались для кафе или иных коммерческих заведений, но желающие обосноваться здесь не торопились.

Дом закончился детской площадкой, точно такой же, как в любом московском дворе. Домик-горка, качели. Машу это удивило, сюда просились совсем другие детские аттракционы. По краю площадки стояли лавки, и на одной из них сидела Аля.

Маша отчего-то замерла, увидев подругу, а Кира решительно шагнула вперед.

– Привет! – неприятно улыбнувшись, остановилась Кира перед Алей.

– Привет. – Аля посмотрела на подруг равнодушно, как будто видеть их в собственном дворе было совершенно обычным надоевшим делом.

Маленький мальчик копался в песочнице. Посмотрел на подошедших к матери женщин и опять принялся возить машинку по песку, сосредоточенно тарахтя при этом. Кира посмотрела на ребенка, отвернулась.

– Мы мимо шли... – начала оправдываться Маша.

Мальчику надоело играть с машинкой, он подбежал к матери, уткнулся ей в колени, искоса поглядев на Киру. Кира улыбнулась. Что-то давнее, хорошее нахлынуло на нее, когда она смотрела на мальчика.

– А... – все так же равнодушно протянула Аля. На подруг она не смотрела и на сына не смотрела, уставилась куда-то в пространство.

Ситуация оказалась запредельно глупой, и Маша всерьез разозлилась на Киру.

– Ты с нами даже разговаривать не желаешь? – Кира разозлилась еще больше. Только не на себя, на Алю.

– Почему? – Аля пожалала плечами. – Я же разговариваю.

Рядом с ней на скамейке стояла бежевая сумка. Даже мимолетного взгляда было достаточно, чтобы заметить, что сумка дорогая. Девушка Наташа, наверное, мгновенно определила бы фирму.

– Пойдем, – Маша потянула Киру за руку. Подруга не сопротивлялась, только за углом дома покачала головой.

– Вот стерва!

– Нечего было сюда тащиться... – начала выговаривать Маша и замолчала – совсем рядом послышался Алин голос.

– Сейчас, Даня, сейчас! – недовольно говорила подруга.

Кира отреагировала первой, метнулась в кусты и дернула за собой Машу. Кусты, видимо, были посажены несколько лет назад, когда дома только что построили. Но в отличие от деревьев кустарники успели разрастись. Во всяком случае, за ними можно было укрыться.

Аля, потянув сына за руку, прошла совсем рядом с кустами. Кира осторожно раздвинула ветки – подруга подошла к огороженным светлой решеткой мусорным бакам.

Кира отпустила ветки, опять замерла, стараясь не шевелиться.

– Ну все, идем домой, Данечка, – произнес Алькин голос совсем рядом. Ребенок недовольно скулил, капризничал.

– Мы с тобой свихнулись? – вылезая из кустов, спросила Маша.

Кира не слушала, посмотрела на дорожку, по которой только что прошла Аля, – дорожка была пуста.

– Пойдем отсюда! – зло пробубнила Маша.

Кира опять не ответила, посмотрела в сторону мусорных баков.

– Я больше никогда ей не позвоню! – возмущалась подруга.

– Ей не нужны наши звонки, – заметила Кира. – Она не опечалится.

Подмывало подойти к бакам, но это действительно походило на шизофрению.

– Пойдем, – наконец согласилась Кира.

Светлая, очень красивая сумка, мечта многих женщин, осталась лежать поверх пластиковых мусорных мешков. Подругам было ее не видно.

К дому Машиных родителей шли молча. Потом Маша довезла Киру до метро, поцеловались на прощанье и опять разъехались каждая в свою жизнь.

То, что за дочерью до сих пор не пришли, Анатолий Михайлович считал почти чудом. Ему казалось, что дорога каждая минута и нужно прямо сейчас, сию секунду, что-то делать. Впрочем, скорее всего так и было. Время работало против него.

Вероятность того, что продавщица встретит и узнает Алю, была вполне реальной, и с этим необходимо было что-то делать.

– Что с тобой, Толя? – спросила жена, когда он в какой-то раз не ответил на ее вопрос. – Ты плохо себя чувствуешь?

– Все нормально, Катенька, – успокоил он. – Просто голова болит.

– Давай померяем давление, – забеспокоилась она.

– Не надо, – раздраженно отмахнулся он и постарался улыбнуться. – Не надо, все в порядке.

Он поцеловал жену и закрылся у себя в комнате. Прилег на диван, тупо уставился в потолок. Время тянулось медленно, как будто испытывало его терпение.

В какой-то момент он задремал. Во всяком случае, посмотрев на часы, заметил, что стрелки заметно сдвинулись.

Жена изредка тихо открывала дверь, обеспокоенно на него смотрела.

– Все в порядке, – успокаивал он. – Я просто устал, Катя.

Она опять уходила, он опять смотрел в потолок.

Ближе к вечеру позвонил дочери, спросил:

– Выбросила сумку?

– Да, – тихо ответила Аля.

– Надеюсь, не в мусоропровод?

– Нет.

Разговаривать с ней у Анатолия Михайловича не было сил, и он отключился.

Заставил себя подняться, заглянул в кладовку. Когда-то он видел здесь моток веревки, бог знает с каких пор и за какой надобностью хранившийся. Вережку он нашел. Отрезал кусок метра полтора длиной, подержал на руках огромную катушку с остатками. Подумал и поставил на место. Выбросить катушку время еще будет.

Вережку положил в целлофановый пакет, пакет сунул в карман ветровки. Ветровку они с Катей купили в Норвегии лет пять назад, ветровка ему нравилась, и он носил ее всегда, когда позволяла погода и когда он не отправлялся на работу. Появляться на работе в чем-то, кроме строгого костюма, он никогда себе не позволял.

Передумал, достал веревку из пакета, свернул и снова сунул в карман, а пакет выбросил в мусорное ведро.

Магазин закрывался в десять. Уже совсем стемнело, теперь время несло, словно отыгрывалось за утреннее промедление.

Жена уже легла. Он заглянул в спальню, она читала, откинувшись на подушки.

– Катюш, я прогуляюсь немного.

– Хорошо, Толенька.

Заперев квартиру, он неожиданно замер, прислонившись лбом к обшитой деревом железной двери. Где-то наверху хлопнула дверь. Он заставил себя вызвать лифт, спустился вниз.

Машину нужно было поставить где-то рядом с магазином. Повезло, нашлось место недалеко от арки, через которую девчонка наверняка пойдет к метро. Для этого, правда, пришлось частично въехать на тротуар, но камеры здесь не было, а бдительные граждане давно должны сидеть дома.

Хотелось подойти к дверям магазина, заглянуть внутрь, но он себя сдержал, существовала опасность попасть под камеру. Минуты

казались бесконечными. Мимо прошла компания молодых людей, смеясь, свернула в арку. На его машину молодые люди даже не посмотрели.

Когда дочь подрастала, он боялся, что она свяжется с неподходящей компанией. «Ужас приходит оттуда, откуда не ждешь», – равнодушно констатировал он.

В четверть одиннадцатого Анатолий Михайлович решил, что из его затеи ничего не вышло. Либо продавщица ушла раньше, либо отправилась не в сторону метро. Стало одновременно тоскливо и спокойно. Спокойно, потому что еще один вечер можно было прожить обычным человеком, а тоскливо потому, что мерзкое и неприятное дело никуда не исчезало, а только откладывалось.

Нет, закончить все сегодня гораздо лучше. Ждать снова у него просто не хватит сил.

Бог – или дьявол? – услышал его молитвы. Девушка вышла из-под арки, когда он уже решил переставить машину опять к себе во двор.

– Добрый вечер! – удивленно окликнул он ее, выбираясь из машины.

Она обернулась, сразу его узнала и заулыбалась.

– Вам куда? – Анатолий Михайлович сжал пальцами подбородок и быстро опустил руку. Когда-то жена изучала язык жестов и рассказывала ему, как нужно вызывать к себе симпатию собеседников. Дотрагиваться до подбородка нельзя было ни в коем случае. – Я вот только подъехал, он кивнул на машину. – Давайте отвезу вас. Москва сейчас пустая, ездить одно удовольствие. Я люблю водить машину, а ездить мне особо некуда. Только на дачу.

– Ой, спасибо вам. Не надо, я так доберусь. Мне далеко... – Она назвала один из окраинных районов.

– Садитесь! – решительно сказал он и повторил, потянув ее за плечо. – Садитесь!

Она замаялась, но не потому, что боялась его, а просто потому, что не хотела утруждать незнакомого чужого человека. Он сейчас чувствовал ее так, как будто знал всю жизнь, и мимолетно этому удивился.

Он продолжал тянуть ее за плечо, и девушка послушно шагнула к машине. Анатолий Михайлович сунул руку в карман, нащупал веревку, отпустил.

– Москвичка? – трогая машину, поинтересовался он.

– Нет. – Она засмеялась.

Конечно, девушка приехала из глубинки. Теперь об этом жалеет. Дома лучше. Вообще-то с работой в родном городе плохо, но ведь продавщицей и там можно устроиться, правда?..

Анатолий Михайлович свернул на Садовое. Мэра ругают, но ночной город был красив, дома подсвечены в меру, строго и без излишеств.

Они с подружкой приехали три года назад. Сначала в Подмоскowie квартиру снимали, а теперь в городе. Повезло. Покупательница одна предложила и берет недорого, сейчас ведь квартиру сдать трудно...

Он повернул с Садового направо, к области. Нужно будет заехать на мойку. Стопроцентно микрочастицы ее одежды не удалишь, но подстраховаться нелишне.

Она твердо решила вернуться домой. Еще два месяца проработает – и все!..

Справа потянулась стена деревьев. Парк был чуть в стороне от прямого пути к ее району, и девушка совсем не удивилась.

Анатолий Михайлович опустил руку в карман и сжал в кулаке моток веревки...

4 сентября, воскресенье

Сидеть на работе в воскресенье было обидно. Коля собирался поехать к родителям, и Кира старалась не надоедать ему звонками. Вот ведь странно, еще недавно она верила, что он ее бросил, а сейчас была абсолютно убеждена, что он никогда не сможет этого сделать. Вот так несчастные женщины и попадают на удочку проходимцев. Верят вопреки всему.

Телефон зазвонил, когда она уже начала поглядывать на часы – рабочий день подходил к концу.

– Кира, – сказал в трубку сосед Иван Яковлевич. – Я тут вспомнил кое-что. Денис меня спрашивал насчет генетической экспертизы. У меня племянник этим занимается, я тогда Денису телефон племянника дал. Теперь вот вспомнил про это, поговорил с племянником. Денис ему звонил, они договорились, что он привезет племяшу генетический материал, но не привез. Ты ничего про это не знаешь?

– Нет, – с горечью призналась Кира.

Она ничего не знала про брата.

Она несколько лет ничего не хотела о нем знать.

Кира убрала мобильный в сумку, покачалась в кресле.

Для их семьи проведение генетической экспертизы было чем-то чуждым, невозможным. В их семье от детей никто не отказывался, в их семье все друг друга любили.

Только она на какое-то время перестала любить Дениса.

Об экспертизе мог попросить кто-нибудь из Денискиных знакомых...

У самого-то у него не могли появиться сомнительные дети, раз он был в местах, достаточно отдаленных.

Кира резко выпрямилась в кресле и замерла.

«Остановись, – осекла она себя. – Однажды уже нарисовала себе детектив. С Викой. А оказалось все банально просто».

Марина вышла проводить клиентку, Кира дежурно похвалила стрижку.

Денис разглядывал их детские фотографии...

Не может быть!

До ареста у него не было другой девушки, кроме Альки...

Кира опять схватила телефон, еле дождалась, когда Маша ответит.

– Маш, когда у Альки родился ребенок?

Маша вспомнила, назвала число.

– Ты представляешь, – с обидой сказала подруга, – она мне даже не говорила, когда должна родить. Сказала, что сын родился, только через месяц. Я тогда позвонила просто так, поболтать, она и сказала, что сыну уже месяц.

Кира прикинула, ребенок вполне мог быть Дениса.

– Ты его вчера разглядела, Данилу?

– Ну... – замялась Маша и ахнула: – Денис?..

– Денис разглядывал детские фотки, – напомнила Кира. – Помнишь, альбом лежал раскрытый?

– Аля не хотела со мной встречаться, – начала рассуждать подруга. – Я просила ее прислать фотки малыша, она не прислала.

– А мужа ее ты видела? – нетерпеливо перебила Кира.

– Ты его тоже видела, – напомнила Маша. – Он к Алькиному папе приходил, мы с ним у них дома сталкивались. Вспомни, мы не один

раз его видели. Темненький такой. В нем азиатское что-то.

В маленьком Даниле не было ничего азиатского. Или было?

– Мне сейчас позвонил сосед. Денис интересовался у него генетической экспертизой. У соседа родственник эксперт или что-то в этом роде.

Маша помолчала и тихо посоветовала:

– Не лезь в это дело. Ребенку лучше не будет, только хуже. У него есть мать и отец, а как там на самом деле, не наше дело.

– Ладно, Маш, пока! – не стала возражать Кира.

Запирая салон, она не смотрела на стоящие рядом машины. Знала, что ее ждут. Иначе и быть не может.

Она повторяет печальный опыт миллионов обманутых женщин.

Рядом с салоном Коля припарковаться не смог, но Кира даже на секунду не занервничала, проходя мимо ровно стоящих машин, и наконец нашла «Тойоту».

Николай что-то читал в телефоне. Кира села рядом с ним, потеряла виски.

– Я по тебе скучал, – серьезно сказал он и скупой улыбнулся.

– Я по тебе тоже, – так же серьезно ответила Кира.

Она всегда будет ему верить. Вопреки всему.

– Коля, давай сначала в центр заедем. – Она назвала адрес и объяснила: – Это недалеко от моего дома. То есть от родительского.

– Зачем? – Он вырулил на дорогу, остановился у «зебры», пропуская пожилую даму.

– У меня, возможно, есть племянник.

– А отец у племянника есть? – помолчав, спросил Николай.

– Есть, – кивнула Кира.

– Кира...

– Мы только посмотрим. – Она знала, он сейчас скажет примерно то же, что и Маша.

Не лезь в это дело, сделаешь только хуже ребенку.

– Посмотрим и уедем.

Николай недовольно поправил на носу очки, свернул к центру.

Кира коротко рассказала про разговор с соседом, он молча слушал.

– Давай у меня во дворе машину поставим, – предложила она. – Я же там прописана.

– Но бумаг на машину ты не оформляла, – пожал он плечами и согласился. – Давай попробуем, неохота заморачиваться с оплатой.

В ее бывший двор он заехал с дальнего конца дома.

Иван Яковлевич говорил, что в ту сторону уходил молодой человек в очках. Как раз тогда, когда убили Дениску.

Место для машины, как ни странно, нашлось.

Они медленно дошли до Алькиного нового двора, но на детской площадке никого не было. Поздно, детям пора спать.

– Коля, – не удержалась Кира на обратном пути. – Ты меня любишь?

– Да, – не глядя на нее, сказал он.

– А... почему?

– Не знаю.

Ей хотелось, чтобы он сказал что-то другое, но он только молча взял ее за руку, как маленькую.

Первые опавшие листья уже шуршали под ногами. Ветер тащил их вдоль тротуара, прибивал к гранитному бордюру.

Кира должна была чувствовать себя абсолютно счастливой, а ей было грустно.

5 сентября, понедельник

Пожалуй, это была первая ночь, которую Аля проспала сладко, как раньше. Ей стало легче, когда она призналась папе. В жизни надо полагаться на мужчин, они умнее. Мама всегда так делала, никогда сама с проблемами справиться не пыталась, звонила папе и жила спокойно.

Жаль, что Аля не все может рассказать Косте.

Муж к ней окончательно вернулся, это она чувствовала. В прошедшие выходные им было очень хорошо втроем, так им было хорошо, когда Данечка только родился. Они даже не навестили родителей, как обычно, хотелось побыть одним.

Аля проводила Костю, ласково поцеловала на прощанье. Прибежала Леся, принялась тискать Данилку, как будто не видела его месяц, а не два дня. Аля поморщилась, но промолчала.

Решила выпить вторую чашку кофе, спокойно, не отвлекаясь на ребенка, но тут зазвонил мобильный. Аля не сразу нашарила его в новой сумке. Менять сумки она не любила. Наверное, это у нее от

нищего советского детства. Пока привыкнешь к новым кармашкам, замучаешься. Конечно, в соответствии с сезоном сумки менять приходилось, но она старалась не делать этого чаще нескольких раз в год.

Новую сумку, в которой сейчас она не сразу нащупала мобильный, ей подарил этой весной Костя. На Восьмое марта. Сумка была красивая, дорогая, но Аля относилась к ней с сомнением. В России даже в дорогих бутиках запросто подсунут вместо настоящей фирменной вещи китайскую подделку.

Выскочила из детской Леся, Аля мотнула головой – слышу, что звонят, и наконец нащупала телефон.

– Костя ушел? – не здороваясь, спросил папа.

– Ушел. – Аля прошла к себе в комнату, прикрыла дверь.

– Куда ты выбросила сумку?

Аля подошла с трубкой к окну, посмотрела во двор.

– В мусорный бак во дворе.

– Подальше отнести не могла? – взорвался Анатолий Михайлович.

– Папа, это безопаснее, – испуганно пролепетала Аля. На самом деле она отца не боялась. Пожалуй, его единственного во всем свете и не боялась. Его и маму. – Где еще я буду искать помойку?

– Завернуть догадалась? – уже спокойнее спросил отец.

– Конечно, – соврала Аля.

Анатолий Михайлович помолчал, она слышала, как отец дышит в трубку.

– Расскажи подробно, как ты уходила... оттуда. Вспомни каждую мелочь. – Со вчерашнего дня он разговаривал с ней зло, неприязненно, но тут смягчился. – Это очень важно.

– Почему? – Але внезапно стало тяжело дышать. Что-то напугало ее в усталом голосе отца.

– Рассказывай! – отмахнулся он.

– Ну... – Аля покосилась на дверь, почти зашептала. – В подъезде никого не было. Во дворе тоже, дождь шел...

– Во дворе тебя окликнули! – раздражаясь, перебил Анатолий Михайлович. Вот дура-то, с тоской подумал он. – Ты шла под проливным дождем! Ты привлекала внимание, понимаешь?

– Я вышла, когда дождь был слабый! – по привычке возмутилась Аля. Она всегда возмущалась, когда родители начинали ее ругать. И

всегда обижалась, даже сейчас.

Дождь то стихал, то начинал лить с новой силой. Она действительно шла, когда поток воды с неба сменился противной мелкой сыпью.

– Во дворе раскачивалось дерево, тебя окликнули, – напомнил Анатолий Михайлович.

– Ну... да, – вспомнила Аля. – Там магазин какой-то, продавщицы стояли около двери. Но я к ним не пошла!

– Сколько их было? Сколько было продавщиц?

– Две, – подумав, ответила она.

«Мы видели, – говорила девочка из магазина. – Нас не спросили».

Вчера работала только одна продавщица. Где вторая? Уволилась? Заболела? Анатолий Михайлович почувствовал тоску и апатию. Он считал, что все позади, а получалось не так.

– Слушай внимательно! – устало велел он. – Если к тебе придут, говори правду. Ты там была! Ты приходила к Денису, но он тебе не открыл.

Если она начнет врать напрапалую, ее расколуют за минуту. В ее показаниях должно быть минимум лжи.

– Кто придет? – губы сделались непослушными, сухими. Аля облизала их.

– Полиция!

– Но... – Господи, ну зачем он ее пугает! Неужели не понимает, как ей плохо!

– Там не идиоты работают! Ты что думала, среди белого дня пройдешь незамеченной? – он чуть не добавил «идиотка», но вовремя сдержался.

Аля опять облизала губы, промолчала.

– Ты приходила к нему несколько раз! – В квартире наверняка остались ее отпечатки, и это нужно объяснить. – Он вернулся из заключения, и ты его жалела! Поняла? Ты относилась к нему как к другу, и он к тебе тоже! Ни о какой любви речи не было! Запомни!

Не хватало еще, чтобы у полиции родилась версия ревности.

– Да, папа.

Отец отключился, не попрощавшись. Аля постояла около окна, прижав трубку к щеке.

– Аля, мы идем гулять! – крикнула из прихожей Леся.

– Идите, – выходя из комнаты, разрешила Аля.

– Сумку поменяла? – заметила Леся.

Данилка прыгал, мешал няне застегнуть «молнию» на курточке.

– Даня! Стой спокойно!

– Такой ужас! – пожаловалась Аля. – Пошла вчера гулять с Даней и забыла сумку на лавке. Сразу же вернулась, а сумки нет!

– Кошмар! – Леся всплеснула руками. – А ключи? Кошелек?

– Ключи в кармане были, а кошелек я не взяла. Зачем мне деньги во дворе?

Она никогда не выходила из дома без денег и банковских карт, но няне это знать необязательно.

С сумкой получилось хорошо, папа должен быть доволен.

– Ой, как жалко сумку-то!

– Жалко, – согласилась Аля и философски заметила: – Но пусть это будет наша самая большая неприятность.

Леся отперла дверь, потянула Данилку за руку, но ребенок вырвался, прижался к Алиным ногам.

– Иди гулять, Данечка, – погладила его Аля. Наклонилась, поцеловала.

Она когда-то читала, что дети улавливают настроение взрослых без слов. Дети и животные.

От ласки сына захотелось плакать. Аля заперла за няней и ребенком дверь и вытерла глаза пальцами, стараясь не размазать тушь, которую успела нанести утром.

Воскресенье прошло отлично. Павел предложил навестить тетку, Маша не возражала. На самом деле тетка была очень дальней родственницей, свекровь как-то объясняла Маше степень родства, но Маша быстро запуталась и забыла объяснение за ненадобностью.

Тетя Нина, которую Павел звал Нинулей, жила в отличном загородном доме, а две московские квартиры сдавала. Одна квартира была ее собственной, а вторая когда-то принадлежала последнему Нинулиному мужу. Мужей у тетки было три, с каждым она жила всего по несколько лет, после чего благополучно их хоронила.

Характером тетя отличалась забавным. Любила пожаловаться на безденежье, на нездоровье, но и в то, и в другое верилось слабо. Старушка ни в чем себе не отказывала, смотрела все модные

спектакли, хотя цены на билеты впечатляли даже Машу. Ну а нездоровье ее сводилось к слабости, которая мешала ей доходить на утренней прогулке до дальнего леса. «Дальний» лес располагался километрах в трех, и Маша была в нем лишь однажды, поскольку прогулка считающей себя абсолютно здоровой Маше оказалась почти не по силам.

Впрочем, Нинуля к своему брюзжанию относилась с юмором и вообще была дамой с юмором, и поездки к пожилой родственнице Маша любила.

Павел пошептался с теткой, Маша повалилась в гамаке, потом Нинуля накормила их потрясающим обедом. Готовила тетке приходящая из ближайшей деревни молодая женщина, а Нинуля кухаркой руководила. Потом Маша и Павел погуляли по опушке леса, прошлись вдоль большого пруда и в Москву вернулись уставшие и совершенно довольные прошедшим днем.

– Ты знаешь, – усмехнулся Павел за завтраком, – Нинуля опять поменяла завещание.

– И что теперь? – засмеялась Маша.

– Теперь она Варе и Сережке не оставляет ничего, а все оставляет мне.

Изменение завещания было одним из любимых занятий тетки. Маша считала, что старушка просто так развлекается, но наследники каждый раз начинали всерьез нервничать. Наследников у Нинули было трое – Павел и его двоюродные брат Сергей и сестра Варя. На самом деле были еще родители Павла, родители Сережи и Вари, еще какая-то родня, но завещание обычно распространялось только на молодое поколение.

И если Павел, у которого зарплата была вполне достойной, мог позволить себе искренне смеяться, наблюдая причуды родственницы, то Варя, которая одна растила пятилетнюю дочку, на гипотетическое наследство смотрела вполне серьезно. Сережа тоже, поскольку постоянной работы не имел. Работу он менял примерно раз в полгода, причем кардинально, то играл в каком-то ансамбле, то создавал фирму по организации всевозможных детских праздников. Однажды даже открыл с каким-то другом крошечное кафе, но этот бизнес совсем не пошел, продержался всего пару месяцев.

Нинуля за Сережу страшно переживала и, как подозревала Маша, была главным спонсором всех его начинаний. В то же время тетка и злилась на племянника вполне серьезно и исключала его из завещания каждый раз, когда очередная Сережина идея терпела фиаско.

На Варю тетка давно махнула рукой. Варя в глазах Нинули была откровенной неудачницей и позорила семью. Варя преподавала в колледже, подрабатывала репетиторством, и времени у нее не хватало ни на что, кроме ребенка.

– Сережа опять без работы, а Варька не смогла приехать к Нинуле, потому что малышка заболела. Нинуля собралась ее замуж выдать за сына какой-то приятельницы, организовала совместный обед, а Варя не приехала. Правда, Варька и не знала, что будут смотрины, Нинуля хотела сделать ей сюрприз. – Павел покачал головой и засмеялся.

– Варя знает, что ее вычеркнули из завещания? – Родственница Павла Маше нравилась, и она ее искренне жалела.

– Нет. – Павел отодвинул тарелки, пошел в комнату переодеваться. – И Сережа еще не знает.

– Паш, – Маша отправилась вслед за мужем, – нужно Варе сказать.

Обратное включение в завещание обычно происходило после того, как обездоленный наследник заглаживал перед теткой свою вину. Для этого нужно было ездить к ней почаще, сочувствовать теткинью болезням и всячески выражать свою привязанность.

– Зачем? – Павел посмотрел на себя в зеркало, остался доволен, чмокнул Машу. – В первый раз, что ли? Время пройдет, Нинуля опомнится.

– Но... Все-таки она действительно старая...

– Значит, Варьке не повезет.

Муж снова ее поцеловал, сунул в карман пиджака бумажник, а в карман брюк ключи. Маша заперла за ним дверь.

Павла тетка вычеркнула из завещания, когда он женился на Маше. Чем ей не угодила Маша, было непонятно, скорее всего тем, что Павел не привез невесту до свадьбы и не спросил у тетки позволения жениться.

Обо всем этом Маша узнала потом, когда Павел снова сделался законным наследником. После свадьбы они часто ездили к тетке,

Павел целовал родственницу в щеку, восхищался деревенским воздухом и мечтал, как тоже будет жить за городом на пенсии.

Нинуля сменила гнев на милость месяца через три, и к тетке Павел и Маша стали ездить значительно реже.

Тогда именно Варя предупредила Павла, что Нинуля капитально на него разозлилась.

«Господи, о чем я думаю? – упрекнула себя Маша. – Конечно, Павел поделится наследством и с Варей, и с Сережей, если, не дай бог, с Нинулей случится непредвиденная беда».

Тополь за окном, летом закрывающий окно кухни, уже заметно пожелтел. Маша сделала себе кофе, понаблюдала за воробьями, скачущими с ветки на ветку.

Радость от проведенного с мужем дня пропала. Вместо нее не давала покоя противная мысль – если он способен поступить так с кем-то, он поступит так с тобой.

«Ко мне это не относится», – заверила себя Маша, оделась и отправилась в магазин за продуктами.

На улице было тепло и солнечно, и в ее жизни все было отлично.

Кире приснился маленький мальчик. Мальчик из сна совсем не был похож на Алькиного сына, но Кира точно знала, что это ее племянник. Она вела мальчика за руку, они спешили к Денису, потом Кира потеряла ребенка в толпе, никак не могла найти и проснулась от ужаса.

– Ты что? – проснулся Коля. – Ты что, Кира?

– Ничего. – Глаза оказались мокрыми, Кира вытерла их рукой. – Я сейчас потеряла своего племянника.

Фраза была запредельно глупой, но он, кажется, понял правильно. Повернулся на спину и уставился в потолок. На улице было еще темно, но сквозь занавески проникали огни города. В доме напротив уже зажигались окна. Зазвонил будильник, Коля прихлопнул его рукой.

– Я до трех лет жил в детском доме, – неожиданно признался он потолку. – Или в доме малютки, не знаю точно, как это называется.

– Ты?! – поразилась Кира.

Меньше всего он был похож на детдомовского ребенка. Он с его дорогущими очками был похож на сытого уверенного господина, с пеленок знающего, что место его в этом мире далеко не последнее.

– Ну да, – подтвердил он. – Знаешь, я все детство ужасно боялся потеряться. Большой уже был, а родителей на улице старался за руку держать. И сам этого стеснялся.

Кира подумала и легла ему на плечо.

– Детдома я совсем не помню, а страх остаться одному остался. Комплекс какой-нибудь.

Он усмехнулся, Кира прижалась к нему теснее.

– Я в двенадцать лет узнал, что неродной родителям. К маме подружка пришла и все выпытывала, не боится ли она, что у меня проявится дурная наследственность. – Он опять усмехнулся. – Ты не боишься, все-таки ребенок чужой?.. Мама на нее шикала, но я тот разговор услышал. И смотрела подружка на меня с большим интересом.

Будильник зазвонил снова, Коля снова его прихлопнул.

– Короче, маме пришлось признаться, что я... не свой. В общем-то, ничего особо не изменилось, только с тех пор вместо страха потеряться появился страх, что меня отдадут назад в детдом. Ты не думай, у меня с родителями было все хорошо, они меня любили, и я это знал. Только все равно боялся...

«Он не обратил бы на меня внимания, если бы я не была несчастенькой, – решила Кира. – У него остался детский комплекс, он чувствовал себя несчастным, и замечал несчастных и жалел их. Я была несчастная и вроде как своя».

– А теперь не боишься? – вздохнула она.

Он скосил глаза, легко дернул ее за нос и спросил совершенно немыслимое:

– А ты меня не бросишь?

– Нет, – серьезно ответила Кира. – Никогда! Я тебя очень люблю.

Он осторожно стряхнул Киру с плеча, сел на постели, обернулся.

– Забудь про того ребенка! Пусть он верит, что у него есть мать и отец. Понимаешь? К тому же еще не факт, что это ребенок твоего брата.

– А я? – зло хмыкнула Кира. – У меня пусть никого не будет?

– У тебя есть я. И ты взрослая.

Он вышел из комнаты, в ванной зашумела вода. Кира еще немного повалилась, разглядывая потолок, и тоже поднялась.

Она слишком долго пыталась забыть, что у нее есть брат. Она просто не сможет забыть, что у нее есть племянник. А если кто-то этого не понимает – его проблемы.

Правда, сначала стоило узнать, точно ли Алькин сын ребенок Дениса.

Яичницу, которая уже стала их обычным завтраком, Коля пожарил сам. Нехорошо, ей нужно учиться быть хорошей женой. Правда, он еще не сделал ей предложения, но теперь Кира твердо знала, что сделает. Когда она захочет, тогда и сделает.

«Ты меня не бросишь?» – спросил он, и это стало настоящим объяснением в любви. Другого Кире и не надо.

Она посмотрела, как его машина выезжает из двора, и торопливо оделась.

На детской площадке у Алькиного дома сидела средних лет женщина, покачивала ногой коляску со спящим малышом и читала что-то в планшете. Судя по возрасту, няня или бабушка. Няня, решила Кира, у жителей таких домов обязательно должны быть няни. А бабушки должны проводить большую часть времени в салонах красоты и выглядеть ровесницами своих дочерей.

Кира пристроилась на соседней лавочке, достала телефон, принялась крутить в руках.

Ребенок в коляске проснулся, женщина заулыбалась ему, засюсюкала, повезла коляску к ближайшему подъезду.

Ужасно захотелось курить. Кира отошла от детской площадки, заметила скрытую под зеленью лавочку, села, достала сигарету. Из расположенного рядом офисного здания вышла компания – две девушки и двое мужчин, принялись ходить мимо Киры. Мужчины негромко говорили, девушки смеялись. Наверное, у них обеденный перерыв, решила Кира.

Сигарета догорела, Кира бросила окурочек в урну, вышла из-за кустов и сразу увидела маленького мальчика у песочницы. Она узнала ребенка сразу, мальчик опять возил машинку по краю песочницы и сосредоточенно тархтел. Вместо Альки на лавочке сидела веселая девушка, она ласково смотрела на малыша.

– Даня, осторожно! – изредка говорила няня. – Сейчас шлепнешься, и будут слезы.

– Не сепнусь, – серьезно отвечал Даня. – И не буду плякать.

Кира не помнила, чтобы брат когда-нибудь плакал, даже совсем маленьким. А ее маленькую жалел и никогда над ней не смеялся. Однажды она упала с велосипеда, разбила до крови колени и локти. Брат играл с мальчишками в другом конце двора, но сразу оказался рядом, повел ее, рыдающую, домой, достал зеленку и всю ее измазал. Зеленка стояла высоко на полке, маленький Денис еле дотянулся со стола.

Врач из него получился так себе, вместе с Кирой он измазал пол и мебель на кухне, и вернувшиеся откуда-то родители долго вздыхали, глядя на преобразившуюся кухню.

Дома часто вспоминали ту историю. Наверное, поэтому Кира ее и запомнила.

Она торопливо шагнула опять за кусты, огляделась. Офисная компания исчезла, двор казался совсем безлюдным. Из-за кустов ребенка видно было плохо, но Кира щелкала и щелкала телефоном, пока мальчик не побежал к няне. Лавку Кире было не видно совсем, и она заставила себя оторваться от детской площадки.

В метро народу почти не было. Она рассматривала снимки и едва не проехала свою остановку. А дома сразу позвонила Маше и попросила:

– Маш, приезжай ко мне.

Ей было необходимо поговорить с подругой. Во-первых, спросить, на кого похож маленький Данила. Кире казалось, что на брата, но две головы в данном случае лучше одной.

А во-вторых, не терпелось рассказать подруге, что у нее есть парень. Два дня назад она о Коле даже не обмолвилась, а теперь еле дождалась, когда Маша позвонит в дверь.

Странно, что она так долго жила, ни с кем не откровенничая. Впрочем, ее недавнее существование, наверное, и жизнью называть нельзя.

О том, что произошло накануне, Анатолий Михайлович совсем не думал и только временами удивлялся, что у него это отлично получалось.

Гораздо более вчерашнего его мучила судьба дочери. Он искренне удивлялся, что она не попала в зону интересов следствия. Бывшая невеста, а с ней даже ни разу не побеседовали.

В середине дня он выдержал, снова позвонил Але.

– Ты часто разговаривала с Денисом? – нетерпеливо спросил он.

– Не очень. Мы первый раз встретились...

– Ты по телефону часто с ним разговаривала? – перебил он, удивляясь, как в дочери сочетаются поразительная глупость и вместе с тем изрядная житейская практичность и умение повернуть любое событие в свою пользу.

– Ни разу! – сразу ответила Аля. – Я и телефона-то его не знаю.

– А как вы договорились насчет... того дня?

– Я гуляла с Данилкой. Денис подошел, и я ему сказала, что приду к нему в воскресенье. Чтобы отстал...

Анатолий Михайлович опять отключился, не прощаясь, и неожиданно пожалел Алю. До сих пор он злился на нее так, что с трудом переносил даже звук ее голоса, и только теперь понял, как дочери страшно.

Ему тоже было страшно, но он мужчина.

Теперь невнимание полиции стало объяснимым. Они проверяют тех, кто засветился в телефоне Дениса. А Алю пока бог уберег.

Он опять занялся работой и только ближе к вечеру едва не вздрогнул, когда мобильный противно тренькнул, сообщая, что пришло смс.

«Отзовись», – написала Лена.

Он ни разу не позвонил ей в выходные, и она беспокоилась. Он и не вспоминал о ней в выходные. Можно было только поражаться тому, что еще недавно он не представлял себе жизни без нее.

Звонить не хотелось, но он себя заставил.

– Лен, у меня неприятности, – ничего лучше он придумать не мог.

– Что такое? – испуганно спросила она.

– Ничего страшного, – поморщился он. – Переживем! Я тебе позвоню, когда буду посвободнее, ладно?

– Ладно, – после крошечной паузы ответила она.

Он не собирался больше ей звонить, и она это поняла. Анатолий Михайлович точно знал, что она это поняла. Наверное, потому что ответила с едва заметной заминкой.

Он подошел к окну, тронул рукой жалюзи. Солнце сверкнуло прямо в глаза, он опустил руку. Замечательный сентябрь стоит в этом году.

Неожиданно он вспомнил Ленины плечи под своими руками, но воспоминание не вызвало привычного желания немедленно ее увидеть. Воспоминание ничего не вызвало. Анатолий Михайлович подошел к столу и выключил компьютер.

Наверное, сегодня заходить в магазин не стоило, но он не смог сдержаться. Сегодня там работала полная улыбчивая женщина. Еще ничего не знают, сразу понял он. Женщина переговаривалась с грузчиком, приносившим ей какие-то ящики, грузчик весело отвечал. Не может такого быть, чтобы известие о смерти их работницы не наложило на остальных никакого отпечатка.

Он не знал, чего хотел больше, чтобы девушку поскорее нашли и установили личность или чтобы личность не установили никогда. И то и другое вызывало тягостную тоску ожидания. Худшее, что только может быть.

– Живу рядом, – улыбнулся Анатолий Михайлович продавщице. – А ваш магазин открыл только недавно.

– Заходите к нам почаще, – улыбнулась в ответ женщина. – У нас все такое свежее! А хлеб! Только из пекарни. Правда, мы не сами выпекаем, нам привозят, но хлеб всегда свежий! Даже горячий.

– Давайте, – согласился Анатолий Михайлович.

Женщина положила в целлофановую сумку батон. Хлеб пах давно забытым запахом детства. Анатолий Михайлович потрогал его рукой, батон был теплый. Ему захотелось отломить горбушку и сжевать ее. Когда-то он так делал, когда родители посылали его, маленького, за хлебом.

Странно, сейчас еда гораздо вкуснее той, которую он ел когда-то в детстве и потом, в трудные годы перестройки. Еда вкуснее, а удовольствия от еды он давно не получает.

На лавке у подъезда сидела соседка. Соседка была его ровесницей и жила здесь с незапамятных времен, как и он, но он до сих пор не знал, как ее зовут. Рядом с женщиной стояла сумка-тележка.

– Давайте донесу, – предложил Анатолий Михайлович.

– Спасибо, сумка не тяжелая, – улыбнулась соседка. – Завтра похолодание обещали. Подышу воздухом, пока тепло.

– Жаль, – искренне посетовал он на прогноз погоды.

– Жаль, – подтвердила женщина. – Я из дома почти не выхожу, и то не хочется, чтобы дожди полили. Представляю, как вам с Катей

обидно! Ваша Катя молодец, гуляет по вечерам. Я вчера из гостей возвращалась, ее встретила...

Он продолжал улыбаться соседке, но сердце застучало глухо и так сильно, что, казалось, мешало слышать слова, которые произносила давно знакомая совершенно чужая женщина.

Ожидая лифта, он постарался медленно и глубоко дышать, и ему показалось, что у двери квартиры он уже совсем успокоился.

– Толенька! – Жена вышла ему навстречу.

– Все в порядке? – Он поцеловал Катю, протянул ей хлеб.

Вечер шел как обычно, на время ему даже удавалось совсем забыть и про вчерашнее, и про то, что сделала дочь. Только когда совсем стемнело и жена уже легла, он зашел в кладовку. Моток веревки, от которой он накануне отрезал кусок, нужно было выбросить, и как можно быстрее.

Моток он искал долго. Его не оказалось на том месте, где он вчера его оставил. Его вообще не оказалось в кладовке.

Подруга выглядела грустной и бледной, но Кира этого не заметила.

– Иди сюда! – торопила она Машу, таща к компьютеру. На относительно большом экране ребенок был виден отлично. – Похож на Дениску?

– Не знаю, – просмотрев снимки, побоялась сделать заключение Маша.

– Похож! – удовлетворенно решила Кира. – Вот, смотри!

Она ткнула пальцем в альбом с фотографиями маленького Дениса.

– Ну конечно, похож!

– Кира, – Маша отодвинулась от компьютера, повернулась к подруге, – ну даже если это и так... Даже если это ребенок Дениса... Что ты теперь можешь сделать? Придешь к Алиному мужу и скажешь – это не твой ребенок? Ты хочешь, чтобы у малыша отца не было?

– Я хочу, чтобы у меня был племянник! – отрезала Кира, отвернулась и подошла к окну. – Тебе не понять!.. У меня никого нет, понимаешь? У тебя родители, Лена. А у меня никого! И потом... Я не хочу, чтобы малыш вырос таким, как Алька! Я хочу, чтобы он вырос таким, как Денис. Алька хитрая дура, а Денис был нормальный.

– Но... – опешила Маша. – Она же мать! Отнять ребенка ты все равно не сможешь.

– Я хочу его видеть! Я хочу с ним играть!

– Кира, я не понимаю. – Маша пожала плечами. – Ты что, собираешься ее шантажировать? Как ты влезешь в их семью?

– Нужно сделать генетическую экспертизу.

– Но Дениса больше нет!

– Ну и что? Я-то есть. Экспертиза покажет родство.

То, что затевала подруга, было нехорошо, неправильно. Правильно было оставить Алю в покое, а не трепать ей нервы. В конце концов, она воспитывает сынишку, и любая нервотрепка обязательно отразится на ребенке.

В Маше что-то изменилась за последнее время. Она не стала убеждать Киру, как сделала бы еще недавно, только спросила:

– Как ты себе это представляешь? Для генетической экспертизы, наверное, нужны какие-то основания.

– Если нужны, значит, организую! – отрезала Кира и наконец повернулась к подруге: – Узнаю, что нужно для генетической экспертизы, и все сделаю. У моего соседа родственник этим занимается.

– Как знаешь, – покачала головой Маша. – По-моему, это нехорошо, но тебе видней.

– Да что нехорошего-то?

Маша не ответила. Они с подругой не понимали друг друга.

Впрочем, сейчас Машу гораздо больше занимало, что они с Павлом плохо понимают друг друга.

Желание рассказать про Колю у Киры пропало начисто.

Маша еще недолго посидела у подруги и простилась.

К вечеру подул холодный ветер, поднял пыль с тротуара, швырнул Маше в глаза. Теплые дни кончались.

Она садилась в машину, когда позвонила тетя. Ленин голос звучал устало, но у Маши были свои проблемы, и ей было не до тети.

Поговорили о том, кто завтра польет цветы, потом помолчали. Маша повертела головой, Лена мешала ей отъехать от Кириного дома.

– Когда тебе на работу? – спросила тетка.

– В следующий понедельник.

– Вам с Пашей нужно обязательно поехать отдохнуть.

– Съездим. Возьму за свой счет и съездим.

Стоявшая впереди «Шкода» покрутилась, уехала. Маша прижала телефон плечом и тоже тронулась с места.

– Ты знаешь, – опять немного помолчав, сказала Лена, – я поняла, что самое страшное в жизни. Самое страшное – это остаться одной.

– Но ты не одна, – возразила Маша. – Я тебя очень люблю, и мама любит.

– Я знаю, Машенька. Я не об этом, ты же понимаешь.

Маша понимала. Ей тоже было страшно остаться одной.

Когда-то она читала, что это типичный женский комплекс. Комплекс идет из глубины веков, когда женщина просто не могла выжить без мужчины.

Наконец тетя простилась. Маша включила радио, послушала про скандал в Питере, связанный с установкой памятной доски Маннергейму. Маше до Маннергейма и до доски не было никакого дела. Правда, у нее была старая тетка, пережившая блокаду, и тетке установка доски едва ли понравилась бы. Впрочем, тетки давно нет в живых, Маша ее даже ни разу не видела.

Потом сообщили курс доллара и цены на нефть, что интересовало Машу еще меньше Маннергейма, и на завтра пообещали похолодание. Радио отвлекло от дороги, и Маша его выключила.

– Ты дома? – удивилась она, отперев дверь в квартиру.

– Приехал минут пять назад, – обнял ее Павел. – Совещание в департаменте было, ну а потом ехать на работу никакого смысла.

Под его руками было уютно и спокойно. Он очень любит Машу, и она никогда не должна в этом сомневаться.

Только ложась спать, Маша все-таки спросила:

– Паш, может быть, позвоним Варю?

У Нинули была еще одна особенность, она никогда не сообщала обездоленным, что лишила их своей милости.

– Послушай. – Вопрос Павлу не понравился. Он даже отодвинулся от Маши, положив руки под голову. – Ну конечно, я не оставлю Варю ни с чем. И Сережку не оставлю. Но для всех будет лучше, если имущество перейдет ко мне. Я хотя бы его не разбазарю. У Сергея через полгода снова не будет ничего, неужели ты не понимаешь?

Маша понимала и даже была уверена, что именно так и произойдет. Но... Сережа взрослый человек и никого не просил быть

его опекуном.

– Квартиры будем сдавать и делить деньги на троих, – объяснял муж. – И в деревню Варька всегда может приезжать с ребенком, не выгоним же мы ее.

Конечно, они не выгонят Варю. Они просто сделают ее бедной родственницей, приживалкой, как в романах русских дореволюционных классиков.

– И вообще, Нинуля еще нас может пережить, – заключил Павел, повернулся и снова обнял Машу.

И опять ей стало тепло и спокойно под его руками. Это было главное, и только это имело значение.

6 сентября, вторник

С самого утра, едва Анатолий Михайлович вошел в кабинет, раздался неприятный звонок. Звонил давний приятель, и сначала Анатолий Михайлович звонку обрадовался, насколько вообще мог радоваться в его теперешней ситуации. Когда-то они с приятелем любили изредка попить пивка и водочки, поспорить о политике и разойтись, довольные друг другом и собственной жизнью.

На этот раз друг встретиться не предложил, а озабоченно попросил устроить некоего молодого человека на перспективное место.

– Парень отлично окончил институт. Ему бы теперь поработать, опыта набраться. Ну, ты понимаешь.

Анатолий Михайлович понимал. В последние годы многое изменилось в нашей промышленности, и изменилось не в лучшую сторону. Если еще лет десять назад на руководящие должности всех звеньев выдвигались действительно хорошие специалисты, то теперь тепленькие места массово занимали родственники и друзья тех, кому удалось подняться повыше по иерархической лестнице. Это не сулило ничего хорошего ни стране в целом, ни отрасли в частности, все это понимали, и все были бессильны.

– Попробую, – пообещал Анатолий Михайлович, прикидывая, кому теперь нужно позвонить насчет молодого специалиста с большими претензиями.

Тут же раздался еще один звонок, и Анатолий Михайлович погрузился в привычную суету рабочего дня.

День прошел быстро, как раньше, когда ему в страшном сне не мог присниться моток хозяйственной веревки. Анатолий Михайлович этому слабо удивился. Ему казалось, что после случившегося его должны мучить постоянные угрызения совести, а мучила его только неизвестность. Еще мучила жажда, он достал из холодильника поллитровую бутылку минералки, медленно выпил, бросил бутылку в мусорную корзину и запер кабинет.

На улице заметно похолодало. Злой порывистый ветер дул прямо в глаза, продувал легкий пиджак насквозь, и до метро Анатолий Михайлович дошел быстро, обгоняя прохожих.

На этот раз все говорило о том, что в «Фермерских продуктах» о смерти молодой продавщицы известно. Глаза у пожилой женщины за прилавком были заплаканы, она переговаривалась со старушкой-покупательницей и шмыгала носом, подавая старушке хлеб. За бабкой стояли еще два человека, и Анатолий Михайлович шагнул опять на улицу. В магазин лучше наведаться вечером, когда покупателей совсем не будет.

– Катя! – крикнул он, отперев дверь в квартиру. Дома было тихо, и он испугался.

– Да, Толенька. – Жена появилась из бывшей комнаты дочери, улыбнулась, легко прижалась к нему, отпустила. В комнату дочери они почти не заходили. Комната как будто ждала Алю, которая вот-вот должна была вернуться.

Он посмотрел в ласковые глаза, поцеловал жену и неожиданно заметил, что она постарела. Катя уделяла много времени своей внешности и всегда выглядела очень молодо, намного моложе своих лет.

– Ужинать будешь?

– Давай.

Анатолий Михайлович умылся, переоделся, сел за стол. Жена быстро поставила перед ним закуски, подала его любимую еду – мясо с картошкой. Они почти не разговаривают в последние дни, с равнодушным удивлением отметил Анатолий Михайлович.

Раньше жена постоянно щебетала, что-то рассказывала, а чаще на кого-нибудь жаловалась. Жаловалась не для того, чтобы он немедленно принял меры, а просто чтобы показать, как она устала и измучена. «У соседей наверху целый день сверлили, – говорила она между делом и

вздыхала. – Я думала, с ума сойду». Анатолий Михайлович жене сочувствовал. На словах сочувствовал, на самом деле до ее времяпрепровождения ему особого дела не было.

В первые годы ее жалобы забавляли, потом надоели, но и раздражения не вызывали. Это было частью его жизни, а свою жизнь Анатолий Михайлович считал вполне удавшейся.

Он поужинал, повалялся с планшетом на диване, посмотрел на часы, засобирался.

– Катя! Я пройдушь немного.

– Конечно, Толя.

У дверей он задержался. Очень хотелось спросить, куда жена выходила позавчера вслед за ним. Он не спросил и потом долго об этом жалел. Впрочем, изменить что-то едва ли было возможно.

В магазин он вошел за семь минут до закрытия. Пожилая продавщица понуро сидела за прилавком, глаза у нее по-прежнему были красными.

– Хлеб остался еще? – улыбнулся он и тут же участливо спросил: – Что-то случилось?

– Случилось. – Женщина заплакала по-настоящему. – Танюшку убили.

– Родственница ваша? – У него хорошо получалось сочувствие. Женщина поднялась, наклонилась к нему через прилавок. Черная подводка вокруг глаз расплылась и почти стерлась, и смотреть на нее Анатолию Михайловичу было неприятно.

– Не родственница... Работала тут у нас. Мы с ней через два дня менялись. А тут я в деревню к родне ездила, так она всю неделю работала.

– Девушка-продавщица! – ахнул он. – Господи, я же ее только пару дней назад видел!

– В лесу нашли... Убитую...

В лесу ее найти не могли, ее нашли в городском парке. Анатолий Михайлович замер. Вот на таких мелочах полиция и ловит преступников. Женщина говорила, он делал вид, что ужасается. Отныне, кто бы его ни спросил, он знает, что девушку убили в лесу. Наверное, где-то в Подмосковье. Ему сказала об этом пожилая продавщица.

Хлеба в магазине уже не оказалось, и домой он вернулся с пустыми руками. Давно пора было ложиться, но он упорно искал веревку и опять не нашел.

7 сентября, среда

Желание подтвердить, что мальчик – ее родной племянник, сидело в голове прочно. Кира не была совсем безмозглой и совсем бессовестной не была и, конечно, понимала, что грубо лезть в чужую семью нельзя. Она этого и не собиралась делать. Сейчас ей просто хотелось знать все точно.

Еще очень хотелось взять мальчишку на руки, покачать на коленях, обнять. Детей на коленях Кира не держала никогда. Самой близкой подругой была Маша, но у Маши детей не было, а все остальные, кто ее окружал, были совсем чужими. Марина иногда приводила сынишку, Кира сажала его за компьютер и скачивала ему игры, но на колени не брала. В голову не приходило.

Вчера на работе она, выбрав удобный момент, позвонила соседу Ивану Яковлевичу и попросила телефон его племянника. Того самого, который собирался провести генетическую экспертизу для Дениса.

– Зачем тебе? – любопытствовал сосед.

– Надо, – отрезала Кира.

Сосед помолчал, вздохнул.

– Сказать не хочешь?

– Не хочу.

Иван Яковлевич опять вздохнул и продиктовал билайновский номер.

– Зашла бы в гости как-нибудь, – посетовал напоследок.

– Обязательно, – пообещала Кира. – Перееду в родительский дом и буду к вам каждый день заходить. Еще надоем.

Звонить соседскому племяннику в рабочее время она не рискнула. В любой момент могла появиться очередная клиентка, а разговор предстоял серьезный. Она позвонила, когда заперла дверь салона.

Заперев дверь, Кира повертела головой, но Колиной машины не увидела. Она не испугалась и не расстроилась, знала, что он обязательно появится. Она теперь все о нем знала.

Кира прислонилась к перилам и достала телефон.

Похоже, Иван Яковлевич с племянником переговорить успел, потому что звонку тот не удивился.

– Брат не говорил вам, – представившись, спросила Кира, – зачем ему нужна экспертиза?

– Нет, – быстро ответил мужчина. Кира не поняла, сказал он правду или соврал.

– Мне тоже нужна экспертиза.

Мужчина говорил недолго, но главное Кира уяснила сразу. За деньги можно сделать все. Нужен только генетический материал. Хорошо бы слюну, но сойдет и что-то другое, волос, например. Правда, в этом случае платить придется больше.

Подъехала «Тойота», Кира убрала телефон, спустилась с крыльца.

– Начальство задержало, – начал оправдываться Коля.

– Ничего, – милостиво простила его Кира, подумала и пристегиваться не стала, а потянулась к нему обнять. Обниматься было неудобно, машинные сиденья для этого не предназначены.

– Я люблю тебя, – шепнул он то, что Кире очень хотелось услышать.

– Я тебя тоже.

Она наконец оторвалась от Коли и стала смотреть в окно. Скорее бы получить заключение экспертизы.

– Мне кажется, что ты сейчас где-то не здесь. Не со мной, – угадал Николай. Вообще-то он не смотрел на нее, только на дорогу. Кире опять захотелось его обнять и почему-то захотелось заплакать.

– Я с тобой.

Скорее бы получить заключение экспертизы. После этого она пойдет в церковь и поставит свечку в благодарность за то, что встретила Колю.

Она помчалась к Але во двор, едва за Колей утром захлопнулась дверь.

На детской площадке двое молодых парней-таджиков скребли метлами. Кира прошла между домами, заметила маленькое кафе, попросила кофе, уселась с чашкой у окна.

За столик рядом уселись две пожилые дамы, заговорили про растущую дороговизну.

«Не так уж бедствуют, – зло подумала Кира. – Иначе кофе пили бы дома, а не в кафе».

С чашкой кофе удалось протянуть минут десять. Она опять наведальась на площадку, на этот раз на площадке не было никого, даже дворников.

Она болталась по округе еще часа полтора, когда, наконец, в очередной раз подойдя к детской площадке, увидела малыша. Кира сразу его узнала, хотя ребенок стоял к ней спиной, уткнувшись няньке в колени. Няня тихо ему что-то говорила, мальчик смеялся.

Кира села на соседнюю лавку, достала телефон, начала тыкать в экран – маскировалась. Потом сделала вид, что говорит по телефону, потом опять потыкала в сенсорную поверхность.

Мальчик полез в песочницу, принялся лепить из песка некое подобие пирамиды. Что произошло потом, Кира сразу не поняла. Няня неожиданно вскочила, бросилась к появившейся откуда-то девушке-азиатке, начала громко и настойчиво что-то требовать. Девушка испуганно отступала, Кира и малыш с удивлением уставились на вопящую няню.

Азиатка по-русски говорила плохо. Испуганно показывала куда-то в сторону и повторяла:

– Там, там.

Девушка была в жэковском жилете и никем, кроме дворничихи, быть в этом районе не могла.

Кончилось все быстро. Няня сорвала с азиатки сумку, девушка дрожащими руками вытащила из нее кошелек и еще что-то. Потом няня схватила испуганного ребенка за руку и метнулась к подъезду. Ребенка она не вела, а тащила, и Кире захотелось отнять у нее малыша и успокоить.

Кира опять принялась бродить по ближайшим улицам, периодически заглядывая на детскую площадку, но на площадке играли другие дети. Потом опять не стало никого. Время было послеобеденное, малыш уложили спать.

Вытереть мальчику нос, чтобы получить генетический материал, оказалось труднее, чем она предполагала.

Удивительно, но страх начал мучить Алю только теперь. В первые дни после того, как она вошла в квартиру к Денису, а потом уходила под проливным дождем, она почти не вспоминала об этом. Тогда ее мучило только то, что Костя проводит вечера с Девкой.

То ли оттого, что с Костей все обошлось, то ли просто прошел шок от сделанного, но страх подступил и не хотел отпустить. Аля принималась объяснять себе, что тюрьма не грозит ей ни при каких обстоятельствах. Ну что ей может вменить полиция? Да, она хотела поговорить с Денисом. Но он ей не открыл, это папа хорошо придумал. Что еще? Пистолета она в руках не держала много лет. Когда-то у папы было оружие, но она не имеет к этому отношения. Она давно не живет с родителями.

Детективные сериалы Аля любила и смотрела и знала, что после выстрела на руках остаются следы пороха. Но никакие следы не могут сохраняться месяц, тут ей ничего не угрожает.

Следы пороха могли остаться в сумке, она помнила, как швырнула туда оружие после выстрела. Да, на подкладке порох мог остаться, подкладку не отмоешь дочиста, как руки, но сумки давно нет.

Объяснения на какое-то время успокоили. Аля достала из холодильника сок, налила в стакан, подошла к окну. Внизу Данилка копался в песочнице. Леся сидела рядом на лавке, и еще какая-то женщина сидела на другой лавке, Аля не обратила на нее внимания.

Хорошо бы все-таки узнать, как продвигается следствие.

«Позвоню Кире», – решила Аля.

Звонить было немного страшно, она так и не поняла, знает Кира, кто отец Данилки, или не знает.

«Не знает, – уговаривала себя Аля. – Если бы знала, не молчала бы».

Едва ли подруга скажет об этом Косте, до такой подлости она все-таки не опустится, привыкла считать себя правильной, давно привыкла, с детства. Раньше любила повторять, что зло всегда возвращается. Сделаешь кому-нибудь гадость, гадость к тебе и вернется. Вряд ли сама додумалась до такой мысли, прочитала где-нибудь.

Аля с Кирой не спорила, но отлично знала, что за свое счастье нужно бороться. До последнего нужно бороться.

Допила сок, поставила пустой стакан на подоконник и с удивлением услышала, как зашуршал замок.

– Что случилось? – бросилась она в прихожую. Леся никогда не гуляла с Данилой меньше полутора часов.

– Мы у воловки твою сумку отняли, – объяснил мальчик.

– Ой, это кошмар какой-то!.. – затараторила Леся и сунула Але злосчастную сумку.

Аля всегда считала, что выражение «потемнело в глазах» образное, оказалось, что вполне реальное. Мир вокруг потемнел, Лесин голос сделался далеким и еле слышным, а в голове застучало так, словно туда засунули метроном.

Аля потрясла головой и недоуменно спросила, брезгливо глядя на протянутую сумку:

– Зачем ты это притащила?

Леся растерялась, посмотрела с удивлением. Господи, какая дура!

– Ты что сюда грязь таскаешь? – закричала Аля. – Здесь ребенок, между прочим! Выброси сейчас же!

Она кричала и понимала – не выбросит Леся дорогую вещь. Нищевродка с Украины никогда не выбросит брендовую сумку.

– Я, по-твоему, возьму сумку с помойки?!

Данечка испуганно попятился, она никогда до сих пор не переходила на крик. Аля заставила себя замолчать, подошла к шкафу, распахнула дверцу, за которой аккуратным рядом стояли сумки и ткнула туда рукой:

– Выбирай!

– Зачем? – Леся то ли вправду не понимала, то ли притворялась.

– Чтобы ты не оставила эту гадость себе! – отрезала Аля. – В доме ребенок, а ты тащишь какую-то дрянь с помойки. Додумалась!

– Аля, ну что ты! Не надо! – Нянька едва не плакала, и Алю это злило еще больше.

– Выбирай! Я хочу, чтобы ты взяла сумку. Любую!

Леся продолжала стоять. Аля поднялась на цыпочки – ряд сумок находился высоко, вытащила подаренную мамой в прошлом году среднюю сумку цвета слоновой кости, сунула няне в руки и уже спокойно сказала:

– Возьми. Я давно хотела тебе что-нибудь подарить. Бери, ты такую никогда не купишь.

Сумку Аля выбросила сама, опасалась, что Леся, несмотря на Алины указания, все-таки не кинет дорогую вещь в мусорный бак.

Свернула, упаковала в мусорный мешок и спустилась вниз. У подъезда двое полицейских разговаривали с парнем в штатском. Смеялись, наверное, парень был их знакомым. Первым желанием было

скрыться опять в подъезде, но Аля себя пересилила, прошла мимо. Когда вернулась, троицы уже не было.

Утренний страх сменился сосущей тоской. Нужно позвонить Кире и узнать, как продвигается следствие, иначе она будет дрожать при виде полиции всю оставшуюся жизнь.

Аля оказалась себе такой несчастной, что перехватило дыхание. Медленно переступая, она дошла до ближайшей лавки и села, подставив лицо солнцу. Папа должен был ее успокоить, а он даже не попытался это сделать.

Ей не повезло с родителями. Вот и мама... Аля знала, расскажи она матери правду, утешать пришлось бы маму, а не Алю.

Алю родители никогда не жалели. Отмахивались, когда она жаловалась на подруг, советовали быть с девочками помягче. Вообще-то советом Аля воспользовалась, научилась вести себя безукоризненно. С той же Лесей, например.

Подул ветер, Аля передернула плечами. Уходить с улицы не хотелось.

И Костя Алю не жалел. Он не бросил семью из-за Данилки, не ради Али.

И даже Денис не жалел. Она чуть с ума не сошла, когда услышала: «Мой сын будет моим сыном!»

У Данилки будет отец уголовник!

С судимостью Дениса на работу никуда не взяли бы, даже с папиной помощью. В смысле на приличную работу.

Господи, да и вообще, зачем ей такой муж? Даже если не брать в расчет судимость?

Ей нужен Костя, и больше никто!

Никто не знал, как сильно она жалела о том, что когда-то решила заполучить Дениса. Подруга Маша при Кирином брате бледнела, краснела, Кира над ней подсмеивалась, а Але было все равно. Не все равно ей стало, когда Денис начал поглядывать на Машу так, как не смотрел ни на кого больше. Аля это сразу заметила.

Сначала она столкнулась с Денисом в подъезде. Она точно знала, когда он возвращается из института. Шел дождь, и он пошел ее проводить.

– Знаешь... – сказала Аля на ступеньках своего дома. – Ты только не смейся, ладно? Ты мне очень нравишься...

Денис тогда только удивился, даже пошутил необидно, но смотреть на Алю с тех пор стал по-новому, ласково. Даже на Машку так не смотрел.

Потом он на Машу перестал смотреть совсем. Получилось все проще, чем Аля предполагала.

Всем на беду.

Солнце скрылось, и сразу стало холодно. Аля поднялась и быстро направилась к подъезду.

У полиции нет никаких доказательств.

Кира уже подошла к станции метро, но резко остановилась, достала телефон и отошла в сторонку, к огороженному низким заборчиком газону. Мимо сновали прохожие, Кира повернулась лицом к клумбе, аккуратным кругом желтевшей среди зеленой травы. Желтые цветы под ветром шевелили лепестками и казались жалкими и несчастными. Знали, наверное, что скоро зима.

Кира порылась в сумке, нашла визитницу и позвонила одному из полицейских, оставивших ей визитки. Визиток было две, она взяла первую попавшуюся.

– Покажите мне еще раз ту запись с камеры, – попросила Кира. – Где женщина входит в подъезд.

Она увлеклась племянником и совсем забыла, что нужно искать убийцу брата.

– Мы опросили всех соседей, – вздохнул парень полицейский. – Она не приходила ни в одну из квартир.

Запись она просматривала долго, полицейский ее не торопил.

– Узнали? – наконец спросил он.

Кира покачала головой – нет. Лица женщины видно не было. В кадр несколько раз попала сумка. Светлая сумка висела у женщины на плече.

Сумка была очень похожа на ту, которую нянька отняла у азиатки. И на ту, которая стояла на лавке рядом с Алей, когда они с Машей решили навестить старую подругу.

Если бы на кадрах действительно была Алька, она бы выбросила сумку давно. Сразу же.

Аля забыла сумку, а азиатка подобрала? Очень похоже. Если бы сумку нагло украли, нянька вела бы себя по-другому, наверняка закричала бы что-нибудь про полицию.

По фигуре в целом женщина походила на Алю, но могла быть и одной из миллионов других женщин.

Правда, у миллионов других женщин не было повода приходить к Денису, а у Али был.

Наверное, надо было сказать, что женщина напоминает ей бывшую невесту брата, но Кира не сказала. Выйдя из полиции, она позвонила Але.

– Ты приходила к Денису в день убийства? – спросила Кира.

Она вдруг почувствовала, что очень устала. Захотелось немедленно домой, выпить крепкого чаю и лечь спать под тихую музыку.

– Ты что, спятила? – тихо спросила Аля. – Зачем мне к нему приходить?

– Поговорить о вашем сыне!

– Что?! – выдохнула подруга.

– Да ладно тебе! – устало вздохнула Кира. – К Денису приходила женщина, и я думаю, что это ты. В полиции есть видеозапись.

– Дура! Проверься в психушке!

Кира услышала тихий щелчок – подруга отключилась.

Она еще немного постояла около клумбы и медленно пошла к своему бывшему дому.

Соседу в дверь она позвонила без предварительного звонка, бабушка наверняка укоризненно покачала бы головой.

– Заходи, – посторонился Иван Яковлевич.

– Помните, вы мне говорили, что женщину видели, когда Дениса убили? – Кира сбросила туфли, Иван Яковлевич протянул ей пушистые тапочки.

– Помню.

– Вы ее узнаете, если я вам фотку покажу?

– Вряд ли, – сосед покачал головой. – Не разглядывал я ее. Чаю хочешь?

– Хочу.

Кира помолчала, глядя, как сосед достает заварной чайник. Сам он, судя по всему, заваривал чай прямо в чашке, потому что чашка с остатками заварки стояла на столе прямо перед Кирой. Заварной чайник был красивый, изящный, Кира повертела его в руках. Китайский, наверное.

– Япония, – сказал Иван Яковлевич, усевшись напротив.

Кира вздохнула, поставила чайник опять на стол и провела пальцем по скатерти. Скатерть тоже была очень красивой, из чего-то легко моющегося и с редкими веточками на сером фоне. Тоже, наверное, Япония.

Она сделает ремонт в родительской квартире и будет покупать очень красивые мелочи. Например, такую же скатерть на кухонный стол.

– У Дениса раньше была девушка, – вздохнула Кира. – Даже, можно сказать, невеста. Вы знали?

– Откуда же мне знать? – удивился старый сосед. – Ходила к вам какая-то молодежь, и к тебе, и к Денису, но я за вами не следил...

– Ну... может быть, Денис вам рассказывал.

– Мы с ним больше о жизни говорили, – усмехнулся Иван Яковлевич. – А не о девушках.

Девушки тоже были частью жизни, но Кира поправлять соседа не стала.

– У нее ребенок, и я думаю, что это ребенок Дениса.

– Бывает, – заметил сосед.

– Это мой племянник!

– Генэкспертиза тебе для этого?

Кира не ответила, и так ясно.

– А она, мать, говорит, что ребенок не Дениса.

– Ей виднее. Она замужем?

– Замужем.

– Счастлива?

– Откуда я знаю! Наверное.

Еще бы Альке не быть счастливой. Муж, ребенок и денег куры не клюют. Подруга становилась счастливой, когда получала, что хотела. А получала желаемое она всегда, ей везло. Знала ведь, что Денис Маше нравится, а нацелилась на него и взяла свое. Маша про свои чувства никогда не рассказывала, но все видели и знали, и Кира, и Аля.

– Ну и чего ты хочешь?

Она хотела взять маленького Данилку на руки. Побаякать.

– Не лезла бы ты туда, – в сердцах сказал сосед. – Зачем чужому счастью мешать? Кстати, ты знаешь, что кое-кто из соседей хлопок

слышал? Только никто не понял, что это выстрел. Полиция нас всех по несколько раз опрашивала.

– Нет, – покачала головой Кира. – Только сегодня с ними разговаривала, а мне они про это ничего не сказали.

– Слышали хлопок, – подтвердил Иван Яковлевич. – Но у нас стены капитальные, сама знаешь. Гранату взорвут, а решат, что петарда.

– Во сколько это было?

– Около пяти.

– Значит, полиция что-то делает, – хмыкнула Кира. – А я думала, они совсем не шевелятся.

– Ну и зря ты так думала! Там такие же люди, как везде. Есть без совести, а есть и с совестью... Кстати, парнишку в очках, которого я тогда видел, я потом несколько раз встречал. Живет он здесь, в соседнем подъезде.

Кира еще посидела со стариком, уходить ей не хотелось и было очень жаль потерянных в одиночестве лет.

Домой она приехала перед самым приходом Коли, приготовить нормального ужина не успела, да и не из чего было, сварила пельменей и пообещала себе больше такого не допускать.

Лену Анатолий Михайлович увидел, едва выйдя из метро. Она его не заметила, прошла мимо метрах в трех, нырнула в стеклянную дверь. Он сделал несколько шагов и остановился.

Бывшего чувства, когда его тянуло к Лене, как будто без нее ему не хватало воздуха, больше не было. Только глухая тягучая тоска. Как будто еще несколько дней назад, когда он постоянно думал о Лене, он был живым, а теперь сделался мертвым. Живой он был способен любить, а мертвый оказался совсем без эмоций.

На какой-то момент ему все-таки захотелось рвануть вслед за Леной, догнать, зарыться лицом в ее волосы и забыть про весь тот ужас, который на него обрушился.

Анатолий Михайлович повернулся и медленно пошел к дому. Потом не выдержал и свернул к магазину.

В маленьком помещении какая-то молодая мама с двумя детьми уже расплачивалась за покупки. Один ребенок был совсем маленьким, лет двух, держался за материну ногу и весело улыбался. Девочка

постарше крутила в руках куклу, очень красивую, в роскошном бальном платье. Когда росла Аля, таких великолепных кукол не было.

Анатолий Михайлович позавидовал молодой женщине. Ей вряд ли приходится решать проблемы, которые мучают теперь и его, и дочь.

Продавщица его узнала, заулыбалась, потянулась за хлебом.

– Нашли убийцу? – доставая бумажник, спросил он.

– Ой... – Женщина тяжело вздохнула, покачала головой и перегнулась к нему через прилавок. – Водителя нашего арестовали. Стасика. Он нам воду возит и соки. Стасик за Таней ухаживал, только он ей не нравился. А зря, хороший парень. Вежливый. Татьяна иногда с ним гуляла, в ресторан ходила. А серьезного ничего не хотела. Наверное, богатого ждала. Вот и дождалась...

Женщина опять повздыхала.

– Только я не верю, что это Стас. Не верю, хоть меня режь. Не мог Стасик такого сделать, я его лет пять знаю. А полиции лишь бы кого-нибудь схватить...

– Разберутся, – успокоил Анатолий Михайлович. – Если не виноват, отпустят.

– Отпустят! Да им бы только отчитаться.

– Разберутся, – повторил Анатолий Михайлович. – Сейчас не сталинские времена. Без доказательств не осудят.

В магазин зашли, громко переговариваясь, два молодых парня. Анатолий Михайлович попрощался, вышел.

Тоска, которую он почувствовал, увидев Лену, усилилась, захлестнула. Меньше всего он хотел, чтобы осудили невинного. Меньше этого он хотел только, чтобы осудили дочь.

Незнакомому парня было жалко невыносимо, тюрьма казалась Анатолию Михайловичу страшнее смерти.

Он почти дошел до подъезда, когда заметил дочь. Аля поднялась со скрытой кустами лавки.

– Что? – хмуро спросил он.

Она подняла на него обиженные глаза, и он тоскливо замер. Мозг отказывался принимать что-то еще.

– Папа... – пролепетала она. – Папа...

– Ну говори! – Он схватил ее за плечо и сразу отпустил – мимо прошла недавно появившаяся соседка, поздоровалась, с интересом их оглядев.

– Пойдем домой! – Анатолий Михайлович шагнул к подъезду, набрал код домофона.

В лифте Аля молчала, и это давало надежду на то, что ничего настоящего ужасного больше не произошло. Иначе не выдержала бы.

– Кать, мы поговорим немного, – крикнул он жене. – Ужин нам организуй!

– Привет, мам. – Дочь поцеловала вышедшую им навстречу мать, он протянул жене пакет с хлебом.

– Говори! – Он пропустил Алю в комнату, закрыл дверь и привалился к ней спиной.

– Мне звонила Кира... – Дочь забралась с ногами на диван, как когда-то в детстве, и ему стало неприятно на нее смотреть, как будто она больше не имела права походить на девочку, ради которой он мог отдать все, включая собственную жизнь.

– Она стала кричать, что это я приходила к Денису. В полиции есть запись с камеры...

– Стоп! – перебил он. – Кира сказала полиции, что на видео ты?

Как только дочь попадет в поле зрения полиции, они расколют ее за пять минут. Они заставляют признаваться матерых преступников.

От недавней глухой тоски не осталось ничего. Он умел подавлять эмоции в нужный момент.

– Н-не знаю, – растерялась Аля.

– Узнай!

– Не могу. – Она опустила глаза. – Мы поругались.

– Кончай чушь нести! – заорал он и тут же заговорил тише: – Звони прямо сейчас, проси прощения и узнавай, что Кира сказала полиции!

– Папа! – Аля похлопала глазами, и опять это показалось ему пародией на прежнюю Алю. На глупую маленькую девочку, которую он очень любил. – Но ведь пистолета нет...

У него не было времени объяснять ей, что и без пистолета она запросто окажется в тюрьме.

– Звони!

Кира ответила не сразу. Он уже начал мучительно думать, что еще можно сделать прямо сейчас. К счастью, дочь заговорила.

– Кира, меня там не было. – Говорила она хорошо, устало, но твердо. – Правда! Я приходила к Денису, но раньше, не в тот день. Мне

его было так жалко! Слушай, я не хочу, чтобы Костя об этом знал. Конечно, у нас с Денисом ничего не было и быть не могло, но...

Дальше дочь молчала, а потом бросила телефон рядом с собой.

– Ну что? – Он пожалел, что не заставил ее включить громкую связь.

– Сказала, что я вру. Говорит, завтра пойдет в полицию.

«Кира не допускает, что брата могла убить ее подруга, – понял Анатолий Михайлович. – Девчонки поругались, и одна хочет потрепать другой нервы. Кира не стала бы ждать до завтра, если бы разговаривала сейчас с убийцей».

– Пап, она знает, что Данилка...

– Ладно, все! – оборвал он и, оторвавшись от двери, крикнул жене: – Кать! Мы идем ужинать!

Ужинать дочь не осталась, ласково попрощалась с матерью, кивнула ему.

Анатолий Михайлович сел за стол и через силу заставил себя проглотить очень вкусное мясо. Он улыбался жене и не видел ее, и поэтому не заметил, что постарела она еще больше.

Ему нужно было немедленно решать с Кирой.

8 сентября, четверг

Заснуть Анатолию Михайловичу не удалось. Это было плохо, потому что голова нужна была исключительно ясная. В первом часу мелькнула мысль принять снотворное, но делать этого он не стал, спать оставалось немного, и находиться утром под действием снотворного он не мог себе позволить.

Дочери он позвонил ровно в семь, проклиная себя за то, что не догадался все узнать вчера.

– Ты знаешь, где она живет? – спросил он. Имя Киры он произнести не смог, но дочь поняла все правильно и назвала адрес.

Говорила она тихо, и Анатолий Михайлович понадеялся, что догадалась разговаривать не при муже.

Он посмотрел карту, район был ему совсем не знаком.

Встала жена.

– Ты что так рано, Толенька? – Она улыбнулась, но ему показалось, что улыбка у нее вымученная. Впрочем, сейчас ему не до ее улыбок.

– Не спится, наверное, – в ответ он улыбнулся так же вымученно.

– Приготовить завтрак?

– Уже позавтракал. Бутербродами.

Она мешала ему сосредоточиться, и он заторопился:

– Я пойду, Кать. Дела.

В машине он посидел немного, положив руки на руль. В голове глухо стучало. Он достал из бардачка таблетку цитрамона, открыл бутылку газированной воды, которая валялась на соседнем сиденье уже недели три, запил лекарство. Воду он брал с собой, когда в последний раз ездил на дачу.

Во рту осталась горечь от таблетки, он сделал еще несколько глотков. Газ давно улетучился, вода казалась противной.

Пробок в городе еще почти не было, до дома Киры он доехал быстро. Вышел из машины, посмотрел на номер подъезда, снова сел за руль. Подъезд было видно хорошо.

Он понятия не имел, во сколько девочка должна выйти из дома и выйдет ли сегодня вообще. Лена рассказывала, что Кира работает где-то чуть ли не парикмахером. Жаль, что тогда его это абсолютно не интересовало и никаких подробностей он не выяснил. Тогда его удивило только, что девушка с хорошим высшим образованием не смогла найти в Москве нормальную работу.

Воспоминание о Лене опять не вызвало никаких эмоций. Впрочем, это его уже перестало удивлять.

Киру он узнал сразу. Она выбежала из подъезда легко и весело, и он слабо удивился, он ждал чего-то совсем другого. Следом появился молодой человек в очках, Кира повернулась к нему, засмеялась, и Анатолия Михайловича кольнуло предчувствие неудачи.

Все должно было быть не так. У нее должна была быть другая походка, другое выражение лица и никакого смеха. Еще недавно Лена рассказывала, как тяжело Кира переживает смерть брата. Со слов Маши рассказывала, но он этим словам верил.

Пара села в стоявшую рядом «Тойоту», Анатолий Михайлович поехал следом.

Дальше все получилось предсказуемо – «Тойота» остановилась у салона красоты, Кира повозилась с замком, исчезла за дверью.

Едва ли она уйдет с работы, чтобы немедленно рассказать полицейским, что, по ее мнению, к брату в момент убийства приходила

Аля. Кира могла позвонить в полицию, но тут он был бессилен.

Анатолий Михайлович нащупал в кармане бластер таблеток. Снотворное, судя по описанию, было сильным. Ночью он перерыл всю аптечку жены и снотворное выбрал сразу. Зачем жене снотворное, он не понимал, лучше других знал, что бессонницей она не страдала, но это было неважно. Важно было то, что у него сложился план.

Одинокая несчастная девушка, потерявшая последнего родного человека – брата, напилась снотворного – это могло сойти за правду. Лена поверила бы, решил он.

Нужно было только не засветиться. Отвести ее в какое-нибудь крохотное кафе, потом довезти до дома. Только не до подъезда, машину могут заметить соседи.

Она просто заснет, смерть будет безболезненной.

Планы менял молодой человек и счастливый смех Киры.

Впрочем, другого плана у него не было и приходилось идти до конца.

«Поеду на работу, – решил Анатолий Михайлович. – Не торчать же здесь до вечера».

Остановившись перед очередным светофором, он скосил глаза на соседнюю машину. Через стекло на него весело смотрела девчушка лет двух, он улыбнулся девочке и неожиданно вспомнил давно забытую историю.

Дочери было столько же, года два. Детские площадки тогда не были такими ухоженными, не было всевозможных качелей, малышня просто возилась у песочниц. Почему Аля невзлюбила девочку-ровесницу, никто так и не понял. Чужая девочка приходила то с отцом, то с матерью, оба были с Кавказа и плохо говорили по-русски.

Аля начинала кричать, едва завидев девочку, и они с женой ничего не могли поделать. Он все уладил, конечно. Предложил родителям девочки денег, и проблема была решена. Больше он не видел на их площадке ни родителей, ни ребенка.

Девочка чем-то мешала дочери, и девочку убрали.

Теперь дочери мешает Кира...

Анатолий Михайлович помахал рукой охраннику офисной стоянки, проехал под поднявшимся шлагбаумом и постарался сосредоточиться на служебных делах.

До вечера было еще далеко.

Маша наблюдала, как Павел в спешке ищет ключи, бумажник, хмурится и чертыхается. Спешить муж не любил, но сегодня они проспали. Наконец ключи и бумажник были положены в нужные карманы, но тут зазвонил сотовый, и Павел несколько раз произнес в трубку:

– Нет... Нет... Не получается, извини...

– Кто это? – спросила Маша.

– Василевский, – поморщился Павел. – Ходят слухи, что их контора закроется. Просил узнать насчет работы.

Фамилию Василевский Маша слышала неоднократно. Один из старых приятелей Павла, не представляющий для него никакого интереса.

– Ты узнал?

Муж обнял ее, Маша прижалась к нему щекой.

– Нет. В плохое место он сам не пойдет, а хорошие я хочу придержать для себя.

– Что? – испугалась она. – У тебя что-то не так на работе?

– У меня все так, – успокоил он. – Просто... Мы все под богом. Наша фирма существует за счет госфинансирования. Не будет бюджетных денег, не будет фирмы.

– Паша...

– Да не бойся ты! – засмеялся он. – Пока все хорошо. Будем надеяться, что и дальше будет не хуже. Но на всякий случай запасные аэродромы готовить надо.

Маша заперла за мужем дверь и приказала себе забыть о Василевском, которого она даже ни разу не видела. Она бы так не поступила, но Павел имеет право на свои поступки. И еще неизвестно, кто из них прав. Она сейчас рядовой сотрудник и с очень большой вероятностью останется им до конца дней своих. А муж молодой перспективный ученый, и перед ним большое будущее.

И вообще, не надо лезть в мужские дела. Павел старается не только для себя, для нее тоже. Кроме него, никто на свете для нее не старается.

– Как дела, Лен? – позвонила она тете. Просто так позвонила, чтобы отвлечься.

Голос у Лены был усталый, замученный. Маша не стала спрашивать причину, она ее знала – одинокие люди редко бывают счастливыми. Маша, во всяком случае, таких не встречала.

– Нормально, – отчиталась тетя. – А у вас?

– Тоже все хорошо, – заверила Маша.

– Вы бы не тянули с ребеночком, Машенька, – неожиданно сказала Лена. – Жизнь коротка, не успеешь оглянуться, будет поздно.

– Ладно, – засмеялась Маша. – Не будем тянуть.

У нее в жизни все отлично, а настроение было паршивым, даже разговор с тетей не помог. Это от безделья, нужно выходить на работу, и все наладится.

Почти сразу телефон зазвонил снова.

– Привет! – сказала Кира и хихикнула.

Маша обомлела, подруга давно не была той, прежней Кирой, с которой всем и всегда было весело. Маша думала, Кира навсегда утратила способность веселиться по любому поводу.

– Я вчера такое видела!..

Кира рассказывала, как нянька Алиного сына накинута на бедную мигрантку, Маша улыбалась.

– Аля выбросила сумку в контейнер. Я видела, – сообщила Маша.

– Когда?

– Когда мы с тобой к ней потащились и в кустах прятались. Когда же еще? Подошла к контейнеру и бросила сумку. А ты что, не видела?

– Нет, – призналась Кира и хмыкнула. – Ты бы выбросила хорошую сумку?

– Я бы нет, но у богатых свои причуды. А зачем ты опять туда ходила? – догадываясь, спросила Маша.

Кира вздохнула, Маша вздохнула тоже. Ясно зачем – посмотреть на мальчика. Ничего хорошего из того, что делала подруга, выйти не могло, но Маша не стала ее поучать. Они давно взрослые люди, у них свои головы на плечах.

Подруги еще поболтали, потом Кира с кем-то заговорила, с клиенткой, наверное, и разговор пришлось прервать.

А потом раздался звонок, которого Маша совсем не ожидала. Вернее, очень хотела, чтобы этого звонка не было.

– Маш, – робко произнесла Варя. – Ты не знаешь, Нинуля на меня дуется? Паша тебе ничего не говорил?

«Нет, – хотелось ответить Маше. – Я ничего не знаю».

Пусть они разбираются между собой сами. Ее это не касается.

– Звони, поезжай и кланяйся, – сказала Маша. – И Сереже скажи.

Нинуля вычеркнула вас из завещания.

Павел совершает свои поступки, а она будет совершать свои.

Лена не права, остаться одной не самое страшное. Самое страшное – перестать быть собой.

День тянулся медленно. Анатолий Михайлович решал срочные вопросы, подписывал бумаги и старательно пытался отключиться от того, что ему предстояло сделать. Временами получалось. Одно из совещаний вышло бурным, он едва не сорвался на крик, стараясь остудить не в меру ретивого подчиненного. Обычно Анатолий Михайлович инициативу снизу поощрял и искренне относился к ней всерьез, не только на словах. Сегодня раздражало все. А особенно почему-то секретарша. Секретарша тайком хихикала в трубку, смотрела на него сияющими глазами и улыбалась во весь рот. Наверное, вечером отправится на свидание. Дура!

На секретаршу он, слава богу, голоса не повысил, заставил себя улыбнуться, прощаясь.

К салону красоты подъехал за полтора часа до закрытия. Медленно прошелся вдоль дверей, вернулся к машине. У самого салона припарковаться не удалось, он пристроился у поворота к салону. Если Кира пойдет к метро, лучшего места не найти. Второй выход вел к парку, и Анатолий Михайлович успокаивал себя тем, что едва ли девушка отправится гулять после долгого рабочего дня.

Со стороны салона выехал «Опель». Анатолий Михайлович выбрался из машины, посмотрел – освободилось место почти у нужной ему двери. Быстро переставил машину и опять принялся терпеливо ждать.

Он едва не застонал, увидев остановившуюся почти рядом с ним «Тойоту». Навалилась мутная тяжелая усталость, а самое страшное – сосущее предчувствие беды.

Кира появилась минут через пять. Повозилась с замком, впорхнула в «Тойоту». Он, конечно, проводил «Тойоту» до Кириного подъезда, понаблюдал, как парочка скрылась за дверью.

Больше здесь делать было нечего.

До дома он доехал быстро, и, открыв дверь собственной квартиры, неожиданно привалился спиной к косяку. Не то чтобы закружилась голова, просто не осталось сил сделать лишний шаг.

– Толенька! – вымученно улыбнулась ему вышедшая навстречу жена. – Тебе нехорошо?

– Ничего. – Он заставил себя оторваться от двери. – Ничего, все нормально.

Жена ушла на кухню. Он вымыл руки, отправился следом за ней.

– Ужинать будешь?

– Сделай чаю.

Она поставила перед ним чашку, сахар. Достала его любимое черносмородиновое варенье.

– Все плохо, Толя?

– Что? – не понял он.

– Толя, я видела, как она брала пистолет. – Жена села напротив, глядя на него спокойно и обреченно.

Она – это их дочь Аля. Аля взяла пистолет и убила человека. Человек мог доставить ей неприятности.

– Она забежала, прошла к тебе в комнату... Шел дождь. Я еще боялась, что она простудится. Она положила пистолет в сумку...

Анатолий Михайлович молчал. Его уже ничем нельзя было удивить, даже тем, что жена знала про дочь раньше него.

Потом она, конечно, слышала его разговоры с дочерью. Поэтому и вышла следом за ним, когда он отправился убивать девочку-продавщицу.

– Ты выбросила веревку?

– Да. Я видела, как она садилась в твою машину.

Она – это девочка-продавщица. Зря ему казалось, что они с женой плохо понимают друг друга.

– Арестовали ее поклонника, – даже в этой ситуации Анатолия Михайловича мучила судьба незнакомого парня.

– Его отпустили, – быстро сказала жена. – Я сегодня там была, в магазине. Продавщица с какой-то бабкой это обсуждали. Парня отпустили, у него алиби.

– Кира пригрозила Але, что расскажет полиции, что Аля приходила к Денису, – он говорил и чувствовал облегчение. Теперь он был не один. Он всю жизнь был не один, ему это только казалось. –

Кира узнала Алю на видео с камеры в подъезде. Скорее всего врет, Аля прикрывалась зонтом. Но если Алька попадет в полицию, они расколют ее максимум за десять минут. Выстрел наверняка кто-нибудь слышал. Сейчас в полиции о ней просто не знают. Я думаю, сейчас они отрабатывают номера с Денискиного мобильного.

– Но ведь пистолета больше нет...

– Катя! Они добиваются признаний у матерых преступников!

– Кстати, куда ты дел пистолет?

– Выбросил. В пруд на Чистых прудах. В центре народу не больше, чем на окраинах, а за сиренью там ничего не видно.

Чай остыл. Анатолий Михайлович попробовал его и отодвинул чашку. Жена вскочила, снова включила чайник.

– Кира не должна попасть в полицию...

– Когда-нибудь она туда попадет, – спокойно сказала жена. Она снова села за стол, обвела глазами полки. Кухню они сменили совсем недавно, жена долго ее выбирала и долго сомневалась, правильно ли сделала выбор.

– Я постараюсь, чтобы этого не произошло.

– Толя, ты же понимаешь, что невозможно предусмотреть все. Ты не киллер, тебе не может постоянно везти.

– Надо же что-то делать... Я не могу просто сидеть и ждать. Я с ума сойду.

Фраза была недостойной, женской, прежний Анатолий Михайлович никогда не сказал бы такого.

Жена снова заварила чай, поставила перед ним чашку.

– Сегодня звонили Фроловы, соседи с дачи. Представляешь, обворовали несколько пустых домов. Тебе нужно съездить, проверить дом. Езжай прямо сейчас!

Потом ему казалось, что в тот момент он еще ничего не понял.

Воздух за городом был холодный и свежий. Пахло мхом, опавшими листьями. На безоблачном небе виднелись равнодушные звезды.

С их дачей все было в порядке.

Домой Анатолий Михайлович вернулся ранним утром. Жена лежала в постели, и сначала он решил, что Катя спит.

Она не спала. Она была мертва. На столе лежала пустая упаковка сильного снотворного и записка для полиции.

Жена признавалась в убийстве бывшего жениха дочери. Денис ревновал Алю и даже грозил убить, если бывшая невеста не вернется к нему. Она воспринимала эти угрозы всерьез, Денис очень изменился после заключения. Она скрывала от него адрес дочери, но понимала, что так не может продолжаться до бесконечности.

Она пошла на преступление ради счастья дочери.

Объяснение было слабеньким, но полиции придется его проглотить. Фигуры у жены и дочери были похожи, и прически были похожи. А место, где лежит пистолет, ставило жирную точку в деле об убийстве.

Ему никакой записки жена не оставила. Они и без слов друг друга понимали.

Эпилог

28 декабря, среда

Зима установилась ранняя, снежная, такой не было несколько десятилетий. Москва отлежала с гриппом, и Анатолий Михайлович тоже переболел. Болел он тяжело и долго и потом долго чувствовал изматывающую слабость.

А перед Новым годом потеплело. Возвращаясь с работы, он заглянул в магазин игрушек, долго стоял, рассматривая тесно заставленные полки. Выбрал железную дорогу лего.

Работа и внук были его спасением. Еще спасением была мысль, что за его грех не посадили невинного. Сам он в «Фермерские продукты» больше не заходил, просто случайно встретил пожилую продавщицу на улице, она и сказала, что убийство Тани так и не раскрыли.

Все свободное от работы и внука время Анатолий Михайлович мысленно разговаривал с женой. Это было явной патологией, но его не смущало. Он слишком поздно понял, как сильно виноват перед Катей. Виноват тем, что никогда ее не любил, считал пустой и неумной и мысленно никогда не называл по имени, только женой. Как будто она была не вполне человеком.

Она заснула, когда болела маленькая Аля, потому что устала и измучилась, а он решил, что она не способна никого любить, даже дочь.

Он изменял ей с Леной, а до этого с другими женщинами, а она продолжала его любить. Больше, чем саму себя.

По тротуару проехал трактор, сгребая снег на проезжую часть. Анатолий Михайлович посторонился.

Он не должен был уезжать в ту ночь, он должен был сам найти выход из того ужаса, в который они попали, а он переложил решение на нее.

Скандала удалось избежать, даже Костя считал, что теща умерла от сердечного приступа. Это стоило Анатолию Михайловичу некоторых денег, но деньги, слава богу, у него были.

У него не было главного – желания жить. Наверное, потому, что, губя чужую душу, мы убиваем собственную. А может быть, просто потому, что настоящая его жизнь была только с Катей. Не стало Кати, не стало жизни.

Отпирая дверь в квартиру, Анатолий Михайлович поставил коробку с лего на пол, толкнул дверь, нашарил выключатель и тихо произнес:

– Я пришел, Кать. Устал очень.

Сегодня у Киры был выходной, и его следовало потратить правильно, купить продукты и подарки, приготовить Коле нормальный обед. Она этим и занялась, отправилась по магазинам, домой притащила две тяжелые сумки. Уже начала раздеваться, но передумала, снова застегнула пуховик и медленно пошла по направлению к Алькиному двору. Идти было недалеко, Кира уже два месяца жила в родительской квартире. То есть они с Колей жили.

Еще обязательно нужно поговорить с Машей. Вчера подруга Киру почти убила – заявила, что они с Павлом разводятся. А про причину твердила, что не сошлись характерами. Жуткая глупость! Нужно вправить подруге мозги.

Сегодня Кире повезло, мальчик Даня весело скатывался с горки в снег, смеялся, отряхивался, снова лез на пластмассовую горку. С ним все хорошо. Кира повернулась и пошла назад домой.

Никакой экспертизы она, конечно, не сделала. Она и без экспертизы знала, что Даня ее племянник. Она бросится ему на помощь, если помощь потребуется. И не будет мешать, если в ее помощи не нуждаются.

Это решение пришло давно, еще в сентябре. Кира тогда увидела, как Даня бросился навстречу невысокому темноволосому мужчине, а мужчина подхватил его на руки, и оба весело смеялись. Тогда Кира еще твердо была настроена на экспертизу, пыталась выбрать момент и подобраться к ребенку. Она не подошла тогда к детской площадке, она и потом смотрела на Даню только издали.

Шок от того, что убийцей оказалась Алькина мама, давно прошел. А может быть, не прошел, а Кира просто притерпелась к этой мысли. В полиции ей показали предсмертную записку. Кира читала ее и жалела, что убийство не осталось нераскрытым.

Ей было бы легче жить, не подозревая, что зло можно ждать отовсюду. Даже оттуда, откуда совсем не ждешь.

Впрочем, мы не выбираем своей жизни. Нужно просто учиться не поддаваться злу. Это трудно, но она постарается.